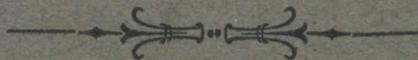

И. И. Лаппо.

Отчетъ профессора **ИМПЕРАТОРСКАГО** Юрьев-
скаго Университета **И. И. Лаппо** по ревизіи
преподаванія исторіи въ среднихъ учебныхъ
заведеніяхъ Рижскаго Учебнаго Округа.

Отдѣльный оттискъ изъ Ревизіонныхъ отчетовъ гг. профессоровъ Императорскаго
Юрьевскаго Университета.

Юрьевъ.

Печатано въ типографіи Эд. Бергмана.

1912.

И. И. Лаппо.

Отчетъ профессора ИМПЕРАТОРСКАГО Юрьевского
Университета И. И. Лаппо по ревизіи преподаванія
исторіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Риж-
скаго Учебнаго Округа.

Fr. R. Kreutzwaldi
nim. ENSV Riiklik
Raamatukogu

51008

ENSV
Riiklik Avalik
Raamatukogu

~~V64388~~

Предложеніемъ Господина Попечителя Рижскаго Учебнаго Округа отъ 19 марта 1910 года за № 3637 на меня было возложено производство ревизіи преподаванія исторіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Рижскаго учебнаго округа въ теченіе года. „Касательно территоріальнаго разграниченія учебнаго округа между ревизующими учеными“ я долженъ былъ вступить въ соглашеніе съ профессоромъ А. Н. Ясинскимъ, и бесѣда съ проф. А. Н. Ясинскимъ мнѣ выяснила, что моею обязанностью будетъ ревизія среднихъ учебныхъ заведеній въ городахъ Юрьевѣ, Ригѣ, Митавѣ, Либавѣ и Виндавѣ. Производство ревизіи я началъ присутствіемъ на рядѣ весеннихъ экзаменовъ въ Юрьевскихъ Гимназіи ИМПЕРАТОРА Александра I Благословеннаго, Реальномъ Училищѣ и Женской Гимназіи А. С. Пушкина. 29 и 30 ноября и 1, 2, 3 и 4 декабря 1910 года я посѣщаль уроки исторіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ г. Риги, 19 и 20 января 1911 года — Виндавы, 17, 18, 21 и 22 января — опять Риги, 7 и 8 марта — Либавы, 9, 10 и 11 марта — Митавы. Что касается среднихъ учебныхъ заведеній г. Юрьева, то въ нихъ я посѣщаль уроки исторіи въ мартѣ 1911 года и затѣмъ присутствовалъ на рядѣ экзаменовъ весною того же 1911 года. Производя ревизію, я былъ въ 30-ти среднихъ учебныхъ заведеніяхъ¹⁾ и присутствовалъ

1) Мужскія гимназіи: Рижская Александровская, Рижская Императора Николая I, Рижская Городская, Юрьевская Императора Александра I Благословеннаго, Либавская Николаевская, Митавская. Реальныя училища: Рижское Императора Петра I, Рижское Городское, Рижское Ф. Германа, Рижское А. Миллера, Юрьевское, Виндавское, Либавское, Митавское. Женскія гимназіи: Рижская Ломоносовская, Рижская О. Беатеръ, Рижская

на урокахъ 55-ти преподавателей и преподавательницъ¹⁾. Общее число уроковъ, прослушанныхъ мною, — 88. Начинать и заканчивать свою ревизию присутствіемъ на экзаменахъ я не случайно. Помимо того, что производство испытаній по исторіи само по себѣ должно было входить въ кругъ моей ревизіи, я считалъ необходимымъ, такъ сказать, подготовить себя присутствіемъ на экзаменахъ 1910 года къ посѣщенію уроковъ въ слѣдующемъ учебномъ году и установить хотя нѣкоторые отправные пункты для предстоявшаго мнѣ наблюденія хода учебныхъ занятій въ 1910—1911 учебномъ году — я знакомился съ результатами только что закончившихся годовичныхъ занятій въ трехъ, притомъ различнаго типа, учебныхъ заведеніяхъ Прибалтійскаго края, школы котораго, по мѣстнымъ условіямъ, имѣютъ свои значительныя особенности. Что же касается присутствія на экзаменахъ 1911 года, то оно должно было мнѣ дать возможность провѣрки цѣлаго ряда отдѣльныхъ наблюденій надъ условіями, отзывающимися на успѣшности преподаванія, которыя были сдѣланы мною при посѣщеніи уроковъ въ томъ самомъ учебномъ году, который завершился этими экзаменами.

Цѣли, которыя я себѣ ставилъ при посѣщеніи уроковъ и экзаменовъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, распадались на двѣ части: 1) я старался, на основаніи собираемаго мною во время ревизіи матеріала, выяснить себѣ степень осуществимости и цѣлесообразности курсовъ исторіи, проходимыхъ

Э. Депрео, Рижская П. Долгихъ, Рижская Н. І. Драудзинь, Рижская О. Лишиной, Рижская В. Малдона, Рижская Г. Садовской, Рижская Л. Тайловой, Рижская М. Лерхъ, Рижская А. Ястржембской, Юрьевская А. С. Пушкина, Видавская, Либавская, Либавская А. Гессау, Митавская.

1) Преподаватели: г. г. Асуръ, Богоявленскій, Вречкевичъ, Бѣлевитиновъ, Вестбергъ, Видеманъ, Гальковский, Грибе, Даниловъ, Еше, Ивановъ, Келеръ, Киприановичъ, Краснояръ, Лепорскій, Лунинъ, Лыковъ, Макаровъ, Маковъ, Макрадинъ, Манжосъ, Меттигъ, Миллеръ, Нифонтовъ, Окновъ, Петровъ, Пользинскій, Поппель, Пуццловъ, Руцкій, Сахаровъ, Сивицкій, Скрябинъ, Смирновъ, Сѣрковъ, Терещенко, Фаминскій Викт. Ник., Фаминскій Вл. Неоф., Феодотьевъ, Хваленскій, Чупровъ и Шебуевъ. Преподавательницы: г-жи Герцбергъ, Горнъ, Заубе, Кривуша, Кузьмина-Караваева, Лебѣдева, Матасова, Огнева, Столбишинская, Тихвинская, Ткаченко, Толстоногова и Яковлева.

въ настоящее время въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, наблюдая преподаваніе при различныхъ составахъ классовъ и при различныхъ индивидуальностяхъ преподавателей; въ то же время я старался останавливать свое вниманіе на общемъ строѣ того или другого учебнаго заведенія, или, лучше сказать, на его педагогическомъ укладѣ, въ условіяхъ котораго въ немъ ведется преподаваніе вообще, а стало быть, и исторіи въ частности; 2) я считалъ своимъ долгомъ приходиться на помощь отдѣльнымъ преподавателямъ, особенно молодымъ и менѣе опытнымъ, бесѣдуя съ ними, съ устраненіемъ всякой официальнойности, по поводу ихъ уроковъ и сообщая имъ мои наблюденія и замѣчанія, какъ матеріаль для обсужденія и обдумыванія ихъ послѣ, съ цѣлью усовершенствованія своего преподаванія. Такимъ образомъ, первая цѣль представлялась мнѣ, такъ сказать, общею задачею моей ревизіи; вторая же имѣла болѣе частный, но, на мой взглядъ, не менѣе обязательный для меня характеръ — школьная жизнь, какъ и жизнь вообще, слагается въ значительной степени изъ мелочей, которыхъ нельзя предусмотрѣть никакими регламентами, и бесѣда на основѣ опредѣленныхъ фактовъ, наблюдаемыхъ мною во время урока преподавателя, представлялась мнѣ необходимою для того, чтобы своею ревизіею я могъ принести, по мѣрѣ моихъ силъ, возможно больше пользы дѣлу преподаванія въ учебныхъ заведеніяхъ, подлежащихъ моей ревизіи. Само собою разумѣется, что въ бесѣдахъ съ преподавателями я былъ совершенно чуждъ взгляда на свои слова какъ на непогрѣшимыя и подлежащія обязательному исполненію, — я просто стремился давать преподавателю матеріаль для его самостоятельной работы надъ усовершенствованіемъ себя въ трудномъ, отвѣтственномъ и высокомъ дѣлѣ учителя.

Выполненная мною ревизія преподаванія исторіи входитъ въ „программу мѣропріятій, ведущихъ къ подъему преподаванія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Рижскаго учебнаго

округа“¹⁾, развиваемую Господиномъ Попечителемъ. Но успѣшность преподаванія каждаго предмета, а стало быть и исторіи, въ средней школѣ зависитъ отъ качества четырехъ факторовъ: 1) программъ, которыя даны преподавателямъ къ обязательному исполненію, 2) личности преподающихъ, 3) состава учащихся и 4) общаго уклада педагогической жизни учебнаго заведенія. Въ настоящемъ своемъ Отчетѣ я и коснусь каждаго изъ этихъ факторовъ; ихъ я имѣлъ постоянно въ виду, наблюдая преподаваніе исторіи при исполненіи возложенной на меня ревизіи.

I.

Программы исторіи, дѣйствующія въ настоящее время въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Рижскаго учебнаго округа.

Курсъ исторіи въ мужскихъ гимназіяхъ, реальныхъ училищахъ и женскихъ гимназіяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія распадается въ настоящее время на два имѣющихъ самостоятельное значеніе курса. Первый изъ нихъ подлежитъ прохожденію въ младшихъ классахъ, второй — въ старшихъ²⁾. По классамъ они распредѣлены не одинаково во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, но общее ихъ содержаніе можетъ быть признано сходнымъ. Первый изъ этихъ курсовъ — исторія отечественная. Содержаніе второго — русская и всеобщая исторія. Я остановлюсь сначала на первомъ, т. е. на курсѣ младшихъ классовъ. Онъ именуется Учебными Планами „элементарнымъ

1) Циркуляръ Г. Попечителя Рижскаго Учебнаго Округа отъ 6 сентября 1910 года за № 14134.

2) VIII-й классъ женскихъ гимназій, какъ специально-педагогическій, стоитъ по своей идеѣ уже внѣ средней школы, а потому и его программа должна разсматриваться отдѣльно отъ программъ остальныхъ классовъ.

курсомъ отечественной исторіи“ для мужскихъ гимназій, „элементарнымъ курсомъ русской исторіи“ — для реальныхъ училищъ, „эпизодическимъ изложеніемъ русской исторіи съ нѣкоторыми дополненіями изъ всеобщей“ — для женскихъ гимназій. Во всѣхъ обрѣзанныхъ мною реальныхъ училищахъ и мужскихъ гимназіяхъ, за исключеніемъ Рижской Городской, элементарный курсъ русской исторіи назначенъ Учебными Планами для I и II классовъ; въ женскихъ же гимназіяхъ и одной мужской, а именно Рижской Городской, начальный курсъ русской исторіи, согласно ихъ Учебнымъ Планамъ, проходится въ III классѣ. Такое различіе въ опредѣленіи классовъ для этого курса и въ назначеніи одногодичнаго или двухгодичнаго срока для его прохожденія находить свое объясненіе въ исторіи учебныхъ плановъ исторіи за послѣднее сорокалѣтіе. Эта исторія опредѣляетъ и характеръ и содержаніе разсматриваемаго курса въ основномъ типѣ среднихъ учебныхъ заведеній, т. е. въ мужскихъ гимназіяхъ. На ней необходимо остановиться для уясненія взгляда Министерства Народнаго Просвѣщенія на курсъ исторіи въ младшихъ классахъ вообще, ибо то, что даетъ эта исторія для мужскихъ гимназій, необходимо имѣть въ виду и по отношенію къ этому курсу во всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Впервые преподаваніе исторіи появилось въ двухъ младшихъ классахъ мужскихъ гимназій лишь со времени Высочайшаго повелѣнія отъ 20 іюля 1902 года. Раньше обученіе исторіи въ классическихъ гимназіяхъ начиналось лишь съ III класса. При этомъ Учебные Планы 1872 года назначали для III и IV классовъ мужскихъ гимназій „краткій эпизодическій“ курсъ всеобщей и русской исторіи¹⁾, а Учебные Планы 1890 года, отмѣняя эпизодическій курсъ исторіи вообще, замѣнили его для III класса „элементарнымъ курсомъ отечественной исторіи“, а съ IV класса установили уже начало прохожденія все-

1) Этотъ эпизодическій курсъ остался „почти безъ измѣненія“ и въ Учебныхъ Планахъ 1877 года, вносившихъ нѣкоторыя перемѣны въ Планы 1872 года.

общей исторіи въ связной послѣдовательности программы до VIII класса включительно, обозначая „полнымъ“ курсъ русской исторіи въ старшихъ классахъ въ отличіе отъ курса III класса ¹⁾.

Такимъ образомъ, за время существованія классическихъ гимназій съ эпохи реформы средней школы въ царствованіе имп. Александра II (въ министерство графа Д. А. Толстого) до нашихъ дней мы имѣемъ: 1) перенесеніе начала преподаванія исторіи въ гимназіяхъ съ III класса на I-й и 2) упраздненіе эпизодическаго курса исторіи всеобщей въ связи съ русскою и замѣну его элементарнымъ курсомъ отечественной исторіи. Въ этой перемѣнѣ, пережитой курсомъ исторіи въ младшихъ классахъ гимназій, выразились: 1) сознаніе необходимости болѣе основательнаго изученія въ гимназіяхъ историческаго прошлаго отечества, 2) сознаніе важности знакомства съ нимъ учениковъ гимназій съ самаго начала ихъ пребыванія въ школѣ ²⁾, 3) признаніе съ педагогической точки зрѣнія возможнымъ и полезнымъ усвоенію ими и доступности имъ элементарнаго историческаго курса, уже начиная съ I класса гимназіи, и 4) ослабленіе того исключительнаго значенія древнихъ языковъ въ системѣ гимназическаго преподаванія, которое имъ присвоивалось раньше. Учебные Планы семидесятыхъ годовъ истекшаго столѣтія не только не оставляли времени для прохожденія исторіи въ двухъ младшихъ классахъ гимназіи ³⁾, но и самое введеніе въ преподаваніе эпизодическаго курса, съ началомъ его древнею исторіею, объясняли съ точки зрѣнія строго выдержанной идеи основнаго значенія древнихъ язы-

1) Учебные Планы 1890 года сохранили свою силу въ Рижской Городской гимназіи, какъ и въ гимназіяхъ при историко-филологическихъ институтахъ (С.-Петербургскомъ и Нѣжинскомъ), въ гимназическихъ классахъ лицея Цесаревича Николая въ Москвѣ, въ гимназическихъ отдѣленіяхъ С.-Петербургскихъ училищъ при церквяхъ Св. Петра, Св. Анны, Св. Екатерины и реформатскихъ, училища при евангелическо-лютеранской церкви Св. Петра и Св. Павла въ Москвѣ, а также въ Лазаревскомъ институтѣ восточныхъ языковъ.

2) Приготовительные классы не входятъ въ составъ гимназій въ собственномъ значеніи этого понятія.

3) Въ I классѣ классическихъ гимназій полагалось 8 уроковъ латинскаго языка, во II-мъ — 7.

ковъ и классической древности въ системѣ гимназическаго преподаванія. Вотъ что читается въ „Объяснительной Запискѣ къ учебному плану исторіи“ въ изданіи 1877 года: „курсъ эпизодическій начинается съ древней исторіи: 1) потому что этотъ отдѣлъ исторіи даетъ болѣе матеріала, соотвѣтствующаго умственнымъ потребностямъ отроческаго возраста, и 2) чтобы учащіеся, ознакомившись съ главными событіями древней исторіи, имѣли возможность сознательнѣе относиться къ фактическому содержанію, извлекаемому изъ чтенія классиковъ на урокахъ латинскаго и греческаго языковъ. На этомъ основаніи въ III-мъ классѣ главнымъ образомъ проходится исторія Греціи и Рима въ эпизодахъ“. Въ приведенныхъ сейчасъ словахъ Объяснительной Записки имѣемъ ясно выраженными и увѣренность въ преимущественномъ значеніи для „отроческаго возраста“ изученія классическаго міра, и прямое приспособленіе курса исторіи къ интересамъ преподаванія древнихъ языковъ.

Учебные Планы 1890 года отмѣнили совсѣмъ эпизодическій курсъ исторіи въ III и IV классахъ, какъ уже было отмѣчено мною выше. На смѣну древней исторіи они ввели въ III классъ „краткій элементарный курсъ русской исторіи“, поясняя, что этотъ курсъ „имѣетъ цѣлью ознакомить учениковъ вкратцѣ съ важнѣйшими событіями изъ русской исторіи и съ нѣкоторыми основными чертами изъ жизни великихъ русскихъ историческихъ дѣятелей“. Объяснительная Записка къ разсматриваемому курсу при этомъ подчеркиваетъ, что онъ не долженъ имѣть эпизодическаго характера: „краткій курсъ русской исторіи предлагается учащимся не въ видѣ отдѣльныхъ эпизодовъ, а въ связномъ изложеніи и въ хронологической послѣдовательности, такъ чтобы ученики изъ сообщаемыхъ имъ свѣдѣній могли составить себѣ достаточно определенное представленіе о ростѣ и постепенномъ усиленіи могущества Русскаго государства, насколько это возможно по степени умственнаго развитія ихъ“. Такимъ образомъ въ 1890 году

курсъ III класса гимназій былъ опредѣленъ какъ исторія Россіи, въ ея связномъ изложеніи, и цѣлью его было поставлено усвоеніе учащимися очерка исторіи Русскаго государства, но не въ видѣ сухого перечня фактовъ этой исторіи, а въ видѣ красочной картины, на фонѣ которой должны ярко выступать выдающіеся дѣятели русской исторіи и ея наиболѣе крупныя событія. Иными словами, учащіеся изъ курса III класса должны вынести общее, но вполне ясное представленіе о томъ, какъ создалась современная Россія, и должны запомнить наиболѣе крупныя событія и крупнѣйшихъ дѣятелей ея исторіи. Изложеніе этого курса связное и въ хронологической послѣдовательности, но отнюдь не „прагматическое“, каковое должно имѣть мѣсто, согласно Учебнымъ Планамъ, лишь въ пяти старшихъ классахъ.

Дѣйствующая въ настоящее время программа исторіи для двухъ младшихъ классовъ гимназій завершила собою постепенную выработку требованій Министерства Народнаго Просвѣщенія по отношенію къ элементарному курсу русской исторіи. Переходомъ къ ней отъ программы 1890 года была реформа преподаванія въ гимназіяхъ, предпринятая въ министерство П. С. Ванновскаго, когда изученію отечественной исторіи въ младшихъ классахъ было отведено такое видное мѣсто. Пройдя этотъ моментъ своего развитія, дѣйствующія нынѣ Программа и Объяснительная Записка подводятъ, такъ сказать, итоги подъ постепенной разработкой цѣлей элементарнаго курса русской исторіи и его характера. Въ настоящее время этотъ курсъ, согласно требованіямъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, долженъ ставиться слѣдующимъ образомъ: 1) онъ долженъ представлять собою связное и послѣдовательное изложеніе отечественной исторіи¹⁾, но вводимый въ него матеріаль отнюдь не долженъ быть великъ²⁾; 2) онъ долженъ

1) Объяснительная Записка къ курсу I и II классовъ, § 2.

2) Ibidem, § 4.

быть чужды „внѣшней схематизаціи матеріала, умѣстной лишь въ систематическихъ курсахъ старшихъ классовъ; въ первоначальномъ же курсѣ учебный матеріалъ долженъ разрабатываться всегда конкретно и наглядно, въ деталяхъ, создающихъ жизненный образъ и живую картину“; 3) онъ долженъ соединять въ себѣ и „эпизоды внѣшней исторіи“, и „бытовыя картины“ — „должно чередовать разнородныя темы, чтобы избѣжать утомленія учащихся, происходящаго главнымъ образомъ отъ однообразія въ преподаваніи“; 4) небольшой объемъ фактическаго матеріала, введеннаго въ программу, дѣлаетъ то, что „въ распоряженіи преподавателя при прохожденіи курса исторіи въ младшихъ классахъ будетъ безъ сомнѣнія достаточно времени и для того, чтобы увеличить указанный матеріалъ посредствомъ разсказа и чтенія также и другихъ доступныхъ дѣтскому понятію историческихъ сюжетовъ біографическаго, былеваго и бытового характера“, и „въ этомъ отношеніи преподавателю предоставляется полный просторъ“; ему даже рекомендуется вводить разсказы изъ исторіи всеобщей „по связи съ разсказомъ о событіяхъ отечественной исторіи“, а „въ зависимости отъ мѣстныхъ условій преподаванія могутъ быть вводимы въ кругъ изученія событія мѣстной исторіи (напр., Кавказа, Остзейскаго края и т. д.)“; 5) „изложеніе класнаго разсказа слѣдуетъ, съ внѣшней стороны, дѣлать образнымъ и какъ можно болѣе простымъ и общепонятнымъ“, при чемъ „преподавателю надлежитъ пользоваться соотвѣтствующими пособіями (картинами, историческими альбомами и т. д.) и по возможности сопровождать свое изложеніе указаніями на картѣ, къ пользованію которой слѣдуетъ исподволь пріучать учениковъ“; 6) „было бы желательно возможно большее ознакомленіе учащихся съ историческими и литературными текстами, современными событіями и съ памятниками народной поэзіи“. Что касается цѣли элементарнаго курса, то Объяснительная Записка къ нему опредѣляетъ ее слѣдующимъ образомъ: „преподаваніе отечественной исторіи въ первыхъ двухъ классахъ имѣетъ своею воспитательною цѣлью

направить вниманіе и мысль дѣтей ко всему прекрасному и идеальному въ прошлой жизни родного народа, посѣять въ нихъ первыя сѣмена любви къ родинѣ, преданности престолу и отечеству. Воодушевленное патріотическимъ чувствомъ, любовью къ дѣтямъ и педагогическому дѣлу, умѣлое преподаваніе родной исторіи легко приведетъ къ желаемому результату и научить дѣтей любить свое великое государство и чтить его многотрудное прошлое“¹⁾.

Нельзя не признать, что Объяснительная Записка совершенно ясно и очень выпукло опредѣляетъ характеръ курса отечественной исторіи въ I и II классахъ гимназій. Она умалчиваетъ лишь о выработкѣ въ учащихъ извѣстныхъ умственныхъ навыковъ, которая должна въ преподаваніи идти постоянно рука объ руку съ передачей знаній. Впрочемъ, намекъ на эту выработку имѣемъ въ словахъ Записки о пріученіи учащихъ исподволь къ пользованію картою. Конечно, болѣе детальныя указанія на этотъ счетъ Объяснительная Записка не дѣлаетъ потому, что считаетъ содержаніе ихъ хорошо извѣстнымъ преподающимъ въ гимназіяхъ и ими управляющимъ. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что преподаваніе каждаго предмета въ средней школѣ кромѣ передачи знаній должно стремиться къ усвоенію учащимися тѣхъ или другихъ навыковъ, а также имѣть воспитательное значеніе, и искусное объединеніе въ этомъ направленіи дѣятельности преподавателей различныхъ предметовъ, умѣло вырабатываемое на ихъ совѣщаніяхъ и направляемое хорошимъ педагогомъ-директоромъ, принесло бы средней школѣ громадную пользу. Преподаватель исторіи въ двухъ младшихъ классахъ въ этомъ от-

1) Далѣе Объяснительная Записка продолжаетъ: „необходимо, однако, помнить, что высокая воспитательная цѣль историческаго преподаванія не должна и не можетъ достигаться иначе, какъ путемъ правдиваго ознакомленія дѣтей съ событіями и образами прошлаго, живо говорящими дѣтскимъ уму и сердцу. Отрѣшенные отъ исторической дѣйствительности назидательныя рѣчи преподавателя съ нравоученіями на патріотическія моральныя темы, внося въ учебное дѣло нежелательную и вредную фальшь, извратили бы доброе воспитательное средство и повели бы къ прямому педагогическому злу“.

ношеніи имѣть полную возможность вырабатывать въ ученикахъ умѣнье рассказывать, навыкъ въ чтеніи учебника и доступныхъ историческихъ рассказовъ, а также въ обращеніи съ картою; онъ вполне можетъ приучать ихъ къ толковому и пристальному изученію соотвѣтствующихъ картинъ и рисунковъ, къ комбинированію несложныхъ и сравнительно немногихъ сообщенныхъ учащимся фактовъ по времени, по мѣсту и по сходству, какъ можетъ и воспитывать воображеніе учащихся, приучать ихъ къ толковому и аккуратному выписыванію на доскѣ или бумагѣ событій, именъ и т. п., а также къ выдѣленію болѣе крупныхъ именъ и событій и т. д. Но впереди всего этого стоитъ привитіе интереса къ знанію и работа надъ воспитаніемъ нравственнаго чувства.

Такъ опредѣлились къ настоящему времени содержаніе и характеръ курса отечественной исторіи въ двухъ младшихъ классахъ мужскихъ гимназій. Конечно не иными они должны быть и въ I-мъ и II-мъ классахъ реальныхъ училищъ, при томъ же числѣ уроковъ, какъ въ гимназіяхъ, согласно циркуляру Министерства Народнаго Просвѣщенія отъ 30 іюня 1906 года, за № 12414. Нѣсколько иначе обстоитъ дѣло по отношенію къ элементарному курсу русской исторіи въ Рижской Городской гимназіи и въ гимназіяхъ женскихъ, въ которыхъ первые два класса вовсе не имѣютъ исторіи въ числѣ предметовъ преподаванія и краткій курсъ исторіи Россіи проходитъ въ теченіе лишь одного учебнаго года, въ III классѣ. Въ Рижской Городской гимназіи дѣйствуютъ Учебные Планы 1890 года, разсмотрѣнные уже мною выше въ ихъ опредѣленіи элементарнаго курса русской исторіи. Что же касается женскихъ гимназій, то введеніе дѣйствующей въ нихъ нынѣ программы исторіи относится еще къ 1874 году, при чемъ къ этой программѣ было сдѣлано примѣчаніе слѣдующаго содержанія: „указанія на педагогическія и дидактическія задачи, которыя нужно имѣть въ виду при преподаваніи исторіи, а равно указанія, на какія событія изъ всеобщей (средней и новой)

и отечественной исторіи должно быть обращено особенное вниманіе и какія хронологическія данныя должны быть утверждены въ памяти учениць, также и методическія указанія изложены въ объяснительной запискѣ къ учебному плану исторіи для мужскихъ гимназій, утвержденному г. Министеромъ Народнаго Просвѣщенія¹⁾. Такимъ образомъ курсъ исторіи въ женскихъ гимназіяхъ долженъ строиться по программамъ, составленнымъ въ первой половинѣ семидесятыхъ годовъ истекшаго столѣтія, а преподаваніе его, если смотрѣть на вопросъ совершенно формально, обязано считаться съ Объяснительною Запискою къ программѣ исторіи въ мужскихъ гимназіяхъ, утвержденною въ 1872 году, несмотря на то, что и самый курсъ исторіи въ мужскихъ гимназіяхъ, и его значеніе пережили уже къ настоящему времени крупныя измѣненія въ требованіяхъ, предъявляемыхъ къ нему Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія.

Но уже и въ моментъ своего введенія курсъ русской исторіи въ III классѣ женскихъ гимназій не можетъ быть признанъ имѣющимъ совершенно опредѣленныя цѣли. Это становится совершенно яснымъ при сравненіи его съ курсомъ исторіи III и IV классовъ мужскихъ гимназій въ учебныхъ планахъ семидесятыхъ годовъ XIX столѣтія. Оба курса „эпизодическіе“, но въ мужскихъ гимназіяхъ преподаваніе начинается съ древней исторіи и затѣмъ только переходитъ къ ознакомленію учащихся съ эпизодами изъ исторіи средней, новой и русской. Я уже старался показать выше и ту служебную цѣль, для успѣшности изученія классическихъ языковъ и античнаго міра, которую долженъ былъ въ то время имѣть въ виду курсъ исторіи въ III классѣ мужскихъ гимназій. „Эпизодическій“ курсъ III класса женскихъ гимназій не могъ получить ни той извѣстной полноты, ни того служебнаго значенія для преподаванія другихъ предметовъ, которыя имѣлъ

1) Цитирую по изданію въ I томѣ „Сборника Женской Гимназіи А. С. Пушкина въ г. Юрьевѣ“ (Юрьевъ, 1906. Стр. 94).

курсъ III и IV классовъ гимназій мужскихъ. Сокращеніе вдвое времени для его прохожденія по сравненію съ мужскими гимназіями¹⁾ повлекло за собою и уменьшеніе его размѣровъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, отсутствіе въ женскихъ гимназіяхъ преподаванія древнихъ языковъ лишало его и той служебной цѣли, которая преслѣдовалась въ мужскихъ гимназіяхъ. Но признать курсъ исторіи въ III классѣ женскихъ гимназій курсомъ исторіи отечественной Учебные Планы 1874 года все-таки не рѣшились и ввели въ него „нѣкоторыя дополненія“ изъ средней и новой исторіи. Часть этихъ „дополненій“ можетъ быть объяснена намѣреніемъ нѣсколько связать исторію Россіи съ исторіею славянства; но другая часть (Юаннъ Гуссъ, Лютеръ и Кальвинъ, Основаніе протестантскихъ церквей, Игнатій Лойола и орденъ іезуитовъ) лишь отчасти можетъ быть объясняема потребностями уясненія русской исторіи или связи ея съ исторіею славянъ вообще и должна быть признана имѣющею и самостоятельное значеніе²⁾. Думаю, что я не ошибусь, если признаю самыми существенными чертами, характеризующими программу исторіи для III класса женскихъ гимназій: 1) эпизодичность курса, являющуюся выраженіемъ господствовавшего въ семидесятыхъ годахъ XIX столѣтія убѣжденія въ недоступности связнаго курса исторіи младшему возрасту учащихся, убѣжденія, которое оставлено въ настоящее время и смѣнилось какъ разъ противоположнымъ требованіемъ его связности, и 2) отсутствіе сознанія важности начинать въ школѣ занятія исторіею изученіемъ историческаго прошлаго именно отечества, въ его значеніи родномъ, занимающемъ особое мѣсто въ тѣхъ отдѣлахъ исторіи, которые изучаются въ средней школѣ. Въ виду всего этого, мнѣ представляется крайне желательнымъ пересмотръ программы исторіи въ

1) Основною причиною этого сокращенія нужно считать то, что мужскія гимназіи имѣютъ въ своемъ составѣ 8 классовъ, а женскія лишь 7, такъ какъ VIII классъ послѣднихъ является уже специально-педагогическимъ.

2) Этихъ вопросовъ нѣтъ въ программахъ отечественной исторіи для I и II классовъ мужскихъ гимназій, дѣйствующихъ въ настоящее время.

III классѣ женскихъ гимназій и приближеніе ея къ программѣ элементарнаго курса отечественной исторіи въ гимназіяхъ мужскихъ, съ перенесеніемъ его въ два младшіе класса, а до этого пересмотра, по крайней мѣрѣ, перестройка этого курса по образцу курса III класса мужскихъ гимназій въ Учебныхъ Планахъ 1890 года.

Курсъ исторіи въ двухъ младшихъ классахъ гимназій и реальныхъ училищъ я считаю однимъ изъ наиболѣе трудныхъ для преподавателя. Вотъ почему я старался удѣлить посѣщенію уроковъ его возможно больше изъ того времени, которымъ располагалъ при совершеніи ревизіи. Я присутствовалъ на 16-ти урокахъ исторіи въ I и II классахъ обоихъ видовъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, т. е. гимназій и реальныхъ училищъ. Долженъ признать, что у большинства преподавателей, на урокахъ которыхъ я присутствовалъ, я не встрѣтилъ ни вполнѣ яснаго представленія о задачахъ этого курса, ни вполнѣ удачнаго его выполненія. Это главнымъ образомъ и заставило меня такъ долго остановиться на требованіяхъ, предъявляемыхъ къ нему Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, и разсмотрѣть для уясненія ихъ ихъ исторію. Говорить о пріемахъ преподаванія — не мѣсто въ настоящей части моего Отчета. Ихъ мнѣ придется коснуться ниже. Но на двухъ вопросахъ, — а именно вопросѣ о томъ, какъ начинать курсъ исторіи въ I классѣ, и вопросѣ о томъ, какую роль долженъ играть учебникъ въ преподаваніи исторіи въ младшихъ классахъ, — я обязанъ остановиться теперь же, такъ какъ ихъ разрѣшеніе въ томъ или другомъ смыслѣ должно непосредственно истекать изъ опредѣленія характера этого курса, которое я старался выше сдѣлать.

Въ вопросѣ о томъ, съ чего начинать элементарный курсъ отечественной исторіи, г. г. преподаватели, съ которыми мнѣ пришлось на эту тему бесѣдовать во время ревизіи, держатся двухъ совершенно различныхъ взглядовъ: одни изъ нихъ приступаютъ прямо къ русской исторіи, другіе же, въ видѣ

введенія въ курсъ, предлагаютъ ученикамъ разсказъ о до-историческомъ бытѣ. Я позволю себѣ цѣликомъ присоединиться къ взгляду первыхъ и, наоборотъ, не согласиться со вторыми. Введеніе очерка до-историческаго быта въ курсъ I класса представляется мнѣ не совсемъ умѣстнымъ по тремъ основаніямъ: 1) самый курсъ I и II классовъ, являясь курсомъ отечественной исторіи, долженъ стремиться начинать изученіе исторіи со знакомства съ родиной, притомъ въ совершенно конкретныхъ фактахъ и явленіяхъ; 2) до-историческій бытъ отнесенъ Учебными Планами совершенно правильно къ курсу III класса; тамъ ученики приступаютъ къ всеобщей исторіи, какъ къ исторіи человѣчества, приступаютъ, уже обладая свѣдѣніями въ исторіи отечественной, съ извѣстной привычкой къ исторіи, какъ предмету преподаванія, — тамъ и умѣстно это введеніе; повторять его тамъ придется непременно, а расширить свой разсказъ о до-историческомъ бытѣ въ III классѣ по сравненію съ этимъ разсказомъ въ I классѣ преподавателю едва ли удастся, по крайней мѣрѣ настолько, чтобы онъ давалъ много новаго; 3) желательно, когда начинается въ школѣ преподаваніе новаго предмета, сразу вводитъ учащихся въ его отличительный характеръ; поэтому желательно, чтобы ученики по отношенію къ исторіи сразу же приучались ясно сознавать, что она всегда имѣетъ дѣло съ опредѣленными мѣстомъ и временемъ, а до-историческій бытъ будетъ усваиваться учениками на первыхъ урокахъ I класса не какъ исторія, а какъ сказка, между тѣмъ какъ одна изъ главныхъ задачъ предлагаемаго имъ курса состоитъ въ томъ, чтобы приучить ихъ ясно отдѣлять и различать первую отъ второй.

Начало преподаванія въ школѣ исторіи съ исторіи отечественной имѣетъ своимъ основаніемъ не только то, чтобы ученики съ первыхъ годовъ своего пребыванія въ учебномъ заведеніи познакомились съ исторіей Россіи, въ которой они живутъ, но и то, чтобы они начали изученіе исторіи именно съ осо-

бенно имъ близкаго; затѣмъ отъ этого болѣе для нихъ близкаго, т. е. отъ прошлаго отечества, они перейдутъ къ болѣе далекому, т. е. къ прошлому другихъ народовъ. Поэтому, думаю, и начинать свои бесѣды съ учениками I класса преподавателю нужно сразу съ разказовъ, входящихъ прямо въ содержаніе русской исторіи, придерживаясь программы. Изъ необозначеннаго въ программѣ мнѣ представлялось бы желательнымъ ввести лишь опредѣленіе исторіи, какъ новаго предмета, который ученики будутъ изучать. Но это опредѣленіе необходимо дѣлать очень кратко и удобопонятно для дѣтей, привлекая ихъ самихъ къ участию въ его выработкѣ. Такъ, понятіе объ исторіи удобно было бы, напримѣръ, давать слѣдующимъ образомъ: что такое исторія? — разказъ о прошломъ, о прошлой жизни; но о прошломъ разказываетъ и сказка, чѣмъ же отличается исторія отъ сказки? — тѣмъ, что она разказываетъ о дѣйствительно бывшемъ и знаетъ, когда и гдѣ это было; кто скажетъ, какъ говоритъ сказка о времени и мѣстѣ разказываемыхъ ею происшествій? — въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, когда наши дѣды не родились, а пращуръ не учились и т. д.; точно ли, значитъ, знаетъ сказка мѣсто и время? а исторія? можетъ ли быть исторія какого-либо предмета (нпр., книги, которая лежитъ передъ ученикомъ, или парты, на которой онъ сидитъ, или дома, въ которомъ онъ живетъ, и т. п.), животного, отдѣльнаго человѣка? а исторія города, въ которомъ мы живемъ, и всякаго другого города? а исторія народа? слѣдовательно можетъ быть исторія русскаго народа, французскаго народа, нѣмецкаго народа и т. д.? но всѣ народы составляютъ человѣчество, такъ можетъ ли быть исторія человѣчества? — можетъ, и ее называютъ всеобщей исторіей; какою же исторіею будемъ теперь заниматься мы? — исторіею нашего отечества, исторіею русскаго народа. Кромѣ того желательно предъ началомъ курса опредѣлить съ учениками, что такое годъ и вѣкъ или столѣтіе, при чемъ очень хорошо бы

цѣлому ряду учениковъ предложить опредѣлить столѣтія годовъ, называемыхъ преподавателемъ или другими учениками, и, наоборотъ, называя столѣтія, предлагать указывать года, въ это столѣтіе входяціе. Быть можетъ, мнѣ возразятъ, что такое начало преподаванія исторіи покажется дѣтямъ слишкомъ сухимъ и неинтереснымъ? На это я отвѣчу, что 1) его можно въ поясненіяхъ преподавателя очень украсить, притомъ украсить очень близкимъ и понятнымъ дѣтямъ матеріаломъ, 2) на первыхъ урокахъ только что наступившаго учебнаго года интересъ учащихся приподнять новизною обстановки послѣ каникулъ и новизною предмета (кто знаетъ школу, тотъ замѣчалъ, какъ эта новизна полна для дѣтей интереса и даже гордости отъ того, что они приступаютъ къ новому учебному предмету) и, наконецъ, 3) дѣти не только любятъ слушать интересный рассказъ, но очень любятъ и разсуждать, когда тема для нихъ доступна, а особенно когда затѣмъ видятъ, что ихъ слова и мысли, умѣло направляемыя преподавателемъ, формируются въ нѣчто опредѣленное и стройное, подлежащее усвоенію цѣлаго класса, притомъ когда они вырабатываютъ это совмѣстно съ товарищами и преподавателемъ.

Обращаясь къ другому вопросу, который находится въ тѣснѣйшей связи съ опредѣленіемъ характера курса исторіи въ двухъ младшихъ классахъ гимназій и реальныхъ училищъ, т. е. къ вопросу о роли учебника, я долженъ признать, что къ сожалѣнію, по моимъ впечатлѣніямъ, учебникъ слишкомъ властно и прочно держитъ обыкновенно преподавателя въ своихъ цѣпкихъ, но не всегда достаточно умѣлыхъ рукахъ. Иллюстраціей этого можетъ послужить то, что, попавъ случайно въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ на уроки одного и того же содержанія, я слышалъ буквально то же самое въ отвѣтахъ учениковъ, если учебникъ былъ одинъ во всѣхъ этихъ классахъ. Такъ, въ отвѣтахъ учениковъ о Суворовѣ я слышалъ въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ буквально одни и тѣ же рассказы, характеризующіе этого великаго полко-

водца, и у меня до сихъ поръ звучать въ ушахъ фразы учебника, сказанныя въ моемъ присутствіи дѣтскими голосами, съ характернымъ акцентомъ Прибалтійскаго края, — такъ много разъ я ихъ слышала. Въ разсказѣ, на примѣръ, о поведеніи Суворова передъ Рымникскимъ боемъ послѣ его отвѣтовъ принцу Кобургскому, приглашавшему его на совѣщаніе („Суворовъ Богу молится“, „Суворовъ ужинаетъ“, „Суворовъ спитъ“), я всегда слышала одну и ту же фразу: „но Суворовъ не спалъ; вмѣсто того онъ влѣзъ на высокое дерево и оттуда осматривалъ мѣстоположеніе турецкаго стана“. Я прекрасно понимаю, что въ младшихъ (да часто даже и въ среднихъ) классахъ школы Прибалтійскаго края недостаточное знаніе учащимися русскаго языка заставляетъ преподавателя особенно близко держаться учебника, но я не думаю, чтобы не было умѣстенъ и разсказъ въ дополненіе, а не только въ разъясненіе учебника: повторяемый въ классѣ учениками нѣсколько разъ, этотъ разсказъ не только внесетъ матеріалъ, оживляющій и дополняющій учебникъ, но и существенно будетъ помогать выработкѣ правильной русскои рѣчи у учащихся, ибо къ заучиванію фразъ учебника онъ присоединитъ усвоеніе (притомъ въ классѣ, безъ заучиванія) словъ и оборотовъ живой рѣчи преподавателя. Уроки о Суворовѣ именно потому и приведены мною въ качествѣ примѣра, что въ нихъ особенно замѣтно часто наблюдаемое недостаточно ясное и правильное представленіе о задачахъ и характерѣ курса исторіи въ двухъ младшихъ классахъ гимназій и реальныхъ училищъ: съ одной стороны, къ серединѣ курса II класса учащіеся, несмотря на всѣ трудности условій преподаванія въ Прибалтійской школѣ, могли бы быть уже приучены къ хорошему усвоенію разсказа преподавателя, еслибы на эту сторону обращалось серьезное вниманіе, а съ другой — кто же станетъ спорить противъ того, что именно въ разсказахъ о Суворовѣ преподавателю открывается такой широкій просторъ для внесенія яркихъ и живыхъ красокъ въ свое изложеніе и вообще для

осуществленія тѣхъ задачъ, которыя ставитъ Объяснительная Записка курсу отечественной исторіи въ I и II классахъ мужскихъ гимназій.

Переходя отъ элементарнаго курса отечественной исторіи къ курсу исторіи въ слѣдующихъ классахъ, снова встрѣчаемся съ различіемъ его построенія. На этотъ разъ среднія учебныя заведенія группируются слѣдующимъ образомъ: одну группу составляютъ мужскія гимназіи, въ которыхъ дѣйствуютъ учебные планы 1905 года, а другую — мужскія гимназіи съ учебными планами 1890 года (Рижская Городская гимназія), реальныя училища и женскія гимназіи. Въ первой изъ этихъ группъ переходомъ или „введеніемъ къ систематическому курсу, который начинается съ IV класса“, является курсъ III класса; во второй — систематическій курсъ не имѣетъ этого „введенія“, начинаясь также съ IV¹⁾ или съ III²⁾ класса, но предваряемый лишь курсомъ русской исторіи предшествующаго³⁾ или предшествующихъ⁴⁾ классовъ.

Курсъ III класса мужскихъ гимназій, такимъ образомъ, по Учебнымъ Планамъ 1905 года, долженъ быть переходомъ отъ элементарнаго курса исторіи отечества къ „прагматическому изложенію событій изъ всеобщей и русской исторіи“ въ пяти старшихъ классахъ. Этотъ курсъ представляетъ собою лишь „очерки изъ жизни и культуры древнихъ народовъ Востока и Греціи“, а не ихъ исторію, которая должна начинаться только съ IV класса. Такой характеръ курса III класса 1) дѣлаетъ его дѣйствительно переходомъ отъ родной и потому болѣе понятной исторіи отечества къ исторіи всеобщей, съ внѣшними трудностями преподаванія послѣдней (нерусскія имена личныя и географическія, хронологія событій до Рождества Христова и т. д.), 2) своею картинностью и эпизодичностью развиваетъ и правильно ставитъ дѣтскую

1) Въ женскихъ и Рижской Городской гимназіяхъ.

2) Въ реальныхъ училищахъ.

3) III классъ женскихъ и Рижской Городской гимназій.

4) I и II классы реальныхъ училищъ.

фантазію, 3) являясь очерками, а не систематическимъ изложениемъ, этотъ курсъ вполне умѣстенъ для того возраста, къ которому принадлежатъ ученики III класса, при переходѣ отъ историческаго прошлаго одного, притомъ родного народа къ историческому прошлому ряда народовъ, приучая учениковъ къ умѣнью слѣдить за параллельной ихъ исторіей, сравнивать ея явленія и комбинировать ихъ; 4) поясненія характера этого курса Объяснительною Запискою, отрицая „непрерывную хронологическую послѣдовательность“ при его прохожденіи, настаиваютъ на томъ, что „устный рассказъ и чтеніе руководствъ и пособій желательнo постоянно иллюстрировать снимками съ памятниковъ быта и искусства“; это, съ одной стороны, должно создавать живость преподаванія и воспитывать въ ученикахъ конкретность представленія, а равно и сразу захватывать ихъ интересъ, распространяя его съ родной исторіи на всеобщую, а съ другой стороны — постоянно развивать въ учащихъ привычку къ чтенію доступныхъ имъ отрывковъ и книгъ, а также къ усвоенію рассказовъ преподавателя, привычку, начало которой, сколько это было возможно, было положено въ I и II классахъ; 5) все второе полугодіе III класса должно быть посвящено ознакомленію учениковъ съ греческими мифами, а особенно „съ древне-греческой жизнью по гомеровскимъ поэмамъ“; воспитательное значеніе греческихъ мифовъ оцѣнено давно, а Иліада и Одиссея, „главные эпизоды“ изъ которыхъ „должны быть прочитаны и разобраны въ классѣ“, дадутъ учащимся „ощущеніе древне-греческой жизни“, по словамъ Объяснительной Записки.

Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что значеніе курса исторіи въ III классѣ крупное, и оно должно дѣлать этотъ курсъ предметомъ самаго серьезнаго вниманія преподавателя: курсъ III класса долженъ служить переходомъ отъ занятій отечественной исторіей въ двухъ предыдущихъ классахъ къ систематическому курсу пяти классовъ старшихъ, сообразно съ чѣмъ онъ долженъ и направлять способности учащихъ и

вырабатывать подготовку ихъ умственныхъ навыковъ и приемовъ, имѣя въ виду начало систематическаго курса въ слѣдующемъ классѣ. Но въ то же время этотъ курсъ долженъ внушить ученикамъ интересъ, любовь и уваженіе къ возникновенію общечеловѣческой европейской культуры, въ яркихъ очеркахъ древняго Востока и особенно гомеровской Греціи. Признаніе Объяснительною Запискою полезнымъ при иллюстрированіи курса III класса картинами и „особенно снимками съ развалинъ старыхъ городовъ (Микенъ, Тиринѳа, Трои) ихъ памятниковъ и утвари, найденныхъ при раскопкахъ“, сообщеніе не только „о результатахъ открытій археологовъ, но и о томъ, какъ совершились эти открытія и кто были главными учеными дѣятелями въ нихъ“, даетъ еще черту въ значеніи этого курса: нѣкоторыя указанія на способы добыванія археологическихъ находокъ, которыя такъ сжато и кратко изложены въ учебникѣ, воспитаютъ въ учащихъ уваженіе къ наукѣ и ея труженикамъ.

При такомъ значеніи курса III класса мужскихъ гимназій по Учебнымъ Планамъ 1905 года, нельзя не пожалѣть, что онъ имѣется только въ части среднихъ учебныхъ заведеній, а не во всѣхъ ихъ.

Перехожу къ курсу среднихъ и старшихъ классовъ, т. е. IV—VІІ въ мужскихъ гимназіяхъ, III—VІІ (дополнительный классъ) въ реальныхъ училищахъ, IV—VІІ въ женскихъ гимназіяхъ. Объяснительная Записка, приложенная къ программамъ мужскихъ гимназій, говоритъ, что цѣль этого курса — „сообщить ученикамъ въ прагматическомъ изложеніи событія изъ всеобщей и русской исторіи“. Далѣе Записка продолжаетъ: „курсъ этотъ долженъ главнымъ образомъ развитъ въ ученикахъ способность къ пониманію связи между событіями — къ различенію причинъ и слѣдствій, побужденій и поводовъ, и подготовить ихъ настолько, чтобы они могли впослѣдствіи читать съ полнымъ пониманіемъ лучшія историческія произведенія отечественной и иностранныхъ литературъ“. При

этомъ Объяснительная Записка по отношенію къ курсу исторіи выдвигаетъ и требованіе отъ него нравственнаго вліянія на учениковъ. Требуя прагматичности и достаточной полноты курса исторіи въ старшихъ классахъ, Записка въ то же время далека отъ признанія въ немъ мелочей и большихъ подробностей, говоря прямо: „при преподаваніи слѣдуетъ избѣгать излишнихъ подробностей и мелочей“. Предписывая параллельное изложеніе всеобщей и русской исторіи въ старшихъ классахъ¹⁾, Объяснительная Записка, однако, предписываетъ и то, что „отчетливое знаніе отечественной исторіи должно быть поставлено на первомъ планѣ“.

Я не стану входить на настоящихъ страницахъ въ подробное разсмотрѣніе программы систематическаго курса исторіи и ея поясненій, дѣлаемыхъ Объяснительною Запискою. Характеръ этого курса совершенно ясенъ изъ приведеннаго мною сейчасъ, да кромѣ того, какъ введенный въ преподаваніе мужскихъ и женскихъ гимназій еще въ семидесятыхъ годахъ XIX столѣтія, онъ и не требуетъ выясненія своего характера и назначенія въ такой степени, въ какой его требуютъ курсы, введенные въ преподаваніе сравнительно недавно. Отмѣчу, говоря объ этомъ курсѣ, что онъ въ дѣйствительности и въ мужскихъ гимназіяхъ, и въ гимназіяхъ женскихъ обнимаетъ лишь четыре класса, а именно IV—VII, въ реальныхъ же училищахъ — пять, т. е. III—VII классы. VIII классъ женскихъ гимназій имѣетъ специальное назначеніе, да исторія и изучается уже лишь частью его ученицъ. Что же касается VIII класса мужскихъ гимназій, то онъ назначенъ для повторенія древней и русской исторіи, при чемъ это повтореніе не только преслѣдуетъ цѣль подготовки учениковъ къ испытанію зрѣлости, но по отношенію къ древней исторіи имѣетъ и самостоятельное значеніе: она въ VIII классѣ повторяется съ дополненіями

1) Въ прямой связи со всеобщей русская исторія должна излагаться, согласно Объяснительной Запискѣ, „лишь съ того времени, когда связь между ними становится вполне очевидною, то есть со времени Петра Великаго“.

къ курсу IV класса и съ особымъ вниманіемъ къ области внутренней и культурной исторіи, являясь въ этомъ видѣ своего рода завершеніемъ общаго изученія учениками античнаго міра и на урокахъ древнихъ языковъ, за все время пребывания ихъ въ гимназіи.

Однако я не могу не отмѣтить въ программахъ систематическаго курса двухъ сторонъ, которыя по моему убѣжденію требуютъ исправленія, а именно: 1) не совсѣмъ удачнаго распредѣленія матеріала по классамъ реальныхъ училищъ и 2) содержания курса русской исторіи во всѣхъ трехъ типахъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Въ реальныхъ училищахъ новая исторія (до конца XVIII столѣтія) проходитъ въ V классѣ¹⁾, а исторія Россіи до того же времени — въ VI-мъ, при чемъ систематическій курсъ послѣдней въ этомъ классѣ и начинается. Такое распредѣленіе матеріала мнѣ представляется неудобнымъ: 1) утрачивается возможность параллельнаго изученія исторіи Россіи и всеобщей исторіи, 2) учащіеся цѣлые три года (III, IV и V классы) остаются безъ изученія отечественной исторіи и 3) курсъ новой исторіи (а особенно XVIII столѣтіе) по своему содержанию малодоступенъ ученикамъ V класса²⁾.

Программа курса русской исторіи, дѣйствующая въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ въ настоящее время, отражаетъ на себѣ 1) состояніе научной разработки русской исторіи въ моментъ ея составленія, 2) недостатокъ интереса къ историческому прошлому частей современной Россіи, поглощаемого исключительнымъ вниманіемъ къ ея центру, и 3) недостаточно, какъ позволю себѣ выразиться, отчетливое опредѣленіе самостоятельности цѣлей курса исторіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

1) Въ мужскихъ и женскихъ гимназіяхъ новая исторія проходитъ въ VI и VII классахъ.

2) Присутствуя на урокахъ исторіи въ V-ыхъ классахъ реальныхъ училищъ, когда на нихъ шла рѣчь о „lumière“ XVIII столѣтія и просвѣщенномъ абсолютизмѣ, я видѣлъ совершенно ясно, насколько ученики этихъ классовъ плохо усваиваютъ этотъ матеріалъ, притомъ часто совершенно искажая его.

Когда въ XVIII столѣтїи полагалось начало научному изученію и разработкѣ русской исторїи, предѣлы Россїи, какъ государства, были неизмѣримо меньше ея предѣловъ настоящаго времени. Кромѣ ряда вошедшихъ затѣмъ въ составъ Русскаго государства земель съ нерусскимъ населеніемъ, даже не всѣ чисто-русскія земли его въ то время принадлежали къ государственной территорїи тогдашней Россїи. Русскіе западъ (Бѣлоруссія) и юго-западъ (Волынь и Подолье) входили тогда еще въ составъ Польско-Литовской Речи Посполитой: первый былъ частью Великаго Княжества Литовскаго, второй — Польской Короны. Неудивительно, что о включенїи ихъ исторїи въ общую исторїю Россїи не поднималось и рѣчи. Когда въ концѣ XVIII столѣтїя западъ и юго-западъ Руси¹⁾ вошли въ составъ Россїи, съ одной стороны, уже успѣла образоваться извѣстная традиція, опредѣлившая территорїю, изучаемую русской исторїей, а съ другой — господствовала мысль о томъ, что исторїя народа есть исторїя государства, мысль, получившая такое яркое выраженіе въ трудѣ Карамзина, съ изученїя котораго затѣмъ начинали свои научныя занятїя всѣ русскіе историки вплоть до второй половины XIX вѣка. Присоединенныя Литовско-Русскія земли оказались своего рода придаткомъ къ основной территорїи Русскаго государства, а ихъ исторїя оказалась внѣ русской исторїи, какъ исторїи Россійскаго государства, которая велась проторенною дорогою изъ Новгорода и Кіева, черезъ Владимірѣ Клязьменскій, на Москву и Петербургъ. На настоящихъ страницахъ не мѣсто излагать движеніе научной мысли въ области постепенной выработки опредѣленія значенія исторїи Малороссїи и Бѣлоруссїи въ наукѣ русской исторїи. Въ наши дни изученіе историческихъ судебъ русскихъ юга и запада уже вошло и въ общіе труды по исторїи Россїи, хотя и далеко еще не въ томъ объемѣ, какъ было бы желательно. Причину послѣдняго отчасти нужно

1). Кромѣ Галиціи.

видѣть и въ состояніи научнаго изслѣдованія этой области русской исторіи, отставшаго отъ разработки исторіи Руси Московской и Императорской. Что же касается включенія въ общую исторію Россіи историческаго прошлаго нерусскихъ земель, вошедшихъ къ настоящему времени въ составъ Русскаго государства, то 1) это историческое прошлое уже не является исторіей русскаго народа, какъ такового, а 2) на пути его разработки для историка становятся серьезныя препятствія чисто ученаго характера, которыя заставляютъ его, не считая себя обладающимъ соотвѣтствующими спеціальными знаніями, искать помощи и содѣйствія спеціалистовъ въ области исторіи западной, сѣверной и центральной Европы, а также Азіи.

Переходя къ недостатку въ программахъ исторіи средней школы интереса къ историческому прошлому частей современной Россіи, помимо общаго вліянія условій русской жизни съ централизацией управленія, переносящей къ центру государства главный интересъ наблюдателя, тутъ нужно отмѣтить и исключительный интересъ къ нему въ наукѣ русской исторіи, замѣчавшійся за немногими исключеніями вплоть до недавняго сравнительно времени. Я не ошибусь, если скажу, что въ результатѣ всего этого громадная часть образованнаго русскаго общества совершенно не знаетъ Россіи, какъ огромнаго по своему пространству и разнообразію мѣстныхъ историческихъ особенностей государства. На почвѣ этого незнанія часто возникаетъ цѣлый рядъ недоразумѣній, иногда достаточно курьезныхъ, а иногда и чрезвычайно грустныхъ и даже тяжелыхъ. О томъ, что такое азіятскія владѣнія Россіи, Кавказъ, Литва и т. д., ясныя представленія имѣютъ сравнительно немногіе. Тѣ сужденія, которыя приходится слышать или даже читать о такихъ вопросахъ, какъ Финляндскій или Польскій, часто просто поражаютъ своимъ полнымъ незнакомствомъ съ ихъ историческими основаніями, хотя, если какіе-либо вопросы, то именно эти особенно горячо обсужда-

лись и въ обществѣ, и въ повременной печати. Какъ на характерный примѣръ укажу на не такъ давно слышанное мною утвержденіе отъ одного ученаго, притомъ русскаго націоналиста, что Вильна — это чисто Польскій городъ, и что весь Сѣверо-Западный край Россіи — Польская земля.

Что касается недостатка отчетливости въ опредѣленіи самостоятельности и своихъ собственныхъ цѣлей для курса исторіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, то онъ мнѣ представляется въ слѣдующемъ. Курсъ средней школы не есть наука въ собственномъ значеніи этого слова. Тѣ знанія, которыя даются учащимся въ этой школѣ, рождены наукой и должны ею питаться; но признать ихъ наукою въ истинномъ значеніи этого слова значило бы, съ одной стороны, унижить науку, а съ другой — возложить на среднюю школу совершенно непосильную для нея задачу и въ то же время лишить преподаваніе въ ней возможности исполнять свое назначеніе. Всему свое время. Время же изученія науки — годы занятій въ высшемъ учебномъ заведеніи. Если мы совершенно опредѣленно примемъ это положеніе, то для курса русской исторіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ установятся четыре цѣли: 1) передача учащимся, въ доступномъ имъ видѣ и въ доступныхъ ихъ усвоенію частяхъ, того, что выработано наукою русской исторіи въ настоящее время, 2) воспитаніе въ нихъ любви къ знанію и интереса къ его усвоенію, 3) развитіе соотвѣтствующихъ навыковъ и воспитательное вліяніе курса исторіи отечества и 4) знаніе историческаго прошлаго своего отечества для пониманія его настоящаго. На первыхъ трехъ изъ сейчасъ обозначенныхъ цѣлей останавливаться мнѣ не нужно: о нихъ мнѣ не разъ приходится говорить на страницахъ настоящаго Отчета. Но четвертая требуетъ того, чтобы я на ней нѣсколько остановился.

Знанія, которыя долженъ сообщать учащимся курсъ средней школы, съ одной стороны, готовятъ изучающаго ихъ къ усвоенію науки въ школѣ высшей, но, съ другой, имѣютъ

громадную цѣну сами по себѣ, давая ему общее образованіе. Въ наши дни, съ развитіемъ науки, не только спеціальныя учебныя заведенія, но и университетъ учащимся въ нихъ даютъ знакомство лишь съ отдѣльными группами наукъ, т. е. въ концѣ концовъ научное образованіе спеціальнаго характера. Даже историко-филологическій факультетъ университета, который наиболѣе близокъ къ общему характеру научнаго преподаванія, единственный обладающій кафедрою философіи, объединяющей всѣ науки, не можетъ быть признанъ обще-образовательнымъ въ полномъ смыслѣ этого слова, такъ какъ онъ обходитъ въ своемъ строѣ преподаванія рядъ наукъ съ особыми содержаніемъ и методами и, что особенно важно, наукъ естественныхъ. Общее образованіе студентомъ можетъ приобрѣтаться лишь или самостоятельнымъ чтеніемъ, или же на гимназической скамьѣ. Если же средняя школа ему этого образованія не дала, а во время своихъ занятій въ школѣ высшей онъ всецѣло отдался своимъ спеціальнымъ наукамъ, то онъ достигнетъ всѣхъ ученыхъ степеней, дѣлаясь глубоко ученымъ, но оставаясь не вполне образованнымъ человѣкомъ. Жизнь даетъ примѣровъ этого очень много. Быть можетъ, прибавлю я, отъ этого отсутствія общихъ знаній въ значительной степени зависятъ тѣ крайнія противорѣчія сужденій по однимъ и тѣмъ же жизненнымъ вопросамъ и явленіямъ, которыя такъ нерѣдко замѣчаются въ спеціалистахъ различныхъ областей научнаго знанія.

Но иногда окончившіе среднюю школу молодые люди и вовсе не идутъ въ высшія учебныя заведенія для продолженія тамъ своего образованія. Для такихъ лицъ еще болѣе желательна соотвѣтствующая полнота знаній, которыми вооружила бы ихъ средняя школа.

Я отлично знаю, что медаль имѣетъ и обратную сторону и что обратной стороною полноты знаній является возможность переобремененія учащихся матеріаломъ, предлагаемымъ къ усвоенію въ школѣ, а также и слишкомъ большое его раз-

нообразіе. Но я и не имѣю въ виду, да и не считаю себя въ правѣ, заниматься этимъ вопросомъ на настоящихъ страницахъ, такъ какъ его разработка требуетъ извѣстнаго соглашенія представителей различныхъ отдѣловъ знанія, преподаваемыхъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, и, какъ представитель гуманитарнаго научнаго знанія, я, могъ бы легко получить упрекъ въ пристрастіи именно къ нему, еслибы сталъ излагать свои предложенія, касающіяся расширенія его области въ средней школѣ. Но я считаю себя обязаннымъ высказаться о построеніи курса русской исторіи и думаю, что основанія, которыя заставляютъ меня это сдѣлать, избавятъ меня отъ упрека въ томъ, что я это дѣлаю лишь какъ представитель науки русской исторіи и что я высказываюсь лишь въ силу своей спеціальности, — спеціалисты, вѣдь, обычно свою спеціальность выдвигаютъ на первый планъ. Мои основанія слѣдующія. Русская исторія для учащихся въ нашей средней школѣ является исторіей отечественной. Она не только должна имъ давать знаніе историческаго прошлаго ихъ общаго отечества, но и вводитъ ихъ въ пониманіе современности того государства, въ которомъ они живутъ и будутъ впослѣдствіи самостоятельно дѣйствовать и работать, пользуясь тѣмъ, что имъ оставили предшествующія поколѣнія, и передавая результаты своей работы и своей жизни поколѣніямъ послѣдующимъ. Мнѣ представлялось бы очень желательнымъ, чтобы постановка преподаванія отечественной исторіи въ средней школѣ считалась съ этимъ и чтобы оно соотвѣтственнымъ образомъ было перестроено и въ своей программѣ. Мое пожеланіе заключается въ томъ, чтобы курсъ отечественной исторіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ былъ не только тѣмъ, что онъ представляетъ собою въ настоящее время, т. е. систематическимъ курсомъ русской исторіи, но и, такъ сказать, историческимъ отечествовѣдѣніемъ. Для этого, кромѣ той основы, которая переносится въ него изъ общихъ университетскихъ курсовъ и общихъ трудовъ по русской исторіи, я считаю нужнымъ

введеніе въ него краткихъ, но болѣе или менѣе цѣльныхъ очерковъ исторіи не только русскихъ юга и запада, но и не коренныхъ русскихъ земель, вошедшихъ въ составъ современной Россіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ признаю желательнымъ введеніе и болѣе или менѣе обстоятельныхъ очерковъ исторіи русской науки и русскаго искусства съ достаточнымъ вниманіемъ и въ этихъ областяхъ къ явленіямъ и фактамъ опять-таки не коренныхъ русскихъ земель. Введеніе всего этого въ курсъ, при полномъ сохраненіи въ немъ доминирующаго положенія для коренной Руси, не только будетъ служить дѣлу познанія учениками своего отечества — оно будетъ служить и сплоченію всѣхъ разноплеменныхъ земель, составившихъ современную Россію, ибо ихъ историческое прошлое чрезъ посредство школы войдетъ въ сознаніи общества въ одно цѣлое съ исторіей Россіи, т. е. общаго отечества.

Такимъ образомъ, я рѣшаюсь высказать пожеланіе пересмотра программы систематическаго курса всей исторіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, потому что перестройка курса русской исторіи невозможна безъ такого пересмотра: для нея необходимо увеличеніе числа уроковъ русской исторіи и вмѣстѣ съ тѣмъ количества времени, которое учащіеся могутъ отдавать отечественной исторіи въ своихъ домашнихъ занятіяхъ. Являясь принципальнымъ врагомъ расширенія въ средней школѣ преподаванія одного учебнаго предмета на счетъ другихъ, такъ какъ гармоническая стройность въ распредѣленіи матеріала по всѣмъ предметамъ преподаванія является однимъ изъ главныхъ залоговъ успѣшности общей постановки обученія въ средней школѣ, я совершенно чуждъ мысли о сокращеніи курсовъ другихъ предметовъ въ интересахъ расширенія отечественной исторіи, какъ части одного предмета, т. е. исторіи вообще. Возможность этого расширенія открывается вполнѣ черезъ сокращеніе курса исторіи всеобщей.

Впечатлѣнія, вынесенныя мною изъ совершенной мною ревизіи, убѣдили меня рѣшительно, что систематическій курсъ

исторіи въ старшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній да-
 етъ слишкомъ много, притомъ слишкомъ разнообразнаго матері-
 ала. Эти впечатлѣнія провѣряются справкою съ историческимъ
 развитіемъ преподаванія исторіи въ нашей средней школѣ. Передо
 мною лежатъ учебники исторіи, по которымъ учились въ рус-
 скихъ гимназіяхъ эпохи такъ называемой Уваровской школы,
 а именно учебники Н. Устрялова и С. Смарагдова. Въ пер-
 вомъ изъ нихъ курсъ русской исторіи заканчивается 1825 го-
 домъ¹⁾, во второмъ курсъ всеобщей исторіи — первую поло-
 виною сороковыхъ годовъ XIX столѣтія²⁾. Между тѣмъ въ
 настоящее время и по русской, и по всеобщей исторіи въ
 программу преподаванія вошелъ уже XIX вѣкъ почти цѣли-
 комъ. Уже одно увеличеніе внѣшнихъ рамокъ курса ставитъ во-
 просъ о возможности вполнѣ продуктивнаго его прохожденія.
 Но этого мало. Съ развитіемъ исторической науки измѣнился
 во многомъ самый характеръ содержанія курса исторіи въ
 средней школѣ. Успѣхи научной разработки исторіи учреж-
 деній и внутренняго строя, умственной культуры и эконо-
 мическихъ явленій внесли значительную перестройку учебнаго
 матеріала, значительную настолько, что теперь едва ли кто-
 либо серьезно будетъ утверждать, что учащіеся въ средней
 школѣ усваиваютъ исторію лишь „памятью и воображеніемъ“,
 какъ это говорилось еще не такъ давно. Одно дѣло запо-
 нить имена и факты, другое дѣло понять и отчетливо
 усвоить характеръ и развитіе явленій государственной, куль-
 турной, соціальной и экономической жизни народа. Помимо того
 и требованіе прагматической связи и „различенія причинъ и
 слѣдствій, побужденій и поводовъ“, выдвигаемое Объясни-
 тельною Запиской къ программѣ исторіи, требуетъ вдумчиваго,
 а стало быть, неспѣшнаго прохожденія курса.

1) Начертаніе Русской Исторіи для среднихъ учебныхъ заведеній. Изданіе ше-
 стое. СПБ. 1847.

2) Руководство къ познанію Новой Исторіи для среднихъ учебныхъ заведеній. Из-
 даніе второе, исправленное. СПБ. 1846.

Въ виду увеличенія размѣровъ курса исторіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и значительнаго измѣненія его содержанія, я не могу не признать его въ настоящее время слишкомъ громоздкимъ, а вслѣдствіе этого и утрачивающимъ значительную часть своей продуктивности. Не отрицая нисколько необходимости вообще преподаванія всеобщей исторіи въ средней школѣ, я полагаю, что на размѣры ея курса настоящаго времени значительно повліяла очень отдаленная традиція, еще XVIII столѣтія. Какъ извѣстно, первая русская гимназія, а именно гимназія при Академіи Наукъ, ввела въ число предметовъ своего преподаванія исторію всеобщую, древнюю и новую (а не Россіи)¹⁾, что объясняется не только національностью ея преподавателей, но и невозможностью преподаванія русской исторіи за полнымъ отсутствіемъ ея разработки, — приходилось бы изучать или полный вымысловъ и недостатковъ Синописисъ, или рукописи лѣтописей. Въ дальнѣйшее время наличность учебниковъ и пособій по всеобщей исторіи, составленныхъ за границей, и разработка тамъ же всеобщей исторіи, отъ которой сильно отставала разработка исторіи Россіи, естественно заставляли высоко цѣнить гимназическій курсъ всеобщей исторіи не только по его содержанію, но и по практическимъ удобствамъ его преподаванія, съ чисто педагогической точки зрѣнія. Все это создало традицію, которую едва ли встрѣтимъ въ средней школѣ какого-либо другаго государства кромѣ Россіи: только въ Россіи курсъ среднихъ учебныхъ заведеній отводитъ такъ много учебнаго времени исторіи чужихъ государствъ. Еще разъ спѣшу подчеркнуть, что я во все не являюсь врагомъ серьезнаго прохожденія курса всеобщей исторіи въ средней школѣ, какъ такового, но я не могу не признать, что наступило время соразмѣрить его объемъ съ силами учащихся. Учащимся въ наши дни приходится имѣть

1) П. Пекарскій. Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ. Томъ I. СПб. 1862. Стр. 61. Ср. Графъ Д. А. Толстой. Академическая гимназія въ XVIII столѣтія (Записки Императорской Академіи Наукъ, Приложение къ LI тому), стр. 93 и сл.

дѣло съ увеличившимся объемомъ всѣхъ предметовъ преподаванія, а не одной только исторіи. Необходимо считаться и съ вопросомъ о цѣлесообразности расширенія преподаванія однѣхъ частей учебныхъ предметовъ безъ соотвѣтствующаго сокращенія другихъ. Наконецъ, сокращеніе курса всеобщей исторіи¹⁾ открыло бы возможность и расширенія курса отечественной исторіи въ обозначенномъ мною выше направленіи.

Перехожу къ курсу исторіи въ VIII классѣ женскихъ гимназій, который имѣетъ совершенно особый характеръ, отсутствующій въ мужскихъ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ. VIII-й классъ женскихъ гимназій Министерства Народнаго Просвѣщенія, по оффиціально предъявляемымъ къ нему требованіямъ, имѣетъ цѣлью непосредственную подготовку къ педагогической дѣятельности²⁾. „Учащимся въ спеціальному курсѣ объясняются главныя положенія о воспитаніи, а равно приемы и методы преподаванія предметовъ учебнаго курса женскихъ гимназій. Сверхъ того, онѣ упражняются въ педагогической практикѣ, подъ руководствомъ учителей и преподавательницъ, на основаніи особыхъ правилъ, утверждаемыхъ Министеромъ Народнаго Просвѣщенія“³⁾. Согласно съ этими требованіями учебные планы VIII класса по исторіи заключаютъ въ себѣ 1) „теоретически-научную часть (3 урока)“, въ которую входятъ „а) систематическое повтореніе курса древней исторіи, примѣнительно къ программѣ VIII класса мужскихъ гимназій“ и „б) систематическій курсъ русской исторіи съ преимущественнымъ обращеніемъ вниманія на развитіе государственныхъ учреждений и общественнаго строя, а также на движеніе просвѣщенія“, и 2) „методическую часть (1 урокъ)“, которая „содержитъ выясненіе значенія исторіи для общаго образованія и указаніе важнѣйшихъ методическихъ приѣмовъ при ея изуче-

1) Наболѣе удобнымъ мнѣ представляется сокращеніе курса средней исторіи.

2) § 4 (2683) Положенія о женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія (Цитирую по изданію его въ I томѣ Сборника Женской Гимназіи А. С. Пушкина въ г. Юрьевѣ).

3) § 28 (2708) того же Положенія.

ніи какъ въ начальномъ, такъ и въ дальнѣйшемъ преподаваніи въ III и IV классахъ женскихъ гимназій“¹⁾.

Я не могу, однако, признать, чтобы жизнь вполне приняла къ исполненію приведенныя сейчасъ требованія. Въ дѣйствительности VIII классъ женскихъ гимназій даетъ гораздо больше общему развитію ученицъ, чѣмъ ихъ спеціальной педагогической подготовкѣ. Главною причиною этого, по моему убѣжденію, является то, что въ VIII классъ поступаютъ окончившія VII классъ гимназій ученицы въ большинствѣ случаевъ вовсе не изъ желанія посвятить себя затѣмъ педагогической дѣятельности (съ такимъ намѣреніемъ встрѣчаются лишь сравнительно немногія), а отчасти только для того, чтобы получить права, предоставляемыя окончаніемъ этого класса (такихъ ученицъ большинство), отчасти же для того, чтобы продолжать свое образованіе. Такимъ образомъ, въ настоящее время педагогическій характеръ VIII класса я не могу не признать въ значительной степени отсутствующимъ, ибо для его дѣйствительной личности не хватаетъ самаго главнаго условія, т. е. дѣйствительнаго сознанія учащимися себя готовящимися къ педагогической дѣятельности. Отсутствие этого даннаго не можетъ быть замѣнено ничѣмъ, потому что, какъ бы ни старались преподающіе въ VIII классѣ вести свое дѣло въ направленіи подготовки учащихся къ педагогической дѣятельности, они своей цѣли достигнуть не могутъ, такъ какъ имѣютъ дѣло съ ученицами, которыя, за немногими исключеніями, вовсе и не думаютъ готовить себя къ этой дѣятельности, по крайней мѣрѣ сразу послѣ окончанія гимназій, а не послѣ окончанія высшаго учебнаго заведенія. Между тѣмъ, если для успѣха подготовки себя къ какому-либо дѣлу, то именно къ педагогическому требуется не только способность къ нему, но и серьезное желаніе его изучать.

1) Учебные планы VIII класса. Сборникъ Женской Гимназій А. С. Пушкина. Т. I. Стр. 44.

Въ настоящее время составъ учениць VІІІ-хъ классовъ женскихъ гимназій распадается по ихъ дальнѣйшимъ намѣреніямъ на двѣ группы: 1) ученицы, заканчивающія этимъ классомъ свое школьное образованіе, и 2) ученицы, поступающія послѣ его окончанія въ высшія учебныя заведенія. Оканчивающихъ VІІІ классъ по специальности исторіи и принимающихъ затѣмъ сразу за преподавательскую дѣятельность едва ли вообще можно встрѣчать въ сколько-нибудь значительномъ числѣ, а не въ видѣ рѣдкихъ исключеній. При такомъ положеніи дѣла, присутствуя на урокахъ исторіи въ VІІІ-хъ классахъ женскихъ гимназій и на пробныхъ урокахъ, даваемыхъ ихъ ученицами, я не могъ не чувствовать значительнаго несоотвѣтствія того, чѣмъ представляется этотъ классъ при чтеніи Положенія о женскихъ гимназіяхъ, съ тѣмъ, чѣмъ онъ является въ дѣйствительности. Мало того, я не могъ не думать о той, едва ли производительной затратѣ времени на пробные уроки учениць VІІІ класса, которая дѣлается въ настоящее время и ими самими, и классами, отдаваемыми ихъ пробнымъ урокамъ въ качествѣ, такъ сказать, опытнаго поля. Каждый сколько нибудь продолжительное время работающій преподаватель безъ сомнѣнія признаетъ, что пробный урокъ въ классѣ не можетъ не нарушать правильнаго веденія преподаванія: даже очень хорошій пробный урокъ затѣмъ приходится перерабатывать постоянному преподавателю; а сколько труда и времени отниметъ у него переработка пробнаго урока плохого! Я вполнѣ понимаю, что пробные уроки необходимая жертва, которую должна приносить средняя школа дѣлу подготовки своихъ преподавателей, но именно этому дѣлу, ради котораго она можетъ и должна идти на такую жертву. Нарушать же единство преподаванія и отдавать столь нужные младшимъ классамъ учебные часы преподаванію учениць VІІІ класса, по крайней мѣрѣ большинству ихъ (кромѣ имѣющихъ въ виду посвятить себя педагогической дѣятельности) — эта жертва, думается, едва ли вполнѣ справедливо приносится те-

перъ младшими классами женскихъ гимназій ихъ VIII-му классу. Конечно, испытать свои силы на урокъ въ классѣ и получить указанія отъ преподавателя, разбирающаго данный урокъ, очень полезно; конечно, обсужденіе всѣми ученицами VIII класса пробнаго урока ихъ подруги полезно не менѣе, какъ полезно и приготовленіе къ пробному уроку подъ руководствомъ преподавателя; я признаю даже, при удачной постановкѣ дѣла пробныхъ уроковъ, приобрѣтеніе извѣстнаго опыта преподаванія ученицами VIII класса; — но я никакъ не могу освободиться отъ мысли: соотвѣтствуютъ ли эти приобрѣтенія ученицъ VIII класса тѣмъ затратамъ, которыя на нихъ дѣлаются преподаваніемъ въ младшихъ классахъ, при наличности того, что я отмѣтилъ выше, т. е. при современномъ составѣ ученицъ этого класса?

Занятія исторіей въ VIII-хъ классахъ женскихъ гимназій, которыя я посѣтилъ при исполненіи возложенной на меня ре-визіи, распадаются на двѣ, совершенно самостоятельныя и несвязанныя одна съ другою, части: 1) курсъ исторіи и 2) методика ея преподаванія и пробные уроки. Этимъ частямъ отводится не одинаковое количество учебнаго времени. Курсу исторіи въ большинствѣ VIII-хъ классовъ женскихъ гимназій удѣляются три недѣльныхъ урока, методикѣ же — одинъ. При этомъ сплошь и рядомъ эти части преподаванія находятся въ рукахъ двухъ различныхъ преподавателей, а не одного и того же. Иногда, при соединеніи ихъ въ рукахъ одного лица, методикѣ выдѣляется сравнительно очень небольшая часть уроковъ, какъ бы только въ добавленіе къ курсу. Такимъ образомъ, педагогическая подготовка къ преподаванію, внѣ всякаго сомнѣнія, въ дѣйствительности отнюдь не стоитъ на первомъ планѣ; наоборотъ, она является лишь простымъ придаткомъ къ курсу исторіи, который полагается въ основу занятій ученицъ VIII класса, избравшихъ этотъ предметъ своею спеціальностью. Мнѣ кажется, что въ такой постановкѣ преподаванія мы имѣемъ одно изъ лучшихъ проявле-

ній указаннаго мною выше отрицанія жизнью педагогическаго питомника въ VIII классѣ женскихъ гимназій. Если бы этотъ классъ дѣйствительно имѣлъ характеръ такого питомника, мы наблюдали бы, наоборотъ, усиленіе преподаванія методики и не раздѣленіе всѣхъ занятій исторіей на два совершенно самостоятельныхъ отдѣла, а приспособленіе курса къ нуждамъ педагогической подготовки. Въ самомъ дѣлѣ, преподаваніе методики, вѣдь, не только учить приемамъ преподаванія: оно должно, при серьезномъ педагогическомъ интересѣ учащихся и учащихъ, широко вводить послѣднихъ въ кругъ учебныхъ пособій и даже ученой литературы, приучая помощью этой литературы восполнять пробѣлы въ своихъ знаніяхъ, что долженъ всегда дѣлать учитель самостоятельно и къ чему необходимо приучать тѣхъ, кто готовится сдѣлаться учителями. Кромѣ того, при серьезной постановкѣ дѣла подготовки къ педагогической дѣятельности въ VIII классѣ женскихъ гимназій, руководитель его долженъ отдавать много вниманія индивидуальности своихъ ученицъ въ значеніи будущихъ учительницъ, такъ какъ только этимъ путемъ онъ можетъ навести ихъ именно на тѣ приемы преподаванія, которые будутъ вполнѣ соотвѣтствовать способностямъ каждой изъ нихъ. Было бы, конечно, заблужденіемъ думать, что всѣ преподаватели должны вести свое дѣло совершенно одинаково. Всѣ они обязаны избѣгать того, что въ преподаваніи приводитъ къ отрицательнымъ результатамъ; но приемами, которые достигаютъ результатовъ положительныхъ, они должны пользоваться сообразно со своими собственными дарованіями, выбирая именно тѣ, которые послѣднимъ соотвѣтствуютъ.

Итакъ, я полагаю, что, при признаніи VIII класса женскихъ гимназій педагогическимъ, именно подготовка къ преподаванію должна доминировать надъ всѣми остальными занятіями ученицъ. Въ дѣйствительности этого нѣтъ, да, думается, и не можетъ быть, притомъ не только по причинѣ, лежащей въ самомъ отношеніи большинства учащихся къ этому

классу, въ ихъ взглядѣ на его для нихъ значеніе, но и потому, что историческій курсъ предшествующихъ классовъ гимназій не даетъ той основы знаній по исторіи, которая необходима для преподавательницы этого предмета. Эту основу приходится создавать только въ самомъ VIII классѣ, а при такихъ условіяхъ четыре урока въ недѣлю и на занятія исторіей, и на изученіе методики ея преподаванія являются такимъ малымъ количествомъ времени, что для преподавателя нѣтъ возможности сдѣлать въ него что-либо.

Курсъ исторіи въ VIII-хъ классахъ женскихъ гимназій, въ которыхъ я былъ, производя ревизію, не вездѣ одинъ и тотъ же. Въ большинствѣ ихъ преподается древняя и русская исторія, въ меньшинствѣ — только русская. Преподаваніе именно этихъ отдѣловъ исторіи имѣетъ слѣдующія основанія: 1) именно по русской и по древней исторіи ученицы VIII класса даютъ свои пробные уроки въ III и IV классахъ гимназій и 2) русская исторія является исторіей ихъ общаго отечества, а исторія древняя вводитъ ихъ въ изученіе античнаго міра, какъ основы современной европейской культуры.

Присмотримся поближе къ этимъ основаніямъ предлагаемыхъ ученицамъ VIII класса курсовъ и постараемся провѣрить ихъ, во-первыхъ, съ точки зрѣнія ихъ цѣлесообразности и, во-вторыхъ, съ точки зрѣнія ихъ осуществимости. Практическая подготовка къ пробнымъ урокамъ, какъ основаніе для преподаванія русской и древней исторіи въ VIII классѣ, мнѣ представляется не выдерживающею критики по слѣдующимъ соображеніямъ: 1) къ урокамъ преподающей долженъ готовиться, самостоятельно разбираясь въ ученой литературѣ и пособіяхъ для преподаванія, и онъ не долженъ на своихъ урокахъ повторять лишь, какъ заученныя, тѣ знанія, которыя сообщилъ ему его учитель; руководитель начинающаго преподавателя долженъ давать ему только общія указанія и руководство, а не влгать въ него готовымъ то, что онъ будетъ говорить и дѣлать на своемъ урокѣ, тѣмъ парализуя его самостоятель-

ность и дѣлая ненужною его собственную работу при приготовленіи себя къ предстоящему уроку; 2) самое содержаніе курсовъ русской и древней исторіи, предлагаемыхъ въ настоящее время ученицамъ VIII класса, приближаясь по своему характеру къ курсамъ высшихъ учебныхъ заведеній, совершенно непригодно для воспроизведенія его на урокахъ въ младшихъ классахъ.

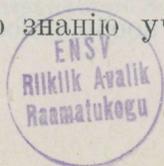
Но есть другая сторона въ курсахъ исторіи VIII класса женскихъ гимназій, которая имѣетъ свое значеніе не только для приготовленія изъ ученицъ преподавательницъ, но и для ихъ общаго образованія. Эта сторона — введеніе учащихся въ ознакомленіе съ исторіей, какъ съ научною дисциплиной. Оно необходимо для будущихъ учительницъ исторіи, изучавшихъ послѣднюю раньше лишь какъ предметъ преподаванія въ средней школѣ, для того чтобы они могли различать исторію въ обоихъ этихъ значеніяхъ, а также для того, чтобы они могли самостоятельно изучать ученую историческую литературу; но оно чрезвычайно цѣнно и для общаго образованія, не говоря уже объ его значеніи для тѣхъ ученицъ, которыя затѣмъ будутъ изучать исторію въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Для послѣднихъ курсъ исторіи въ VIII классѣ можетъ служить прекрасной подготовкой и переходною ступенью къ ихъ дальнѣйшимъ занятіямъ.

Если взглянуть на курсъ исторіи въ VIII классѣ женскихъ гимназій съ этой точки зрѣнія, то онъ долженъ быть курсомъ на научной основѣ, хотя и вполне доступнымъ усвоенію учащихся. Онъ долженъ не только давать достаточно научное знаніе историческаго прошлаго, но возможно больше, сколько это позволяютъ силы учащихся, вводить и въ научный методъ исторіи. Во время прохожденія этого курса необходимо уясненіе того, что такое научное историческое изслѣдованіе, что такое научное обобщеніе и т. д. Крайне желательно выясненіе учащимся того, какъ вводятся въ научное достояніе историческіе факты, почерпаемые изъ источниковъ, какъ они

провѣряются, какъ сводятся въ картины исторической жизни, какъ возникаютъ противорѣчія ученыхъ мнѣній, какъ создаются историческія гипотезы и т. д. Словомъ, желательна не только передача готовыхъ построеній исторической науки, но по возможности и уясненіе въ общихъ чертахъ того пути, по которому идетъ къ нимъ наука. Вмѣстѣ съ тѣмъ желательны и постоянные экскурсы въ соприкасающіяся съ исторіей научныя области, въ цѣляхъ, въ доступномъ для учащихъ видѣ, знакомить ихъ съ ними попутно. Только при такой постановкѣ преподаванія курсъ исторіи въ VIII классѣ женскихъ гимназій можетъ быть вполне признанъ введеніемъ въ ознакомленіе съ исторіей въ значеніи науки.

Если предъявить такія требованія къ курсу исторіи въ VIII классѣ женскихъ гимназій, то придется признать преподаваніе въ немъ древней исторіи совершенно невозможнымъ, такъ какъ ученицы женскихъ гимназій не имѣютъ подготовки къ сколько-нибудь научному ея изученію. Въ самомъ дѣлѣ, элементарно-научное изученіе исторіи какого-либо народа безусловно невозможно безъ знанія того языка, на которомъ написаны ея источники; древнихъ же языковъ ученицы женскихъ гимназій не изучаютъ, за очень рѣдкими исключеніями. Къ незнакомству съ древними языками нужно прибавить и то обстоятельство, что курсъ древней исторіи, предлагаемый имъ въ IV классѣ, благодаря возрасту ученицъ, проходитъ въ очень упрощенномъ видѣ, да къ тому же, не повторяемый въ слѣдующихъ классахъ, онъ уже и основательно забытъ ко времени перехода ученицъ въ VIII классъ. Такимъ образомъ, нельзя не признать полного отсутствія основы для сколько-нибудь научнаго преподаванія древней исторіи въ VIII классѣ женскихъ гимназій.

Совершенно иначе обстоитъ дѣло по отношенію къ курсу русской исторіи. Болѣе или менѣе научное его преподаваніе возможно и по доступности языка громаднаго большинства источниковъ исторіи Россіи, и по знанію учащимися общаго

хода ея, такъ какъ онѣ закончили изученіе русской исторіи лишь въ VII классѣ, при чемъ повторили ее передъ экзаменомъ при переходѣ въ VIII классѣ. Къ этому необходимо прибавить значеніе исторіи Россіи, какъ исторіи общаго отечества ученицъ, и желательность болѣе или менѣе научнаго знакомства именно съ этою областью научнаго знанія и потому, что она по преимуществу является полемъ дѣятельности представителей русской науки, а стало быть наиболѣе способна внушить къ ней уваженіе, которое не можетъ не быть признано одною изъ цѣлей русской школы.

Но можетъ быть предъявлено и другое требованіе къ курсу исторіи въ VIII классѣ женскихъ гимназій, а именно не столько введеніе въ научное изученіе исторіи, сколько болѣе или менѣе широкое общее развитіе и введеніе въ пониманіе явленій современной государственной и общественной жизни. И эту цѣль должно признать весьма серьезной. Но, если принять ее, то тогда, не обинуясь, придется, сохранивъ курсъ русской исторіи, замѣнить исторію древнюю новѣйшей исторіей Западной Европы, которая такъ торопливо проходитъ въ VII классѣ и которая такъ важна для общаго развитія и пониманія современности. Введеніе древней исторіи въ курсъ VIII класса женскихъ гимназій должно быть признано выраженіемъ того господствовавшаго раньше взгляда на исключительное значеніе классицизма въ гимназическомъ образованіи, котораго торжество и затѣмъ извѣстное пораженіе мнѣ уже пришлось отмѣчать, когда я говорилъ о развитіи и постепенной выработкѣ программы исторіи въ младшихъ классахъ мужскихъ гимназій. Отсутствіе почвы для сколько-нибудь серьезнаго преподаванія исторіи античнаго міра въ VIII классѣ женскихъ гимназій не было принято во вниманіе въ годы господства классической системы, когда возникали первыя женскія гимназіи Министерства Народнаго Просвѣщенія, программы преподаванія въ которыхъ, по составленному тогда ихъ Положенію, вообще должны „приближаться“ къ програм-

мамъ гимназій мужскихъ. Между тѣмъ тѣ среднія женскія учебныя заведенія, которыя развивались самостоятельно, являясь старѣйшими женскими учебными заведеніями Россіи, а именно институты Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи, въ программахъ своихъ спеціальныхъ классовъ, соотвѣтствующихъ VIII классу женскихъ гимназій Министерства Народнаго Просвѣщенія, не знали и не знаютъ древней исторіи, требуя преподаванія лишь исторіи XIX столѣтія въ Россіи и Западной Европѣ. Въ такомъ направленіи тѣ женскія учебныя заведенія, которыя развивались безъ всякаго вліянія классической системы, выработали программу исторіи въ дополнительныхъ классахъ, ставя цѣлью ихъ общее образованіе ученицъ¹⁾. Нельзя при этомъ забывать, что спеціальныя классы возникли въ институтахъ подъ вліяніемъ такого выдающагося педагога-руководителя, какимъ былъ К. Д. Ушинскій, организовавшій ихъ и выработавшій для нихъ программы въ старѣйшемъ женскомъ учебномъ заведеніи Россіи, Императорскомъ Воспитательномъ Обществѣ Благородныхъ Дѣвицъ въ Смольномъ.

1) При этомъ необходимо отмѣтить, что на преподаваніе исторіи въ институтахъ обращалось всегда самое серьезное вниманіе. По уставу воспитанія 200-тъ благородныхъ дѣвицъ, данному императрицею Екатериною Великою въ руководство основанному ею Смольному Институту (Воспитательное Общество Благородныхъ Дѣвицъ), чтеніе историческихъ книгъ было сдѣлано обязательнымъ съ третьяго возраста воспитанницъ. Съ середины XIX столѣтія въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи преподаваніе новѣйшей исторіи было рѣшительно выдвинуто на первый планъ. „Наставленіе для образованія воспитанницъ женскихъ учебныхъ заведеній“, составленное принцемъ Петромъ Георгіевичемъ Ольденбургскимъ въ 1852 году и одобренное императоромъ Николаемъ Павловичемъ 24 февраля 1852 года (словами: „прекрасно; и душевно благодарю за полезный трудъ“), а затѣмъ разосланное для руководства въ женскія учебныя заведенія, гласитъ: „исторію среднюю, а въ особенности исторію новѣйшую слѣдуетъ преподавать подробнѣе, безъ всякихъ излишнихъ однако же анекдотовъ и мелочей, но указывая преимущественно на главные идеи и событія, на причины и послѣдствія таковыхъ“. Что касается воспитанія въ учащихся привычки и любви къ чтенію, то требованіе его было очень настойчиво выдвинуто въ пятидесятыхъ годахъ для Смольнаго Института его тогдашнимъ инспекторомъ классовъ, К. Д. Ушинскимъ. Въ своей „Объяснительной Запискѣ къ проектамъ учебнаго курса въ Воспитательномъ Обществѣ благородныхъ дѣвицъ и С.-П. Александровскомъ училищѣ“ Ушинскій писалъ: „я полагаю, что одна изъ важнѣйшихъ задачъ женскаго воспитанія состоитъ въ томъ, чтобы еще въ заведеніи пріучить дѣвицъ къ полезному, плодovitому чтенію, внушить любовь къ нему; . . . учебное заведеніе не образуетъ окончательно, но оно должно открыть путь къ самостоятельному правильному самообразованію“ (Дѣло архива Императорскаго Воспитательнаго Общества Благородныхъ Дѣвицъ № 87, за 1858 годъ).

Нельзя думать, что причиною, заставившей отказаться от преподаванія древней исторіи въ спеціальныхъ классахъ институтовъ, было недостаточное уваженіе къ значенію античнаго міра. Въ этомъ отказѣ, кромѣ сознанія отсутствія почвы для серьезнаго преподаванія древней исторіи въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, нужно видѣть и извѣстное отраженіе тѣхъ мыслей, которыя высказывались въ русской литературѣ среднихъ десятилѣтій XIX столѣтія, когда такъ мучительно и страстно выяснялся вопросъ объ отношеніи Россіи къ Западной Европѣ и ея культурѣ и когда такъ выдвигалось общечеловѣческое значеніе западноевропейской культуры именно новѣйшаго времени, съ XVIII столѣтія.

Выводъ, который я долженъ сдѣлать изъ всего сказаннаго мною по поводу постановки преподаванія исторіи въ VIII классѣ женскихъ гимназій ихъ учебными планами, — вполнѣ назрѣвшая потребность пересмотра этихъ плановъ, пересмотра, при которомъ, быть можетъ, встанетъ вопросъ и о преобразованіи VIII класса женскихъ гимназій въ его полномъ составѣ, и объ упраздненіи историческаго его отдѣленія, съ превращеніемъ исторіи въ общеобязательный предметъ для всѣхъ ученицъ этого класса.

Изложенное мною въ настоящемъ отдѣлѣ моего Отчета, можетъ быть, является отступленіемъ отъ главной его задачи, т. е. отъ изложенія моихъ наблюденій надъ состояніемъ преподаванія исторіи въ обрѣвизованныхъ мною учебныхъ заведеніяхъ по дѣйствующимъ въ настоящее время программамъ и учебнымъ планамъ. Но я не могъ не считать своею обязанностью отмѣтить въ этихъ программахъ и учебныхъ планахъ то, что, по моему мнѣнію, мѣшаетъ въ нихъ преподаванію исторіи съ такими результатами, которыхъ отъ него можно и должно требовать.

II.

Преподающіе.

Исполняя возложенное на меня порученіе по ревизіи преподаванія исторіи, я присутствовалъ на урокахъ 55-ти преподавателей и преподавательницъ, а также на экзаменахъ, производимыхъ 6-ю изъ ихъ числа. Само собою разумѣется, что я встрѣтилъ лицъ различныхъ дарованій, знаній, опыта, авторитета и индивидуальности, но я счастливъ признать, что мнѣ не пришлось встрѣтиться во время производства ревизіи ни съ однимъ лицомъ изъ состава преподающихъ, которое бы оказалось совершенно не подходящимъ къ исполненію обязанностей учителя исторіи. Я наблюдалъ иногда уроки положительно выдающихся по своимъ качествамъ преподавателей, иногда имѣлъ высокое наслажденіе встрѣтиться съ большимъ нравственнымъ вліяніемъ учителя исторіи и его крупнымъ авторитетомъ, наконецъ — очень часто видѣлъ горячее желаніе работать надъ собою въ преподавателяхъ еще небогатыхъ опытомъ, работать надъ расширеніемъ и углубленіемъ своихъ знаній, а также надъ пріобрѣтеніемъ вполне продуктивныхъ пріемовъ преподаванія. Эти то впечатлѣнія ревизіи и заставляютъ меня постараться *sine ira et studio*, но по возможности полнѣе высказать въ настоящемъ моемъ Отчетѣ тѣ замѣчанія, которыя я сдѣлалъ при посѣщеніи уроковъ исторіи, и тѣ мысли, которыя они у меня возбудили.

Наблюдая преподающихъ исторію во время ревизіи, я скоро уже раздѣлялъ ихъ на двѣ основныя группы: въ преподаваніи однихъ господствовала опредѣленная манера, выработанная длиннымъ рядомъ преподавателей исторіи, давно; въ преподаваніи другихъ ясно замѣчалось собственное творчество. Въ этомъ наблюденіи, конечно, ничего не было особенно новаго, такъ какъ всѣ существующія и существовавшія человѣческія общества и представители всѣхъ видовъ труда дѣлятся

на эти двѣ группы — подражателей и изобрѣтателей. Не могу скрыть, что мои симпатіи болѣе на сторонѣ тѣхъ преподавателей, которые ведутъ свое дѣло, творя въ немъ; но я всецѣло признаю и достоинства преподавателей, отнесенныхъ мною въ первую группу.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что вѣками выработанные дидактическіе приемы, надъ разработкою которыхъ трудились многія тысячи лицъ, а въ числѣ ихъ и люди крупнаго таланта, составляютъ многоцѣнный капиталъ, принадлежащій современному преподаванію. Однако необходимо признать, что лица, ведущія преподаваніе исторіи въ настоящее время, въ громадномъ большинствѣ случаевъ не владѣютъ этимъ капиталомъ болѣе или менѣе полно. Причина этого заключается въ томъ, что за нечастыми исключеніями они начинаютъ свою преподавательскую дѣятельность безъ теоретическаго изученія методики преподаванія въ средней школѣ и безъ серьезнаго теоретическаго изученія исторіи выработки методовъ преподаванія. Хорошо извѣстно обычное начало преподавательской дѣятельности большинства дѣйствующихъ въ настоящее время поколѣній преподавателей: окончивъ высшія учебныя заведенія, въ которыхъ, за исключеніемъ немногихъ, они вовсе не знакомились на лекціяхъ съ этими областями знанія, они прямо приступаютъ къ практической дѣятельности въ средней школѣ. Приемы преподаванія начинающаго учителя поэтому вырабатываются имъ уже во время практики и создаются на основѣ: 1) воспоминаній о томъ, какъ учили въ свое время его самого, 2) бесѣдъ съ болѣе опытными своими товарищами по преподаванію и съ руководителями тѣхъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ онъ работаетъ, 3) постепенно приобретаемаго собственнаго опыта и 4) чтенія трудовъ по общей педагогикѣ и по методикѣ преподаванія его специальности. Но въ дѣйствительности въ настоящее время, сколько я могъ подмѣтить, дѣйствуютъ главнымъ образомъ первыя три изъ перечисленныхъ мною. Влія-

ніе ихъ на приемы преподаванія отдѣльныхъ преподавателей комбинируется различно, и въ этомъ различіи отчетливо замѣчается большая или меньшая степень силы самостоятельности и способности къ творчеству отдѣльныхъ лицъ: тѣ преподаватели, которые обладаютъ значительною самостоятельностью и творчествомъ, скоро начинаютъ, подъ вліяніемъ собственнаго опыта и собственной работы мысли, модифицировать и приспособлять данное имъ чужимъ опытомъ къ своей индивидуальности и къ особенностямъ условій своего преподаванія, дѣлая это личною изобрѣтательностью; наоборотъ, лица, самостоятельностью и творчествомъ не обладающія, просто идутъ проторенною чужимъ опытомъ и чужою мыслью дорогою; мало усваивая то, что даетъ имъ ихъ собственный опытъ, они стараются данныя этого опыта просто подводить подъ категоріи ходячихъ положеній, которыя прочно улеглись въ ихъ сознаніи, а иногда и торопливо отмахиваются отъ слишкомъ назойливыхъ съ привычнымъ имъ противорѣчій, которыя временами выдвигаетъ передъ ними ихъ собственная практика.

Начинающіе преподаватели бываютъ трехъ типовъ. Первый типъ представляютъ собою лица, приступающія къ преподаванію безъ какихъ-либо мыслей о педагогическихъ задачахъ своей дѣятельности, — надо служить гдѣ-нибудь, и служба въ учебномъ заведеніи представляется имъ просто удобной или болѣе доступной. Этотъ типъ наиболѣе легко вступаетъ на ту торную дорогу преподаванія, о которой я сейчасъ говорилъ. Но я отнюдь не хочу сказать, что всѣ лица этого типа не могутъ съ нея сойти. Наоборотъ, въ рядахъ ихъ есть много такихъ людей, которые въ дальнѣйшей своей дѣятельности часто обнаруживаютъ способность къ большой самостоятельности работы. Надо только, чтобы она пробудилась. Пробуждается же эта способность или подъ вліяніемъ педагогической среды, въ которой живетъ и работаетъ такой преподаватель, или подъ вліяніемъ собственнаго педагогическаго опыта, который наталкиваетъ на факты и впечатлѣнія,

возбуждающіе самостоятельность мысли. Что касается второго типа, то его составляют лица, приступающія къ работѣ преподавателя съ глубоко отрицательнымъ взглядомъ на то, какъ она дѣлается обычно въ современной школѣ. Впечатлѣнія собственнаго ученья въ средней школѣ, давшія темный и тяжелый осадокъ подѣ влияніемъ дурныхъ условій и обстановки его, усиленныя отрицательными впечатлѣніями отъ рассказовъ и обличеній въ части литературы, дѣлаютъ ихъ врагами „рутины“, и они стремятся работать вразрѣзъ тому, что они подѣ нею понимаютъ. Это новаторы во что бы то ни стало, подозрительно относящіеся ко всему „старому“ и стремящіеся дѣлать все по новому. Но и въ этой группѣ, рядомъ съ самостоятельно мыслящими людьми, стоятъ люди, усвоившіе на вѣру чужое, не продумавъ его и не внеся въ него своего личнаго творчества.

Наконецъ, третьимъ типомъ являются лица, приступающія къ работѣ учителя съ искреннимъ признаніемъ трудности и значенія его дѣла, съ желаніемъ воспользоваться тѣмъ, что выработано многолѣтнимъ опытомъ преподаванія, но и съ намѣреніемъ работать самостоятельно въ томъ смыслѣ, чтобы, воспользовавшись этимъ капиталомъ, приложить его къ своей собственной дѣятельности, внося тамъ, гдѣ это нужно для успѣха работы, приемы, вырабатываемые или усовершенствуемые подѣ влияніемъ своего опыта и работы своей мысли.

Мнѣ не нужно говорить, что именно третій типъ мнѣ представляется наиболѣе цѣннымъ для успѣха школы. Но я не могу требовать, чтобы всѣ преподаватели, съ которыми я встрѣтился при совершеніи моей ревизіи, принадлежали именно къ нему, и не могу этого требовать по слѣдующимъ причинамъ: 1) къ сожалѣнію, но съ этимъ надобно считаться, вообще людей, избирающихъ для себя дѣятельность вполнѣ по своимъ склонностямъ, въ современныхъ обществахъ не большинство; 2) соответствующій талантъ можетъ быть скрытымъ отъ самого только что приступающаго къ какому-либо дѣлу — онъ

часто обнаруживается лишь во время работы надъ послѣднимъ; 3) изъ преподавателей первыхъ двухъ типовъ обстановка и условія ихъ педагогической дѣятельности могутъ выработать очень хорошихъ дѣятелей школы.

Въ мою задачу на настоящихъ страницахъ отнюдь не входитъ изученіе вопроса о подготовкѣ преподавателей средней школы. Это вопросъ большой и назрѣвшій, и мы уже къ тому же вступили въ періодъ мѣропріятій для его разрѣшенія. Но я долженъ остановиться, хотя и бѣглымъ образомъ, на средствахъ для созданія условій, которыя бы благопріятствовали работѣ надъ своимъ усовершенствованіемъ преподавателей, дѣйствующихъ теперь, притомъ всѣхъ типовъ, обозначенныхъ мною выше. Въ „Трудахъ Педагогическихъ комиссій среднихъ учебныхъ заведеній Рижскаго Учебнаго округа въ 1908—09 учебномъ году“ этотъ вопросъ разработанъ довольно полно, что избавляетъ меня отъ необходимости останавливаться на немъ долго. Я считаю нужнымъ подчеркнуть только нѣкоторыя пожеланія, которыхъ исполненіе находится въ распоряженіи средней школы теперь же, безъ особыхъ хлопотъ и увеличенія средствъ ея содержанія, а именно 1) пополненіе фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній въ отдѣлахъ по педагогикѣ, педагогической психологіи, школьной гигиенѣ и методикѣ, 2) возможно болѣе частыя и возможно менѣе оффиціальныя собесѣдованія преподавателей соответствующихъ предметовъ въ каждомъ учебномъ заведеніи, 3) возможно менѣе оффиціальныя бесѣды о вопросахъ преподаванія и воспитанія между руководителями школы и преподавателями и 4) посѣщеніе преподавателями уроковъ другъ у друга, если это возможно. Одинъ изъ главныхъ залоговъ успѣха школы — педагогическая настроенность ея дѣятелей. Эта настроенность не позволяетъ опускаться учителю и вообще педагогу, разъ она является силою, которая одухотворяетъ дѣятелей того или другого учебнаго заведенія. Въ созданіи педагогической настроенности преподавателей много значитъ

личность стоящаго во главѣ ихъ директора, но иногда ее замѣняетъ присутствіе въ составѣ преподающихъ нѣсколькихъ лицъ, которыя могутъ быть названы педагогами въ высокомъ значеніи этого слова и которыя оказываютъ неотразимое вліяніе на своихъ товарищей. Мнѣ въ моей прежней практикѣ преподавателя средней школы случалось встрѣчать и то и другое; но мнѣ приходилось и живо чувствовать наличность этой педагогической настроенности въ педагогическомъ персоналѣ отдѣльныхъ учебныхъ заведеній, или, наоборотъ, ея отсутствіе.

Созданію педагогической настроенности преподавательскаго состава учебнаго заведенія могутъ, думается, значительно способствовать мѣры, указанныя мною. Въ самомъ дѣлѣ, педагогическая литература не только даетъ педагогупрактику знанія и расширяетъ его кругозоръ — она держитъ его въ сферѣ педагогическихъ интересовъ, и недаромъ К. Д. Ушинскій такъ горячо настаивалъ на ея значеніи для дѣятелей школы; посѣщеніе уроковъ другъ у друга знакомитъ съ тѣмъ, какъ ведутъ свое дѣло другіе преподаватели; бесѣды по поводу преподаванія незамѣнимы какъ обмѣнъ мнѣній, въ которомъ заимствуютъ другъ у друга хорошее, а также провѣряютъ себя. Мнѣ могутъ сказать, что у преподавателя нѣтъ времени для всего этого: онъ слишкомъ занятъ своими уроками, которыхъ у него больше тридцати въ недѣлю. Нѣтъ, возражу я, любовь и интересъ къ дѣлу зависятъ не отъ числа даваемыхъ уроковъ, и они могутъ имѣться въ наличности при максимальномъ ихъ количествѣ и, наоборотъ, отсутствовать при минимальномъ; а разъ эти любовь и интересъ къ дѣлу на лицо хотя бы въ части преподавателей даннаго учебнаго заведенія, ихъ необходимо беречь всѣмъ стоящимъ во главѣ его, ибо именно въ нихъ основа для выработки педагогической настроенности преподавательскаго состава учебнаго заведенія.

Эти строки я считалъ своимъ долгомъ написать потому, что я далеко не во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, видѣнныхъ

мною во время исполненія возложенной на меня ревизіи, замѣтилъ заботу о созданіи или укрѣпленіи педагогической настроенности ихъ преподавательскаго персонала, которую я считаю столь необходимой для успѣшнаго выполненія своего назначенія школю.

Обозначенныя мною выше четыре пожеланія должны помочь и устраненію серьезнаго недостатка, который наблюдается очень часто вообще и который не разъ встрѣтился мнѣ въ моей ревизіи на урокахъ исторіи. Этотъ недостатокъ — слишкомъ большая зависимость преподавателя отъ университетскихъ курсовъ, которые онъ слушалъ или штудировалъ, и отъ ученыхъ трудовъ, которые онъ изучалъ. Такая излишняя зависимость наблюдается въ преподаваніи не только начинающихъ, но и работающихъ уже довольно долго преподавателей. А между тѣмъ, какъ это очень хорошо извѣстно, исторія въ значеніи науки и исторія въ значеніи предмета преподаванія въ средней школѣ далеко не одно и то же. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что нужно горячо желать, чтобы преподаватель средней школы стоялъ на высотѣ результатовъ научной работы даннаго времени; но, владѣя ими, онъ долженъ вводить свои знанія въ классное преподаваніе лишь въ тѣхъ размѣрахъ и въ тѣхъ частяхъ ихъ, которые нужны ученикамъ. Я понимаю, что не совсѣмъ легко сдерживать свою рѣчь въ тѣхъ случаяхъ, когда знаешь гораздо больше, чѣмъ можешь высказать по условіямъ преподаванія; но сдерживать себя и свой спеціальный интересъ въ преподаваніи часто бываетъ необходимо, такъ какъ въ противномъ случаѣ принесешь не пользу, а вредъ непосильнымъ для усвоенія учащихъ матеріаломъ. Утѣшеніемъ въ этой, такъ сказать, борьбѣ со своими знаніями вполнѣ является сознаніе того, что учащіеся прекрасно чувствуютъ глубину или поверхностность знаній преподавателя, и почти буквально одно и то же, сказанное преподавателями съ глубокими знаніями и со знаніями поверхностными, производитъ на нихъ совершенно различное впечатлѣніе.

Погрѣшности преподаванія исторіи, наблюдаемыя въ отмѣченномъ сейчасъ направленіи, выражаются не только во введеніи преподавателемъ излишнихъ для средней школы подробностей, но и въ самомъ содержаніи и характерѣ исторіи въ его преподаваніи. Дѣло въ томъ, что въ настоящее время въ исторической наукѣ существуетъ большой интересъ къ экономическимъ и соціальнымъ явленіямъ жизни народовъ, интересъ, который за послѣднія десятилѣтія заставилъ значительно перестроить самое изложеніе исторіи. Я бы не могъ называться спеціалистомъ-историкомъ, еслибы я не признавалъ необходимости глубокаго вниманія исторической науки къ экономической и соціальной исторіи; но я не могу признать желательной перестройку и исторіи, какъ предмета преподаванія въ средней школѣ, на этой основѣ. Курсъ исторіи въ средней школѣ не можетъ уклоняться отъ выясненія въ умѣстныхъ и доступныхъ для него размѣрахъ и экономическихъ и соціальныхъ явленій историческаго прошлаго, но онъ не долженъ уклоняться и отъ главной своей цѣли, которая состоитъ въ сообщеніи учащимся достаточно полного и отчетливаго знанія фактической исторіи въ прагматической связи и въ развитіи въ нихъ соотвѣтствующихъ способностей и навыковъ.

Я позволю себѣ иллюстрировать сдѣланное мною сейчасъ замѣчаніе хотя бы однимъ примѣромъ, взятымъ изъ моихъ замѣтокъ, сдѣланныхъ во время производства ревизіи. Въ IV-омъ классѣ одной изъ женскихъ гимназій преподаватель излагалъ законодательство Солона, выясняя его исключительно на основѣ соціальной исторіи Аѳинскаго государства, съ такимъ вниманіемъ разрабатываемой въ научной литературѣ новѣйшаго времени. Я внимательно вслушивался въ вопросы, предлагаемые преподавателемъ ученицамъ изъ пройденнаго раньше, и всѣ они имѣли, такъ сказать, безличное содержаніе, т. е. касались учреждений, положенія общественныхъ классовъ и т. п. Воспользовавшись тѣмъ, что такого

же характера вопросы были введены и в область греческих мифов, я попросил позволения предложить ученицъ вопросъ самъ и спросилъ ее о Пенелопѣ, о которой зашла у преподавателя рѣчь по поводу положенія рабовъ въ древнѣйшей Греціи (т. е. имя Пенелопы было названо преподавателемъ лишь съ цѣлью напомнить ученицъ извѣстныя ей свѣдѣнія о рабахъ Одиссея, сохраненныя въ послѣднихъ пѣсняхъ Одиссеи). Ученица (вообще очень хорошая) отвѣтила мнѣ, что Пенелопа — это жена Одиссея, вышедшая замужъ во время его отсутствія. Такъ увлеченіе соціальною стороною исторіи безжалостно убило красоту содержанія гомеровскаго эпоса, убило мифъ въ его педагогическомъ значеніи, въ его значеніи для развитія чувства красоты и человѣческаго достоинства, не говоря уже о томъ, что гомеровскій рассказъ о Пенелопѣ могъ бы служить даже воспитанію нравственнаго чувства, рисуя идеальныя черты жены и матери. Вообще преподавателемъ были оставлены въ сторонѣ вся красочность и картинность античной жизни, въ которыхъ всегда было такъ много обаянія для послѣдующаго времени, и древняя исторія обратилась въ его преподаваніи въ сухое схематическое изложеніе, несмотря на то, что оно было предназначено для дѣвочекъ 13—14 лѣтъ.

Рядомъ съ неправильнымъ перенесеніемъ въ преподаваніе въ средней школѣ того изъ ученой литературы и университетскихъ курсовъ, чего я не могу признать подходящимъ къ его характеру, мнѣ пришлось во время моей ревизіи отмѣтить рядъ несоотвѣтствій сообщаемого учащимся преподавателемъ съ современнымъ научнымъ его представленіемъ. Примѣровъ этого я могъ бы привести много, но думаю, что будетъ достаточно и нѣсколькихъ. Такъ, крѣпостное право въ Россіи наканунѣ его уничтоженія изображается обычно лишь съ точки зрѣнія злоупотребленій имъ и его противорѣчія идеѣ человѣческаго достоинства. Конечно, трудно себѣ представить возможность идеализаціи этого явленія русской исторіи, которое,

какъ пишетъ одинъ изъ лучшихъ русскихъ юристовъ, „какъ бы въ насмѣшку надъ справедливостью называлось крѣпостнымъ правомъ“; конечно то „иго рабства“, которымъ, по выраженію А. С. Хомякова, была „клеймена“ Россія, нельзя представлять въ розовомъ свѣтѣ; но, если желательно воспитывать въ учащихся уваженіе къ человѣческому достоинству, не мирящеся съ рабовладѣніемъ, то нельзя и упускать изъ виду 1) того, что были помѣщики, не злоупотреблявшіе крѣпостнымъ правомъ (это важно и для того, чтобы отучать учащихся отъ огульности обвиненій и сужденій, такъ распространенной въ современномъ обществѣ), а 2) невозможности сохраненія крѣпостного права въ Россіи съ точки зрѣнія развитія ея государственнаго устройства и народнаго хозяйства. Многія явленія русской жизни времени императоровъ Николая I и Александра II до сихъ поръ разсматриваются въ широкихъ кругахъ общества и популярной литературѣ лишь съ точки зрѣнія тѣхъ поколѣній, которыя ихъ переживали. Но то, что было высказываемо тогда, подъ вліяніемъ чувства и личнаго переживанія, представителями этихъ поколѣній, сохраняя для насъ свою цѣну, въ наши дни должно быть разсматриваемо и съ точки зрѣнія строго-исторической. Поэтому я считаю необходимымъ при изученіи отмѣны крѣпостного права въ Россіи выясненіе невозможности дальнѣйшаго сохраненія его ею, какъ государствомъ.

Промахи и извѣстные пробѣлы знаній у преподающихъ встрѣчались мнѣ не разъ и на урокахъ русской, и на урокахъ всеобщей исторіи. Такъ, изъ устъ одного, вообще очень знающаго и научно образованнаго преподавателя я услышалъ на урокъ, что при Танненбергѣ Тевтонскій Орденъ потерпѣлъ пораженіе отъ поляковъ (въ дѣйствительности это пораженіе Ордену нанесли войска Польши и Литовско-Русскаго государства, съ рѣшительнымъ вліяніемъ на исходъ битвы Смоленскаго полка, т. е. одного изъ полковъ западно-русскихъ). Тотъ же преподаватель, говоря о политикѣ кардинала Ри-

шелье по отношенію къ гугенотамъ во Франціи, не счелъ нужнымъ хотя бы сколько-нибудь коснуться извѣстнаго l'édit de grâces, столь характернаго для уясненія этой политики. Другой преподаватель, также обладающій несомнѣнно серьезными знаніями, опредѣлялъ „верстаніе“ служилыхъ людей въ Московскомъ государствѣ какъ „полученіе“ ими „надѣла“ (на самомъ дѣлѣ „верстаніе“ обозначаетъ разборъ служилыхъ людей для опредѣленія ихъ боеспособности и только опредѣленіе размѣровъ помѣстнаго, а потомъ и денежнаго оклада для нихъ, дѣйствительное же полученіе земельного оклада или надѣла называлось „испомѣщеніемъ“). Гости Московскаго государства на одномъ изъ уроковъ были опредѣлены преподавателемъ какъ „высшій классъ купечества“, безъ указанія на то, что они были въ эту эпоху только въ рядахъ купечества города Москвы. На другомъ урокѣ „закупы“ были представлены группою населенія Московскаго государства, съ неправильнымъ перенесеніемъ ихъ въ него изъ Руси Кіевскаго періода. Но особенно много серьезныхъ промаховъ мнѣ пришлось наблюдать при изложеніи преподавателями исторіи Западной Россіи. Въ этой области гимназическаго курса исторіи я долженъ признать слышанное мною на урокахъ въ большинствѣ случаевъ неточнымъ, а очень часто, и прямо невѣрнымъ. Если эпоха до Люблинской Уніи 1569 года далеко не всегда излагается правильно, то изложеніе исторіи Великаго Княжества Литовскаго времени послѣ заключенія этой Уніи ведется въ корнѣ неправильно. Соединившіяся въ 1569 году Польша и Литовско-Русское государство сплошь и рядомъ именуются просто Польшею, что совершенно невѣрно, ибо, какъ выяснила уже и русская и польская историческая литература, Польское и Литовско-Русское государства послѣ Уніи были равноправными частями соединенной Речи Посполитой, съ сохраненіемъ каждымъ изъ нихъ своихъ особыхъ правъ. „Въ Польшѣ второй половины XVI столѣтія были два исповѣданія: католическое и православное“ — слышалъ я

на урокъ отъ одного изъ преподавателей, когда онъ излагалъ подготовку Церковной Уніи конца XVI вѣка. Въ этихъ словахъ не только уже отмѣченное мною отождествленіе Великаго Княжества Литовскаго съ Польшею, въ нихъ забвеніе исторіи реформаціоннаго движенія въ Польскомъ и Литовско-Русскомъ государствахъ, а также забвеніе въ нихъ наличности и нехристіанскихъ религіозныхъ ученій. Или еще примѣръ: „Брестская Унія не измѣнила догматовъ православія“. Какъ разъ наоборотъ: Брестская Церковная Унія, являясь возстановленіемъ Флорентійской Уніи, именно догматы православные замѣняла догматами католическими, мирясь лишь съ сохраненіемъ обрядовъ православной церкви.

Я отлично понимаю, какъ трудно для преподавателя исторіи быть равномерно освѣдомленнымъ во всѣхъ частяхъ своего курса: матеріаль, который подлежитъ его изученію, громаденъ. Поэтому я далекъ отъ намѣренія ставить въ вину преподавателямъ, на урокахъ которыхъ я былъ во время ревизіи, всѣ научные промахи, которые мнѣ пришлось отмѣтить. Моя задача — обратить ихъ вниманіе на нихъ, и эту задачу, сколько могъ и умѣлъ, я старался исполнить во время моихъ бесѣдъ съ ними послѣ слышанныхъ мною уроковъ. Но недостатокъ вниманія и интереса къ исторіи Западной и Южной Руси въ преподающихъ я считаю своимъ долгомъ особенно напомнить имъ и въ настоящемъ моемъ Отчетѣ, такъ какъ этотъ недостатокъ встрѣчался мнѣ постоянно.

Переходя къ моимъ наблюденіямъ надъ качествомъ русскаго языка, слышаннаго мною на урокахъ исторіи, я долженъ признать, что въ весьма большомъ числѣ случаевъ я отмѣтилъ невысокое его достоинство. При этомъ онъ далеко не всегда былъ хорошъ не только въ устахъ учащихся, но и въ устахъ преподающихъ, которые сверхъ того очень часто оставляли безъ исправленія ошибки въ языкѣ, сдѣланныя учениками. Приведу нѣсколько примѣровъ изъ моихъ замѣтокъ, сдѣланныхъ во время ревизіи: „Карль Великій умеръ по христіан-

скому обряду“; „во главѣ конституціи Франціи VIII года стоялъ первый консулъ“; „тысяцкій въ Новгородѣ владѣль тысячей, сотскій — сотнею“; „владыка и духовенство въ Новгородѣ умиряли вѣче“; „въ покоѣ“; „Суворовъ требовалъ, чтобы солдаты каждую субботу пошли въ баню купаться“ и т. п. Серьезные недостатки въ языкѣ учениковъ мнѣ приходилось отмѣчать и въ младшихъ, и въ старшихъ классахъ. Присутствуя на экзаменахъ выпускныхъ классовъ, я слышалъ фразы и выраженія: „горцы, жившіе въ Кавказѣ“; „Цезарю хотѣли дать императорское названіе“; „Цезарь отказался ему въ этомъ“; „сдѣлался единодержавцемъ“; „Фридрихъ Великій, хотя писалъ объ антимакіавелизмѣ, но въ сущности самъ держался того же“ и т. п. Кромѣ неправильныхъ оборотовъ и выраженій мнѣ много разъ приходилось отмѣчать и совершенно неправильныя ударенія, опять-таки какъ въ языкѣ учащихся, такъ и въ языкѣ преподающихъ: „на площади“, „обуздать“, „взяли“, „Ганновѣръ“, „Меттѣрнихъ“, „Клюни“ и т. п. Второе изъ сдѣланныхъ мною сейчасъ замѣчаній относится всецѣло къ внѣшней сторонѣ языка. Что касается перваго, то оно имѣетъ отношеніе не только къ внѣшности, но иногда указываетъ и на невыработанность ясности мышленія и на непривычку отдавать себѣ отчетъ въ точномъ значеніи словъ, а также на недостаточный навыкъ въ употребленіи тѣхъ или другихъ оборотовъ.

Едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, насколько важна забота о чистотѣ русскаго языка на урокахъ исторіи. Преподаватель русскаго языка, самыхъ выдающихся способностей, знаній и опыта, одинъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ дать учащимся хорошаго знанія языка, если къ той же цѣли не будутъ стремиться преподаватели и другихъ предметовъ. Онъ, при небольшомъ числѣ уроковъ своего предмета, долженъ кромѣ языка преподавать исторію литературы и теорію словесности. Но, еслибы онъ имѣлъ вдвое, втрое больше уроковъ, то все-таки безъ постояннаго содѣйствія преподавате-

лей другихъ предметовъ онъ не могъ бы достигать слишкомъ замѣтныхъ успѣховъ учениковъ въ практическомъ знаніи русскаго языка, особенно при томъ составѣ учащихся, которымъ обладаетъ школа Прибалтійскаго края. Дѣло въ томъ, что ученики среднихъ учебныхъ заведеній, въ большинствѣ случаевъ, чрезвычайно упорно смотрятъ на каждый предметъ преподаванія какъ на особую область, совершенно отдѣленную отъ области другихъ предметовъ. Отвѣчая по исторіи церкви, или по исторіи литературы, они обыкновенно не думаютъ о томъ, чтобы примѣнить въ отвѣтъ и свои знанія по исторіи; уча грамматику древнихъ языковъ, они вовсе не сопоставляютъ усваиваемое съ выученнымъ по грамматикѣ русскаго и новыхъ языковъ; стараясь слѣдить за правильностью своей рѣчи на урокахъ русскаго языка, они сплошь и рядомъ и не думаютъ объ этомъ на урокахъ другихъ предметовъ. Конечно, это крупный недостатокъ школы; но онъ существуетъ, и съ нимъ необходимо считаться. Русскій языкъ долженъ быть предметомъ особой заботы для всѣхъ рѣшительно преподавателей. Онъ — органъ передачи мыслей и знаній на урокахъ всѣхъ предметовъ, и отъ отсутствія заботы объ его чистотѣ и правильности страдаетъ преподаваніе всѣхъ предметовъ безъ исключенія, а стало быть и исторіи. Мнѣ представляется безусловно необходимымъ, чтобы на урокахъ всѣхъ предметовъ, а въ числѣ ихъ и исторіи, а также на письменныхъ работахъ, задаваемыхъ всѣми преподавателями, постоянно и неуклонно преслѣдовалась, какъ цѣль, выработка правильности и чистоты языка учащихся. Это не значитъ, чтобы я стоялъ за строгое пониженіе отмѣтокъ и репрессіи по отношенію къ ученикамъ, дѣлающимъ ошибки въ русскомъ языкѣ на урокахъ исторіи, географіи, математики, физики и т. д. Нѣтъ, я настаиваю только на постоянномъ исправленіи ошибокъ и неправильностей рѣчи учащихся и на заботѣ о правильности своего языка у самихъ преподающихъ — *gutta cavat lapidem non vi, sed saepe cadendo!*

Но у меня есть еще три замѣчанія по поводу качества языка, слышаннаго мною на урокахъ исторіи. Первое изъ нихъ касается недостатка точности и ясности языка, который я много разъ отмѣчалъ при посѣщеніи уроковъ. Мнѣ представляется необходимымъ, чтобы языкъ преподавателя и вырабатываемый имъ языкъ его учениковъ обладали полною ясностью и точностью. Только тогда ученики приучатся и привыкнутъ сознавать необходимость привлекать для выраженія своихъ мыслей именно тѣ слова, которыя ихъ лучше всего выражаютъ, только тогда они будутъ отвѣчать отъ неряшливости рѣчи, къ сожалѣнію такъ распространенной; а не слѣдуетъ забывать, что неряшливость рѣчи сплошь и рядомъ вызывается неряшливостью самаго мышленія, или въ свою очередь ей способствуетъ. Примѣры неточныхъ выраженій мною приведены уже выше. Въ числѣ ихъ я привелъ нѣкоторые, въ которыхъ неточность переходитъ въ неправильность. Вотъ еще нѣсколько примѣровъ. На нѣкоторыхъ урокахъ русской исторіи преподающіе, говоря о переходахъ крестьянъ на рубежѣ XVI и XVII столѣтій, употребляли слово „помѣщикъ“ въ современномъ его значеніи, а не въ томъ значеніи, какое имѣло это слово тогда, несмотря на то, что ученикамъ было хорошо извѣстно различіе помѣстья и вотчины. Иногда мнѣ приходилось слышать опредѣленіе дѣлъ уголовныхъ и дѣлъ гражданскихъ такимъ образомъ: дѣла уголовныя — это дѣла болѣе крупныя, дѣла же гражданскія — болѣе мелкія. Евангельскій текстъ „да будетъ едино стадо и единъ пастырь“ (въ рассказѣ о взятіи Казани Иваномъ IV) на одномъ урокѣ былъ названъ молитвою, а войско Ивана Грознаго — солдатами. Не разъ мнѣ пришлось слышать опредѣленіе власти исполнительной какъ власти, исполняющей законы, или употребленіе слова „реакція“ въ ходячемъ, а не въ научномъ значеніи этого слова и т. п. Но особенно часто встрѣтилось мнѣ неправильное употребленіе слова „конституція“, а именно въ томъ его значеніи, которое установилось въ широкихъ кругахъ

русскаго общества съ эпохи толковъ о преобразованіи государственнаго строя Россіи въ царствованіе императора Александра II, т. е. въ значеніи ограниченной монархіи.

Иногда отсутствіе точности языка на урокахъ пріобрѣтало характеръ курьезности. Вотъ примѣръ. Учащійся отвѣчаетъ о папѣ Григоріи VII и говоритъ, что папа жилъ въ Каноссѣ, „замкѣ Матильды“. Преподающій спрашиваетъ дальше: „кто просилъ за него (т. е. за императора Генриха IV) папу?“ Отвѣтъ: „Матильда“. Преподающій подтверждаетъ: „да, Матильда“. О томъ, кто такая была эта Матильда, такъ и не сказали ни учащійся, ни преподающій, упуская изъ виду, что лучше забыть имя второстепеннаго и третьестепеннаго историческаго дѣятеля, но помнить его положеніе, чѣмъ наоборотъ. Такъ и осталось невыясненнымъ, кто была эта Матильда, и преданную Григорію VII Тосканскую маркграфиню предоставлялось считать молочницей, цвѣточницей, стряпухой и чѣмъ угодно.

Если точность языка должна вообще и постоянно наблюдаться въ преподаваніи, то еще обязательнѣе она при постановкѣ вопросовъ преподающими. Неточно и неясно поставленный вопросъ не только пріучаетъ къ неряшливости и неправильности выраженій, но прямо вызываетъ и невѣрный отвѣтъ, притомъ не по винѣ ученика, который не можетъ уяснить себѣ, чего отъ него желаетъ спрашивающій. Въ первомъ классѣ одного изъ учебныхъ заведеній мнѣ, напримѣръ, пришлось слышать слѣдующее. Преподающій спрашиваетъ маленькаго мальчугана о гербѣ Москвы времени послѣ Ивана III. Мальчуганъ отвѣчаетъ, что этимъ гербомъ сталъ двуглавый орелъ. Преподаватель хочетъ помочь ему вспомнить, что на груди этого орла помѣстился и старый Московскій гербъ (Георгій Побѣдоносецъ), и спрашиваетъ: „одинъ орелъ?“ Ученикъ совершенно машинально отвѣчаетъ какъ разъ то, что я ожидалъ отъ него услышать послѣ этого вопроса: „нѣтъ, два.“ Спроси преподаватель иначе (напримѣръ: „только орелъ?“), и уче-

никъ, знающій несомнѣнно гербъ Россіи, не сказалъ бы этой глупости. Въ другомъ учебномъ заведеніи мнѣ пришлось слышать вопросъ „что такое Англія?“, и отвѣтомъ на этотъ вопросъ должно было быть опредѣленіе государственнаго строя Англіи. Подобныхъ погрѣшностей при постановкѣ вопросовъ мнѣ встрѣтилось немало во время производства ревизіи.

Языкъ преподавателя въ классѣ долженъ быть точнымъ, яснымъ и, такъ сказать, отчеканеннымъ. Не только каждое слово его должно быть вполнѣ на мѣстѣ, но въ его рассказѣ, вопросахъ и поясненіяхъ лишніе слова быть не должно. Эти лишнія слова появляются въ рѣчи преподавателя иногда въ силу ложнаго взгляда, что многословныя поясненія, будто бы, помогаютъ ученикамъ лучше понять непонятое ими. Наоборотъ, многословность только затемняетъ и затрудняетъ учениковъ, притомъ даже въ школѣ съ чисто русскимъ составомъ учащихся и, конечно, еще болѣе въ школѣ Прибалтійскаго края, съ ея громаднымъ процентомъ учениковъ инородческаго происхожденія, которые владѣютъ далеко не обильнымъ запасомъ русскихъ словъ и для которыхъ часто совершенно не подь силу, особенно въ младшихъ классахъ, понимать многословныя поясненія преподавателя. Но рядъ лишніе словъ вводится въ свою рѣчь значительнымъ числомъ преподающихъ и въ силу того, что они просто не слѣдятъ за своею рѣчью, или усвоили привычку прибавлять ненужныя слова, привычку, которая вообще такъ часто встрѣчается. Нѣкоторые изъ преподающихъ постоянно вставляютъ слова „ну“, „ну вотъ“, „вотъ“, „ну хорошо“ и имъ подобныя и въ своемъ рассказѣ, и въ своихъ вопросахъ; при отвѣтахъ же учащихся вставляютъ слова „хорошо“, „ну хорошо“, „такъ“ и т. п., или также постоянно прибавляютъ слова „скажи“, „скажите“, или „скажи пожалуйста“, „скажите пожалуйста“ — къ каждому отдѣльному своему вопросу. Въ результатъ получается и утомительная монотонность, и совершенно нелитера-

турная форма рѣчи, которая невольно передается въ большей или меньшей степени и учащимся. Долженъ отмѣтить и часто встрѣченную мною неправильную вставку личнаго мѣстоименія третьяго лица, какъ повтореніе подлежащаго (напримѣръ: „Цезарь, онъ отправился въ Галлію“), несвойственную хорошему русскому литературному языку. Вообще языкъ преподавателя въ классѣ долженъ быть не только яснымъ и точнымъ, но и вполне литературнымъ, такъ, чтобы то, что имъ говорится передъ учащимися, онъ не смутился бы увидѣть написаннымъ и даже напечатаннымъ. Если даръ слова не является удѣломъ каждаго, то простая литературность и правильность рѣчи, думается, могутъ быть выработаны каждымъ образованнымъ человѣкомъ при желаніи и при постоянномъ надъ собою наблюденіи.

Но кромѣ точности, ясности и литературности языкъ преподавателя исторіи, на мой взглядъ, долженъ обладать благородствомъ и извѣстною, такъ сказать, важностью, соотвѣтствующими изложенію историческихъ судебъ родины и челоувѣчества. Я не могу поэтому признать умѣстными нѣкоторыя выраженія, слышанныя мною на нѣкоторыхъ урокахъ, вродѣ слѣдующаго: „Гракхи видѣли, какъ рабы гадятъ земли“. При этомъ слово „гадятъ“ преподающій произносилъ съ особеннымъ удареніемъ, требуя затѣмъ, чтобы и ученики повторяли его въ своихъ отвѣтахъ. Требованіе благородства языка (а оно значительно способствуетъ и воспитанію благородства мысли) не примирится и со слышанною мною на томъ же урокѣ въ числѣ другихъ такую фразу, или, лучше сказать, не съ самою фразою, а съ выраженіемъ, съ которымъ она произносилась: „откупщики собирали деньги въ казну, но при этомъ не забывали и себя“. Эти слова преподавателя были повторены ученикомъ, который, произнося ихъ, достаточно цинично смѣялся, при чемъ смѣялся и самъ преподаватель. Конечно, всякій изъ насъ знаетъ, что недобросовѣстность была къ несчастію слишкомъ частымъ явленіемъ въ

человѣческихъ обществахъ, и ее нельзя скрывать отъ учащихся, но едва ли возможно согласиться съ манерою говорить о ней, примѣненною въ данномъ случаѣ. Съ точки зрѣнія благородства и извѣстной важности языка не могу признать удобными выраженія вродѣ „лупить“, или слова преподавателя, обращенныя къ отвѣчавшему урокъ ученику: „еще одного человѣка пропустилъ“ (этими словами преподаватель хотѣлъ побудить ученика назвать должность стараго Великаго Новагорода, опущенную имъ въ рассказѣ). Къ сожалѣнію погрѣшности языка въ этомъ направленіи мнѣ встрѣтились довольно много разъ.

Отъ замѣчаній объ языкѣ, слышанномъ мною на урокахъ исторіи, перехожу къ веденію самаго урока преподающими.

Нормальный урокъ распадается на двѣ основныя части: 1) провѣрку усвоенія учащимися выученнаго къ данному дню урока и 2) заданіе урока къ слѣдующему дню. Я остановлюсь сначала на первой изъ этихъ частей. Достиженіе цѣли ея осложняется для преподавателя необходимостью провѣрять не только то, насколько классъ усвоилъ заданный ему урокъ, но и то, насколько тщательно и старательно отнеслись ученики къ своей задачѣ, и преподаватель долженъ слѣдить какъ за тѣмъ, насколько классъ смогъ усвоить заданное, такъ и за тѣмъ, насколько отдѣльные ученики хотѣли это сдѣлать. Иными словами, передъ преподавателемъ стоитъ задача не только провѣрять работу класса и помогать ему въ непонятномъ и неувоенномъ, а также при разработкѣ заданнаго урока съ классомъ продѣлывать извѣстную работу для расширенія знаній и развитія способностей учениковъ, но и принимать извѣстныя мѣры для побужденія лѣнивыхъ или не желающихъ учиться. Если прибавить къ этому различіе способностей учениковъ, а также необходимость своевременнаго выставленія послѣднимъ отмѣтокъ, то нельзя не признать очень большихъ трудностей для опредѣленія преподавателемъ при спрашиваніи заданнаго урока той средней линіи, которая

могла бы ему дать возможность достигать всѣхъ передъ нимъ стоящихъ цѣлей. Вотъ почему я не могу предъявлять одинаковыхъ требованій къ этой части класснаго урока по отношенію ко всѣмъ преподавателямъ и къ ихъ преподаванію во всѣхъ классахъ, въ которыхъ они его ведутъ: различіе условій преподаванія должно вызывать и различіе веденія провѣрки заданнаго ученикамъ урока. Я считаю своимъ долгомъ лишь отмѣтить отдѣльныя черты въ этой части урока. Однѣ изъ нихъ безусловно заслуживаютъ полнаго признанія и распространенія; что касается другихъ, то, отмѣчая ихъ, я имѣю въ виду обратить вниманіе г. г. преподающихъ на желательность ихъ устраненія при классной работѣ.

Я начну свои замѣчанія съ внѣшняго. Для отвѣта заданнаго урока одни преподающіе вызываютъ ученика или ученицу къ картѣ, другіе же спрашиваютъ ихъ съ мѣста. Думаю, что нужно рѣшительно предпочесть при спрашиваніи урока вызовъ къ картѣ спрашиванію съ мѣста. Въ самомъ дѣлѣ, отвѣчая у карты, учащійся избѣгаетъ искушенія заглянуть въ учебникъ или учебное пособіе, которые намѣренно или ненамѣренно могутъ быть раскрыты имъ или его товарищами; послѣдніе не съ такимъ удобствомъ могутъ исполнять свой столь утвердившійся въ школѣ своеобразный товарищескій долгъ подсказыванія; наконецъ, стоя одинъ у карты, учащійся пріучается правильно держаться съ внѣшней стороны, особенно если преподаватель слѣдитъ за этимъ. Необходимо кромѣ того имѣть въ виду и то, что отвѣчающаго съ мѣста ученика все равно придется вызвать къ картѣ, такъ какъ онъ долженъ будетъ показать на ней тѣ города, рѣки и страны, о которыхъ упомянулъ въ своемъ отвѣтѣ, а, заставляя отвѣчающаго ученика идти къ картѣ и снова возвращаться на мѣсто, преподаватель напрасно его развлекаетъ, да и до известной степени нарушаетъ стройный порядокъ, который долженъ соблюдаться во время урока. Совсѣмъ другое дѣло опросы учениковъ въ помощь вызванному къ картѣ или при

вопросахъ къ цѣлому классу и при разработкѣ съ нимъ всеѣмъ тѣхъ или другихъ частей даннаго урока — тутъ, конечно, только и возможно спрашиваніе съ мѣста. Но въ такихъ случаяхъ учебники и пособія обязательно должны быть у учащихся закрыты: не надо вводить учениковъ въ искушеніе заглянуть въ нихъ и тѣмъ обмануть преподавателя, ожидающаго отъ нихъ въ отвѣтахъ ихъ знаній и соображеній, а не тутъ же сдѣланныхъ справокъ съ учебными пособіями. Вообще, думается, въ то время, когда спрашиваетъ учениковъ преподаватель, все учебники и пособія на ученическихъ партахъ должны быть закрыты.

Переходя къ продолжительности спрашиванія отдѣльныхъ учениковъ преподающими, я долженъ отмѣтить, что во время производства ревизіи мнѣ сплошь и рядомъ приходилось встрѣчать несоблюденіе мѣры въ этомъ отношеніи. Думаю, что едва ли цѣлесообразно увеличивать время спрашиванія отдѣльныхъ учениковъ сверхъ 4—5 минутъ въ младшихъ классахъ и 8—10 минутъ въ старшихъ. Въ противномъ случаѣ преподаватель, съ одной стороны, вызывая утомленіе отвѣчающаго ученика, понижаетъ педагогическое значеніе его отвѣта, а съ другой — самъ у себя отнимаетъ столь дорогое въ классномъ преподаваніи время, которое можетъ быть использовано болѣе продуктивно, въ интересахъ цѣлаго класса, часто притомъ и недостаточно внимательно слѣдящаго за отвѣтомъ отдѣльнаго ученика. Основною причиною, вызывающею чрезмѣрную длительность спрашиванія преподающими отдѣльныхъ учениковъ, я считаю экзаменаціонный характеръ, который въ громадномъ большинствѣ случаевъ придается ими спрашиванію учащихся. Преподаватель обычно стремится не къ тому, чтобы, спрашивая урокъ, уяснить его отвѣчающему ученику и классу и заставить ихъ продѣлать соотвѣтствующую умственную работу надъ усвоеннымъ матеріаломъ, а къ тому, чтобы получить нужныя ему данныя для оцѣнки ученика отмѣткою. Отсюда экзаменаціон-

ный характеръ вопросовъ изъ пройденнаго, предлагаемыхъ ученикамъ при отвѣтахъ по заданному уроку. Между тѣмъ, по моему глубокому убѣжденію, не экзамень, а катехизація при спрашиваніи заданнаго урока требуется для наибольшей успѣшности преподаванія. Если вопросы изъ пройденнаго ставятся преподавателемъ въ связи съ матеріаломъ заданнаго урока, старательный ученикъ самъ можетъ ихъ предвидѣть и, приготавливая урокъ, подумаетъ объ отвѣтахъ на нихъ. Этимъ онъ, во-первыхъ, дополняетъ свое приготовленіе къ уроку по учебнику самостоятельною работою мысли по проведенію связей только что выученнаго съ пройденнымъ раньше, а во-вторыхъ, приобрѣтаетъ то чувство увѣренности въ своихъ знаніяхъ и то нравственное удовлетвореніе, которыхъ такъ обычно не достаетъ учащимся. Всего пройденнаго всегда помнить невозможно; а какъ между тѣмъ страдаетъ хорошій и самолюбивый ученикъ, не отвѣтивъ случайно на вопросъ, предложенный ему изъ пройденнаго преподавателемъ! Да и самому преподавателю бываетъ нелегко въ такихъ случаяхъ, ибо онъ увѣренъ въ этомъ ученикѣ, а его случайное незначіе заставляетъ понизить ему отмѣтку во избѣжаніе упрека въ пристрастіи къ нему, который можетъ почувствоваться въ классѣ. Я утверждаю, что матеріаль рѣшительно каждаго урока даетъ возможность постановки длиннаго ряда вопросовъ, находящихся въ связи съ нимъ, и это связанное повтореніе пройденнаго будетъ гораздо продуктивнѣе и для отдѣльных учениковъ, и для цѣлаго класса, чѣмъ повтореніе его по случайнымъ вопросамъ.

Но иногда мнѣ пришлось отмѣчать спрашиваніе преподавателемъ курса предшествующихъ классовъ, въ большихъ подробностяхъ и со строгимъ пониженіемъ отмѣтокъ за ошибки въ немъ. Само собою разумѣется, что я могу только привѣтствовать заботу преподающихъ о томъ, чтобы ихъ ученики не забывали усвоеннаго въ предшествующіе годы; но я не могу согласиться съ одинаковымъ принятіемъ во вниманіе

при оцѣнкѣ баллами заданнаго къ данному уроку, пройденнаго недавно и пройденнаго годъ и болѣе того назадъ. Стрательные и самолюбивые ученики сами повторяютъ старое передъ каждымъ урокомъ. Въ какихъ же размѣрахъ они должны дѣлать это повтореніе, чтобы чувствовать себя совершенно готовыми къ уроку преподавателя, требующаго при отвѣтахъ цѣликомъ все пройденное въ предшествующій годъ обученія! Почему при вопросахъ о пройденномъ очень давно не замѣняютъ отмѣтку простою похвалою помнящему и нѣкоторымъ порицаніемъ забывшему, пользуясь притомъ случаемъ, чтобы изъ стараго дать нѣсколько вопросовъ всему классу или ряду учениковъ. Это и оживить весь классъ, и заставить его весь подумать о пройденномъ давно, и освѣжить его въ его памяти.

Нежелательнымъ мнѣ представляется и неспрашиваніе преподавателемъ заданнаго урока. Иногда мнѣ приходилось во время ревизіи встрѣчать случаи, когда были не спрошены уроки, заданные уже недѣлю и болѣе того назадъ. Въ такихъ случаяхъ выученное классомъ къ данному дню остается не провѣреннымъ и не разобраннымъ преподавателемъ. Это, съ одной стороны, увеличиваетъ матеріалъ, который подлежитъ разбору въ классѣ, а съ другой нарушаетъ правильную классную работу. Не убѣдившись въ томъ, что классъ достаточно усвоилъ предыдущее, преподаватель не можетъ идти въ своемъ курсѣ дальше, съ увѣренностью въ продуктивности своей работы. Кромѣ того, не спрашивая аккуратно заданныхъ уроковъ, преподаватель лишаетъ себя возможности продѣлать съ классомъ надъ ихъ матеріаломъ ту классную разработку его, которая для развитія учениковъ имѣетъ не меньшее, а быть можетъ, даже большее значеніе, чѣмъ заучиваніе фактовъ и данныхъ, излагаемыхъ въ учебникѣ. Перевѣсъ экзаменаціоннаго характера преподаванія надъ чисто педагогическимъ несомнѣнно обнаруживается и въ неспрашиваніи заданнаго къ извѣстному дню, какъ и въ

системѣ вопросовъ изъ пройденнаго раньше, отмѣченной мною выше.

Самое спрашиваніе урока часть преподавателей ведетъ отдѣльными вопросами, предлагаемыми вызванному ученику съ самаго начала его отвѣта. Это лишаетъ учениковъ упражненія въ разсказѣ и нежелательно не только потому, что выработка умѣнья излагать выученное является одною изъ задачъ преподаванія вообще, но и потому, что при разсказѣ ученикъ вспоминаетъ самъ послѣдовательность и связь выученнаго имъ къ уроку, т. е. продѣлываетъ весьма цѣнную умственную работу. Мнѣ думается, что отвѣтъ ученикомъ урока долженъ обязательно начинаться связнымъ разсказомъ, будетъ ли это отвѣтъ ученика, вызваннаго въ данный урокъ первымъ, или вторымъ, третьимъ и т. д.: весь классъ долженъ внимательно слѣдить за этими отвѣтами, и каждый вызванный ученикъ обязанъ знать, гдѣ остановился въ своемъ разсказѣ отвѣчавшій товарищъ и съ чего нужно начинать ему, если его вызоветъ преподаватель для продолженія этого разсказа. Время для вопросовъ преподавателя наступаетъ тогда, когда онъ прервалъ разсказъ ученика и переходитъ къ его разработкѣ, или когда ученикъ дѣлаетъ крупныя ошибки, требующія немедленнаго исправленія вопросами, поставленными классу. Ошибки же мелкія лучше оставлять неисправленными до окончанія разсказа вызваннаго ученика, чтобы не отвлекать его отъ разсказа, и, уже послѣ окончанія послѣдняго, вопросами ему, а если онъ не можетъ ихъ исправить самъ, то классу, выправить второстепенныя неточности и ошибки, имъ допущенныя.

При спрашиваніи заданнаго урока необходимо бороться со склонностью многихъ учащихся къ простому заучиванію учебника вмѣсто болѣе или менѣе самостоятельной работы надъ нимъ. Этотъ недостатокъ, достаточно распространенный вообще, въ школѣ Прибалтійскаго края имѣетъ и мѣстную причину: недостаточно полное знаніе русскаго языка

очень большим числом учащихся, которые, не владея большим запасом русских словъ и оборотовъ, заучиваютъ текстъ учебника, только этимъ путемъ надѣясь получить возможность правильно пересказать при отвѣтѣ и его содержаніе. Борьба съ заучиваніемъ учебника требуетъ большого постоянства, но и большой осторожности отъ преподавателя, который не можетъ мириться съ этимъ отрицательнымъ явленіемъ и не можетъ въ то же время закрывать глаза на трудность для не вполне владеющихъ русскимъ языкомъ учащихся иначе готовить уроки. Средствами, которыми располагаетъ преподаватель въ этой борьбѣ, мнѣ представляется слѣдующее: 1) предложеніе отвѣтившему заученный учебникъ ученику пересказать его своими словами, 2) дополненіе учебника при задаваніи урока своимъ рассказомъ, строго приноровленнымъ къ учебнику въ младшихъ классахъ, и 3) повтореніе этого рассказа при задаваніи урока возможно большимъ числомъ учениковъ. Но тутъ я уже вторгаюсь во вторую часть нормальнаго урока, о которой мнѣ придется говорить особо ниже.

Возвращаясь къ вопросамъ, которые предлагаютъ преподающіе во время отвѣтовъ заданныхъ уроковъ учащимися, я долженъ отмѣтить, что мнѣ сплошь и рядомъ приходилось не соглашаться со спѣшностью облеченія наводящаго вопроса въ опредѣленную форму, уже подготовляющую содержаніе отвѣта, вмѣсто простого обращенія: „подумайте“ или „такъ ли?“ Это въ однихъ случаяхъ понижаетъ цѣнность отвѣта ученика, не нуждающагося часто въ напоминаніи хорошо выученнаго, а требующаго лишь простого обращенія его вниманія на допущенную обмолвку, а въ другихъ случаяхъ напрасно сокращаетъ ту умственную работу, которую онъ продѣлываетъ, стараясь исправить свою ошибку.

При разработкѣ преподающими отвѣтовъ учениковъ по заданному уроку я имѣлъ удовольствіе встрѣтиться съ весьма удачными приемами проведенія параллелей между русской и

всеобщей исторіей, а также между аналогичными моментами, эпохами и личностями, съ которыми ознакомились учащіеся въ учебномъ курсѣ. Несомнѣнно группировка историческаго матеріала по сходству содержанія и по времени является прекраснымъ упражненіемъ для учащихся. Въ младшихъ классахъ я видѣлъ и отлично выполняемую учениками группировку усвоеннаго историческаго матеріала по мѣсту, по географической или исторической картѣ, когда преподаватель, заставляя ученика показывать на картѣ извѣстныя ему города, рѣки, озера и моря, предлагаетъ ему вспомнить, когда и при какихъ обстоятельствахъ онъ встрѣчался въ курсѣ исторіи съ ними. Но я почти не встрѣтился во время моей ревизіи съ классною разработкою причинъ и слѣдствій историческихъ событій и явленій, а также съ вопросами, имѣющими цѣлью приучать учениковъ отличать болѣе крупное и болѣе существенное отъ второстепеннаго, съ указаніемъ основаній для этого отличенія. Причины и слѣдствія обыкновенно излагаются преподающими въ готовомъ для ихъ усвоенія учащимися видѣ, въ разсказѣ преподавателя при задаваніи урока. Конечно, въ нѣкоторыхъ немногихъ случаяхъ этотъ приемъ можетъ быть признанъ почти необходимымъ, а именно когда пройденное раньше не даетъ классу достаточнаго матеріала для сколько-нибудь полной разработки вопросовъ подъ руководствомъ и съ дополненіями преподавателя. Но такихъ случаевъ наберется немного, а во всѣхъ остальныхъ нужно рѣшительно предпочесть разработку причинъ и слѣдствій самими учениками, направляемыми наводящими вопросами преподавателя, когда работаетъ ихъ собственная мысль, простому запоминанію того, что имъ преподаватель расскажетъ. Таковую разработку можно дѣлать, прерывая объясненіе задаваемаго урока, а можно производить и во время отвѣтовъ учениковъ по заданному уроку, когда преподаватель съ намѣреніемъ оставляетъ не разъясненными причины и слѣдствія для того, чтобы уча-

щіеся сами о нихъ подумали, а затѣмъ разработали цѣлымъ классомъ подѣ его руководствомъ. Что касается выработки въ учащихся умѣнья выдѣлять существенное въ извѣстномъ имъ матеріалѣ, то оно съ наибольшимъ удобствомъ развивается на устно или письменно составляемыхъ конспективныхъ отвѣтахъ на вопросъ „главныя событія“ той или другой эпохи — напримѣръ, „главныя событія исторіи реформаціи въ Германіи“, или „главныя событія отечественной войны 1812 года“ и т. п. При составленіи отвѣтовъ на такіе вопросы учащіеся не только притомъ приучаются выдѣлять существенное, но и приобрѣтаютъ удобство для сохраненія въ своей памяти пройденнаго курса въ его основныхъ чертахъ и фактахъ.

Наблюдать во время ревизіи отвѣты учениковъ мнѣ приходилось и устные, и письменные. Письменные работы на урокахъ исторіи, безъ сомнѣнія, должны быть признаны очень желательными, будутъ ли это конспекты, или простыя изложенія выученнаго или повтореннаго. Надо думать, что эти работы предлагаются хотя изрѣдка и хотя частью преподающихъ¹⁾. Во время моей ревизіи, однако, мнѣ не пришлось съ ними такъ или иначе встрѣтиться. Но, не встрѣтившись съ письменными классными работами, выполняемыми на урокахъ исторіи цѣлыми классами, я имѣлъ случай не разъ наблюдать письменные отвѣты отдѣльныхъ учениковъ и ученицъ. Въ однихъ случаяхъ ученикъ или ученица писали во время урока исторіи отвѣтъ на заданный имъ вопросъ на доскѣ, въ другихъ нѣсколько учениковъ исполняли письменную работу на листахъ бумаги. Отвѣты перваго рода занимали лишь часть урока; они совпадали со временемъ спрашиванія преподающимъ заданнаго къ настоящему дню и прекращались къ началу объясненія задаваемаго къ слѣдующему уроку. Что касается отвѣтовъ втораго рода, то они

1) Ихъ рекомендуетъ и Объяснительная Записка къ программѣ учебнаго курса исторіи.

исполнялись учащимися въ теченіе цѣлаго урока. Противъ практикованія послѣднихъ отвѣтовъ я рѣшительно бы вооружился. Дѣло въ томъ, что они 1) лишаютъ исполняющихъ ихъ учениковъ возможности слѣдить не только за отвѣтами товарищей и за разработкою ихъ преподавателемъ, но и за объясненіемъ послѣднимъ новаго урока, а 2) пріучаютъ учащихся смотрѣть на классное преподаваніе учителя безъ должнаго уваженія и безъ признанія важности внимательнаго къ нему отношенія — разъ самъ преподаватель считаетъ возможнымъ заставлятъ часть класса не слушать разъясненій, вопросовъ и разсказа учителя, этимъ онъ самъ уничтожаетъ во всемъ классѣ признаніе важности ихъ. Классъ во время урока — единое цѣлое, хотя онъ часто и состоитъ изъ столь различныхъ по способностямъ и учебной подготовкѣ учениковъ. Я знаю, что нѣкоторые педагоги готовы считать это положеніе фикціей, но для успѣха дѣла они должны эту фикцію бережно охранять. Поэтому, рѣшительно высказываясь противъ задаванія части класса письменныхъ работъ во время уроковъ, я допускаю письменные отвѣты учащихся лишь до начала объясненія преподавателемъ новаго урока, притомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда разработка имъ урока, заданнаго къ настоящему дню, не даетъ классу особенно существеннаго. Съ такими ограниченіями я готовъ признать даже желательными письменные отвѣты отдѣльныхъ учениковъ и ученицъ во время урока. Но безусловно желательными я считаю лишь письменныя работы цѣлаго класса.

Всякая письменная работа учащихся должна быть исправлена преподавателемъ съ полнымъ вниманіемъ и тщательностью, притомъ не только съ точки зрѣнія ея правильности по содержанію, но и съ точки зрѣнія правильности ея языка и простой грамотности. Въ противномъ случаѣ она приноситъ прямой вредъ учащимся, особенно при несовершенномъ знаніи русскаго языка учащимися въ школѣ Прибалтійскаго края и при отмѣченной уже мною выше склонности учени-

ковъ и ученицъ средней школы выдѣлять русскій языкъ въ предметъ, стоящій особнякомъ отъ другихъ учебныхъ предметовъ. Въ дѣйствительности, однако, письменныя работы по исторіи, сколько я замѣтилъ, исправляются безъ достаточнаго вниманія къ ихъ языку и правописанію. Я просматривалъ и работы группъ учениковъ, исполненныя на листахъ бумаги, и письменные отвѣты на доскѣ. Промахи въ языкѣ и правописаніи сплошь и рядомъ оставались въ нихъ неисправленными просмотрѣвшимъ ихъ преподавателемъ. Иногда эти недосмотры достигали крайнихъ предѣловъ, которые я объясняю только извѣстнымъ смущеніемъ и волненіемъ преподающаго, благодаря присутствію на урокѣ совершенно незнакомаго ему ревизора, каковымъ я для него являлся. Въ одномъ изъ младшихъ классовъ одного изъ учебныхъ заведеній послѣ просмотра написаннаго на доскѣ преподающимъ оказались неисправленными такія ошибки: „Іоанъ Іоановичъ“, „Барисъ Годуновъ“, „Даниль Александровичъ“, „Лжедимитій“. Я долженъ былъ уже послѣ окончанія всего урока самъ обратиться къ цѣлому классу и предложить ему исправить написанное однимъ изъ учащихся, такъ какъ считалъ невозможнымъ, уже для себя, покинуть классъ, оставивъ эти ошибки передъ его глазами.

Но съ другой стороны я не могу не вспомнить съ чувствомъ большого удовлетворенія видѣнное мною отношеніе другого преподавателя къ приготовляемымъ его учениками дома конспектамъ. Онъ съ большимъ вниманіемъ просматривалъ тетрадки учениковъ послѣ ихъ устнаго отвѣта, дружески журия за ошибки и поощряя за тщательность и хорошее выполнение. Просмотръ тетрадокъ, въ которыя вносятся учениками конспекты, списки государей и хронологія, я считаю въ высшей степени желательнымъ, какъ считаю такъ же желательнымъ и вообще веденіе такихъ тетрадей учениками.

Мнѣ остается сказать еще о пользованіи преподавателями картою и картинами при спрашиваніи учениковъ. Карта

почти всегда была предметомъ серьезнаго вниманія преподавателей, и я долженъ признать, что учащіеся обыкновенно вполне хорошо ее знаютъ. Очевидно, что пользованіе картой на урокахъ исторіи стало совершенно обычнымъ явленіемъ, и это нужно горячо привѣтствовать. Жаль только, что не всегда мнѣ приходилось наблюдать правильную манеру показыванія на ней: съ одной стороны, какъ учащіеся, такъ и преподающіе иногда показываютъ на картѣ, становясь къ классу спиною и закрывая послѣднею отъ него карту, такъ что видятъ показываемое лишь самъ показывающій; съ другой стороны — рѣдки сплошь и рядомъ показываются учащимися не отъ истока къ устью, а наоборотъ.

Таковы замѣчанія, которыя я считаю возможнымъ и нужнымъ изложить на настоящихъ страницахъ по поводу первой части нормальнаго урока, т. е. спрашиванія преподавателемъ заданнаго ученикамъ для приготовленія. Эти замѣчанія я позволю себѣ закончить пожеланіемъ, чтобы г. г. преподающіе обратили свое вниманіе не только на тѣ изъ нихъ, которыя касаются отдѣльныхъ сторонъ въ веденіи этой части урока, но и на тѣ, въ которыхъ выражается то, что на мой взглядъ является кореннымъ и весьма распространеннымъ и утвердившимся общимъ его недостаткомъ, а именно на преобладаніе экзаменаціоннаго начала надъ чисто педагогическимъ.

Перехожу къ моимъ наблюденіямъ надъ второю частью нормальнаго урока, т. е. надъ задаваніемъ къ слѣдующему дню. Большинство преподающихъ, задавая урокъ классу, рассказываетъ его, излагая учащимся то, что подлежитъ ихъ усвоенію, или вводя ихъ въ изложенное въ учебникѣ. Въ младшихъ классахъ рассказъ преподавателя сплошь и рядомъ замѣняется чтеніемъ учебника съ разьясненіемъ, а иногда и дополненіемъ его преподавателемъ. Наконецъ, нѣкоторые преподаватели, почти исключительно въ старшихъ классахъ, вовсе не рассказываютъ и не читаютъ задаваемаго

къ слѣдующему разу урока, а предоставляютъ его ученикамъ просто выучить по учебнику.

Разсказъ задаваемого классу урока или стоитъ въ тѣсной связи съ текстомъ учебника, или мало и даже совсѣмъ съ нимъ не считается. Конечно, построение разсказа первымъ способомъ нужно предпочесть построению его способомъ вторымъ. Но иногда преподавателю бываетъ крайне трудно и даже невозможно строить свой разсказъ, кладя въ основу его данныя страницы учебной книги. Учебникъ преподавателю долженъ быть, конечно, извѣстенъ хорошо. Этотъ учебникъ онъ долженъ или очень хорошо помнить, или просматривать передъ урокомъ. Но учебниковъ, которые бы во всѣхъ своихъ частяхъ удовлетворяли всѣхъ преподавателей, нѣтъ, да едва ли они и возможны: индивидуальныя качества преподавателя и наличный объемъ его научныхъ познаній, а также особенности состава того или другого класса не позволяютъ преподавателямъ всѣмъ и всегда быть вполне удовлетворенными цѣлымъ учебникомъ или его отдѣльными частями. Отсюда для значительнаго числа преподавателей неизбежна борьба съ учебникомъ, который цѣпко держитъ въ своихъ не всегда умѣлыхъ рукахъ учащихся и который часто становится серьезнымъ препятствіемъ на пути для осуществленія замысловъ преподающаго, а иногда и совершенно ихъ парализуетъ. Такимъ образомъ иногда преподавателю бываетъ совершенно невозможно держаться учебника въ своемъ разсказѣ и приходится строить послѣдній независимо отъ него, въ его замѣну. Но въ такомъ случаѣ встаетъ вопросъ, притомъ вопросъ чрезвычайно серьезный, о томъ, насколько классъ можетъ разсказъ усвоить. Въ виду всего этого, считая наилучшимъ такое положеніе дѣла, когда разсказъ преподавателя тѣсно примыкаетъ къ учебнику, уясняя и развивая его, и, признавая желательность и допустимость въ извѣстныхъ случаяхъ разсказа, нисколько не считающагося съ учебникомъ, я настаиваю на томъ, чтобы разсказъ послѣдняго вида имѣлъ мѣсто

лишь тогда, когда классъ достаточно подготовленъ и силенъ по составу для усвоенія рассказываемаго преподавателемъ, безъ тѣхъ помочей, которыя часто бываютъ необходимы учащимся въ видѣ учебника. И мои наблюденія во время ревизіи, и моя собственная практика преподавателя средней школы позволяютъ мнѣ утверждать, что хорошій по составу классъ, хорошо приученный преподавателемъ слѣдить за рассказомъ, можетъ очень успѣшно учиться исторіи при независимомъ отъ учебника рассказѣ преподающаго. Но при такомъ веденіи преподаванія необходимы 1) выписываніе преподавателемъ именъ и датъ, сообщаемыхъ имъ въ рассказѣ, на доскѣ, 2) готовность учащихся постоянно помогать другъ другу напоминаніемъ того, что помнятъ одни изъ нихъ и что забыли другіе, 3) чисто педагогическій, а не экзаменаціонный характеръ спрашиванія преподавателемъ заданнаго и 4) допущеніе для слабыхъ и по болѣзни и домашнимъ обстоятельствамъ пропускавшихъ уроки учениковъ отвѣчать по учебнику. Кромѣ того, конечно, и самый рассказъ преподавателя по своимъ качествамъ долженъ стоять безусловно на высотѣ, такъ какъ въ противномъ случаѣ замѣна имъ учебника не повыситъ, а понизитъ преподаваніе.

Переходя къ тѣмъ дополненіямъ, которыя дѣлаются къ учебнику въ рассказѣ преподавателями, я раздѣлю ихъ на двѣ основныя группы: одну изъ нихъ составляютъ картины историческихъ событій, которыя не даны сухимъ изложеніемъ учебника, біографическія подробности и характеристики историческихъ дѣятелей, уясненіе связи историческихъ явленій и фактовъ и, наконецъ, болѣе подробныя и обстоятельныя свѣдѣнія объ учрежденіяхъ и явленіяхъ соціальной и экономической жизни; другую группу составляютъ добавляемыя къ учебнику голыя географическія названія, имена историческихъ дѣятелей, имена ученыхъ, работавшихъ надъ тѣми отдѣлами и вопросами исторической науки, о которыхъ такъ или иначе идетъ рѣчь на урокѣ. Дополненія второй группы мнѣ пред-

ставляются желательными только какъ очень рѣдкія исключенія, притомъ исключительно указанія именъ немногихъ крупнѣйшихъ ученыхъ, дѣятельность которыхъ составила въ свое время эпоху въ наукѣ. Но, если имя ученаго называется преподавателемъ, послѣдній долженъ къ этому имени прибавить нѣсколько словъ, чтобы въ доступномъ учащимся видѣ пояснить научную дѣятельность ученаго и постараться умѣло и ярко выдвинуть впередъ тѣ его черты, которыя могутъ сообщить любовь и уваженіе къ наукѣ. Поэтому я совершенно не могу согласиться съ однимъ изъ преподавателей, на урокъ котораго я присутствовалъ во время ревизіи, упомянувшемъ о „мнѣніи одного ученаго“. Въ данномъ случаѣ имѣлся въ виду Моммсенъ. Какой просторъ давало это имя для того, чтобы подчеркнуть значеніе для науки силы таланта, любви къ наукѣ и громаднаго трудолюбія, которыми обладалъ покойный крупнѣйшій ученый! Кстати сказать, вообще приводить ученія мнѣнія въ курсѣ средней школы нужно въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ, если уже нельзя совсѣмъ безъ этого обойтись. Ученія мнѣнія и ученые контроверсы учащіеся будутъ изучать въ университетскихъ курсахъ исторіи, болѣе подготовленные къ этому изученію и критической ихъ провѣркѣ.

Что касается добавленія преподавателями именъ и названій безъ всякаго, такъ сказать, одухотворенія ихъ, то я рѣшительно выскажусь противъ такихъ добавленій. Число именъ, названій и цифръ, которыя учащіеся заучиваютъ въ учебномъ курсѣ исторіи, и безъ того достаточно велико. Да и какую судьбу эти имена будутъ имѣть въ памяти и сознаніи учащихъся? Они скоро будутъ забыты и исчезнутъ изъ нихъ начисто, несмотря на трудъ, положенный при ихъ заучиваніи. Совсѣмъ другое дѣло, если преподаватель назоветъ какое-нибудь историческое имя или географическое названіе для того, чтобы рассказать по поводу нихъ что-либо яркое изъ своихъ путешествій, работы въ музеяхъ, или просто прочи-

таннаго въ ученыхъ трудахъ и описаніяхъ. Такіе экскурсы имѣютъ, при умѣломъ ими пользованіи, большую цѣнность.

Дополненія къ учебнику, отнесенныя мною въ первую группу, должны быть признаны имѣющими главное значеніе въ разсказѣ преподавателя. Ими преподаватель даетъ краски сухому изложенію учебника, ими онъ направляетъ мысль и чувство учащихся, ими онъ восполняетъ пробѣлы и исправляетъ промахи учебной книги. Выше мнѣ уже пришлось говорить о качествахъ языка преподавателя во время урока. Они необходимо должны соблюдаться имъ въ его разсказѣ. Прибавлю, вспоминая разсказъ нѣкоторыхъ преподавателей во время ревизіи, что фразистость и излишняя искусственность и цвѣтистость его не достигаютъ цѣли картинности и красочности. Не фраза и рядъ красивыхъ словъ, а яркія черты и стройныя мысли, сжато, благородно и просто изложенныя, — вотъ чѣмъ только достигается картинность, красочность и яркость разсказа. О томъ, что изложеніе учебника нуждается въ обращеніи его сухихъ и конспективныхъ предложеній въ картины и образы, ярко встающіе передъ учащимися, врѣзывающіеся въ ихъ память и чувствуемые ими, спорить едва ли возможно. Но вмѣстѣ съ тѣмъ и какой просторъ для нравственнаго вліянія учителя открываетъ ему умѣлое пользованіе его разсказомъ! Я не могу забыть, какъ, присутствуя при исполненіи моей ревизіи на урокъ одного, много лѣтъ преподающаго и пользующагося громаднымъ авторитетомъ среди своихъ учениковъ, преподавателя я слушалъ разсказъ его объ Алкивіадѣ. Классъ насторожился, когда этотъ маститый учитель сталъ говорить о забвеніи Аѳинскимъ дѣятелемъ его долга передъ отечествомъ и о предпочтеніи имъ своихъ эгоистическихъ и личныхъ интересовъ пожертвованію самолюбіемъ и даже жизнью для блага родины. Я имѣлъ высокое наслажденіе наблюдать въ этомъ классѣ то нравственное вліяніе, которое преподавателя обращаетъ въ учителя въ великомъ значеніи этого слова. Вѣрность долгу, вѣрность присягѣ,

честь и все то, что дѣлаетъ человѣка человѣкомъ въ значеніи этого, по выраженію поэта, „святѣйшаго изъ званій“, можетъ быть воспитываемо въ учащихся разсказомъ преподавателя. Но для этого необходимо, 1) чтобы этотъ разсказъ не былъ фразою и 2) чтобы преподаватель самъ глубоко вѣрилъ въ святость этихъ завѣтовъ и не нарушалъ ихъ. Въ противномъ случаѣ его слова будутъ приносить не пользу, а вредъ, звуча звукомъ пустой показной морали, а не убѣжденія, которымъ живетъ человѣкъ. Вредъ громадный, ибо у учащихся создается почва для выработки убѣжденія, что все чистое, высокое и святое — слова, которыя лишь говорятся, въ то время какъ жизнь ихъ отвергла и должна идти совсѣмъ по другому руслу своего потока, далекому отъ святого и высокаго.

Желательны дополненія учебника и изъ области исторіи науки, литературы и искусства. Вступая въ область исторіи искусства, необходимо обращаться къ снимкамъ со зданій, статуй и картинъ. Умѣстнымъ я считалъ бы иногда, хотя бы вскользь, коснуться и музыки, особенно если преподаватель не чуждъ ея пониманія. Что касается экскурсовъ въ область исторіи науки и литературы, то они цѣнны не только потому, что пріучаютъ учащихся къ пониманію исторіи какъ изученія всей прошлой жизни человѣчества, во всѣхъ ея проявленіяхъ, чѣмъ исторія и есть въ дѣйствительности, но и потому, что этимъ преподаватель до извѣстной степени объединяетъ усвоенное учениками на урокахъ различныхъ учебныхъ предметовъ, т. е. противодѣйствуетъ отмѣченной мною выше склонности учащихся смотрѣть на каждый изъ этихъ предметовъ какъ на своего рода особый ящикъ, который нужно наглухо запереть, лишь только открывается другой.

Уясненіе связи явленій и фактовъ, причинъ и слѣдствій, поводовъ и побужденій также должно занимать свое мѣсто въ разсказѣ, но съ тѣми ограниченіями, о которыхъ я говорилъ выше ¹⁾. Съ ограниченіями же, истекающими изъ не-

1) См. выше, въ настоящей главѣ.

обходимости не смѣшивать характера учебнаго курса исторіи въ средней школѣ съ характеромъ научнаго изученія ея въ школѣ высшей¹⁾, должны вводиться преподавателемъ въ его рассказъ дополненія изъ исторіи учреждений и соціальной и экономической жизни.

Высказавъ мой взглядъ на цѣли и качества рассказа преподавателя, который онъ даетъ въ дополненіе къ учебнику, я долженъ признать, что я очень рѣдко встрѣчалъ его осуществленіе въ практикѣ преподающихъ, которую я наблюдалъ во время ревизіи. Это и заставило меня, быть можетъ, слишкомъ долго остановиться на его изложеніи.

Но рассказъ преподавателя можетъ преслѣдовать и другую цѣль, а не дополненіе и уясненіе учебника. Кромѣ того онъ можетъ отсутствовать въ преподаваніи совсѣмъ: преподаватель иногда считаетъ его излишнимъ вообще, а иногда не примѣняетъ его, не считая себя вполне способнымъ достигать его цѣлей.

Тою другою цѣлью, которую можетъ преслѣдовать рассказъ преподавателя, является облегченіе домашней работы учениковъ. Собственно говоря, рассказъ преподавателя постоянно и вообще долженъ эту цѣль имѣть въ виду наряду съ дополненіемъ и уясненіемъ учебника, и, если онъ хорошо приноровленъ къ послѣднему, эта цѣль вполне достигнута. Въ меньшей степени достигается она рассказомъ, построеннымъ отъ учебника независимо, но общее содержаніе задаваемаго урока дается учащимся и въ этомъ случаѣ, даже если они будутъ готовить урокъ только по учебнику. Если я считаю нежелательнымъ простой пересказъ преподавателемъ учебника при задаваніи урока, безъ малѣйшихъ дополненій къ нему (такой пересказъ роняетъ обычно авторитетъ преподавателя среди учащихся), то я отнюдь не требую ото всѣхъ рѣшительно преподавателей обязательнаго рассказа, притомъ каждаго задаваемаго ими урока.

1) См. выше, въ настоящей главѣ.

Во-первыхъ, иногда для разсказа у преподавателя не остается времени на томъ или другомъ урокъ: разработка заданнаго къ данному дню беретъ иногда почти весь учебный часъ, а съ прохожденіемъ обширнаго курса нужно спѣшить, и нѣтъ возможности не задать ученикамъ слѣдующей части курса. Во-вторыхъ, иногда преподаватель считаетъ свой разсказъ задаваемаго излишнимъ, предпочитая ему самостоятельное усвоеніе учебника учащимися съ разработкою затѣмъ выученнаго ими по книгѣ подъ его руководствомъ въ классѣ¹⁾; это можетъ примѣняться преподавателемъ къ отдѣльнымъ урокамъ, а можетъ быть и его постоянною системою преподаванія. Наконецъ, въ-третьихъ, преподаватель можетъ сознавать въ себѣ недостатокъ способности вести разсказъ съ полнымъ успѣхомъ и, считая его вообще желательнымъ, по личнымъ условіямъ можетъ избѣгать съ нимъ выступать передъ классомъ — вѣдь плохой разсказъ, какъ и плохое чтеніе литературныхъ произведеній, приноситъ не пользу, а вредъ слушающимъ ихъ ученикамъ.

Считая вообще разсказъ преподавателя въ классѣ не только желательнымъ, но почти и необходимымъ элементомъ преподаванія, я не могу не считать, однако, неизбѣжнымъ на практикѣ третій изъ указанныхъ сейчасъ мною случаевъ и признаю вполне правильность отказа въ немъ преподавателя отъ разсказыванія въ классѣ. Что касается второго, то онъ распадается на два случая: отсутствіе разсказа преподавателя на отдѣльныхъ урокахъ и отсутствіе его вообще въ его преподаваніи не по неспособности его къ нему, а въ силу его убѣжденія въ большей продуктивности классной работы безъ разсказа преподавателя. Первое я считаю крайне желательнымъ по ходу курса, какъ уже отмѣтилъ выше. Второе, какъ я знаю по практикѣ нѣкоторыхъ преподавателей, наблюдавшейся мною еще довольно давно, иногда приводило къ прекрасному

1) См. выше, въ настоящей главѣ.

знанію и пониманію курса исторіи учащимися¹⁾. Но я не считаю желательнымъ совершенный отказъ преподавателя отъ рассказыванія въ классѣ, такъ какъ этимъ отказомъ онъ вноситъ односторонность въ свою систему преподаванія и лишаетъ учащихся возможности наблюдать построение и форму образцоваго рассказа, не говоря уже о значеніи для нихъ его содержанія. Наконецъ, первый случай, являясь часто досаднымъ для преподавателя и далеко не всегда предвидимымъ, нарушая систему преподаванія, долженъ быть принятъ во вниманіе, такъ какъ на практикѣ онъ неизбѣженъ.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ, однако, я считаю безусловно необходимымъ хотя бы краткое, но въ то же время достаточно вразумительное ознакомленіе преподавателемъ учащихся съ содержаніемъ задаваемаго имъ по учебнику. Это и поможетъ имъ правильно усвоить заданное, и уменьшитъ затрату времени на приготовленіе, а время это долженъ очень и очень беречь каждый отдѣльный преподаватель.

Въ младшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ я былъ во время ревизіи, преподающіе очень часто замѣняютъ свой рассказъ задаваемаго урока чтеніемъ его по учебнику. Въ большинствѣ случаевъ читаютъ вслухъ учебникъ ученики, вызываемые преподавателемъ; въ меньшинствѣ — самъ преподаватель. Конечно, первое лучше, чѣмъ второе. При томъ составѣ учащихся, которымъ обладаетъ школа Прибалтійскаго края, чтеніе учебника въ младшихъ классахъ, съ дополненіями его при этомъ чтеніи преподавателемъ, приходится въ большинствѣ учебныхъ заведеній предпочесть рассказу преподавателя. При недостаточномъ знаніи русскаго языка очень большимъ числомъ учащихся, въ младшихъ классахъ рассказъ преподавателя не всегда до-

1) Такіе успѣхи мнѣ пришлось, напримѣръ, наблюдать въ преподаваніи обладавшаго превосходными познаніями и способностью къ рассказу, но обычно не пользовавшагося послѣднею въ классѣ, А. А. Кондратьева, преподававшаго въ 1-ой С-Петербургской гимназій въ послѣднія десятилѣтія истекшаго столѣтія.

стигаетъ своей цѣли; кромѣ того усваиваемыя по слуху новыя для учащихся слова получаютъ искаженную форму, что такъ естественно при особенностяхъ фонетики мѣстныхъ языковъ; иногда же слова, близкія по звукамъ, но совершенно различныя по значенію, смѣшиваются учениками младшихъ классовъ при недостаточномъ знаніи русскаго языка (напримѣръ, „совѣщаніе“ и „завѣщаніе“). Съ этимъ необходимо считаться и все это неизбѣжно въ младшихъ классахъ школы Прибалтійскаго края. Поэтому и нужно предпочесть въ младшихъ классахъ чтеніе учебника разсказу преподавателя: всѣ слова, которыми изложенъ задаваемый урокъ, учащіеся видятъ, а не только слышатъ, правильно прочтутъ и произнесутъ, а преподаватель разъяснитъ непонятныя имъ выраженія, пояснитъ содержаніе задаваемаго по книгѣ и, сколько найдетъ нужнымъ и возможнымъ, дополнитъ при самомъ чтеніи учебника. Замѣнять чтеніе учебника разсказомъ преподавателя я считаю возможнымъ въ младшихъ классахъ лишь тогда, когда это позволяетъ достаточное знаніе русскаго языка учащимися. Но, когда послѣднее уже имѣется на лицо, разсказъ преподавателя становится болѣе желательнымъ, чѣмъ чтеніе учебника. Съ примѣненіемъ системы разсказа въ младшихъ классахъ мнѣ также не разъ приходилось встрѣчаться во время ревизіи, при чемъ нѣкоторые преподаватели разсказываютъ задаваемый урокъ исключительно въ младшихъ классахъ, задавая урокъ просто по учебнику въ старшихъ.

Высказавъ выше свой взглядъ на значеніе разсказыванія преподавателемъ задаваемаго урока и на чтеніе его по учебнику, я долженъ однако замѣтить, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ мнѣ представляется обязательной замѣна ихъ классною разработкою подлежащаго усвоенію учащимися матеріала, которая производится не при спрашиваніи заданнаго, а именно при задаваніи урока. Я имѣю въ виду случаи, когда фактической матеріаль новаго урока классу вполнѣ извѣстенъ изъ только что пройденнаго отдѣла курса и когда задаваемый урокъ

представляет собою лишь выводы изъ этого матеріала. Хорошій примѣръ такого случая представляетъ урокъ о бытѣ древней Греціи по поэмамъ Гомера. Содержаніе Иліады и Одиссеи извѣстно уже ученикамъ изъ предшествующихъ уроковъ, извѣстенъ имъ и рядъ эпизодовъ изъ этихъ поэмъ¹⁾, при чемъ самые эпизоды должны быть выбраны преподавателемъ съ расчетомъ не упустить изъ виду и бытового матеріала. Въ распоряженіи преподавателя, такимъ образомъ, уже находится усвоеннымъ классомъ весь матеріалъ, необходимый для выясненія государственнаго, общественнаго, религіознаго и домашняго быта гомеровской Греціи, притомъ этотъ матеріалъ усвоенъ учениками не въ видѣ отвлеченныхъ положеній, а въ красочныхъ картинахъ бессмертныхъ поэмъ. Зачѣмъ же давать рассказъ или читать по учебнику о томъ, что можетъ быть сведено самимъ классомъ въ общую картину подъ руководствомъ преподавателя, съ самостоятельной работою самихъ учениковъ, въ живомъ и яркомъ изображеніи гомеровскаго эпоса? Во время моей ревизіи мнѣ приходилось встрѣчаться съ рассказомъ преподавателей о бытѣ Греціи по Гомеру, и я считалъ своимъ долгомъ убѣждать ихъ въ преимуществахъ разработки этого урока самими учащимися. Въ другихъ частяхъ учебнаго курса найдутся и другіе случаи, когда готовый рассказъ преподавателя долженъ уступать мѣсто классной разработкѣ уже извѣстнаго учащимся матеріала.

Передъ началомъ рассказа задаваемаго классу урока, во время этого рассказа и послѣ его окончанія преподаватель долженъ со своей стороны принимать мѣры какъ для облегченія учащимся усвоить его рассказъ, такъ и для поддержанія постояннаго вниманія къ нему класса, которое можетъ ослабѣвать и притупляться. Приступая къ рассказу, преподаватель долженъ поставить классу рядъ вступительныхъ вопросовъ, которые готовятъ учащихся и вводятъ ихъ въ тѣ вопросы

1) Имѣю въ виду особенно III классъ мужскихъ гимназій.

и явленія, которые будутъ излагаться преподавателемъ. Если задаваемый урокъ является прямымъ продолженіемъ приготовленнаго учениками и разработаннаго только что въ классѣ урока, то эти вопросы могутъ быть съ большимъ успѣхомъ замѣнены резюмированіемъ усвоеннаго. Эта же вводная часть должна имѣть мѣсто въ случаѣ замѣны разсказа преподавателя чтеніемъ учебника. Что касается мѣры, принимаемыхъ преподавателемъ во время его разсказа для облегченія его усвоенія и поддержанія вниманія учениковъ, то, кромѣ соотвѣтствующихъ качествъ этого разсказа, такими мѣрами могутъ быть вопросы для уясненія его, предлагаемые классу послѣ отдѣльныхъ частей разсказа, и повтореніе этихъ частей учениками. Объ эти мѣры я считалъ бы умѣстными въ младшихъ классахъ и одну — первую — въ старшихъ. Кромѣ того, желательно, чтобы имена, не упомянутыя въ учебникѣ и названныя преподавателемъ, были бы имъ написаны на доскѣ. Географическія названія должны быть показаны преподавателемъ на картѣ, и очень желательно, чтобы они въ то же время были найдены учениками по ихъ историческимъ атласамъ. Наконецъ, окончивъ свой разсказъ, преподаватель въ младшихъ классахъ долженъ заставить учениковъ повторить его цѣликомъ. Въ классахъ старшихъ я считаю это повтореніе нежелательнымъ: учащіеся должны уже быть въ силахъ достаточно усваивать разсказъ преподавателя, и послѣдній, смотря по силамъ класса, можетъ или оставить его безъ всякаго повторенія, или же только напомнить его главные факты и положенія, дѣлая это вопросами классу, или самъ — первое предпочтительнѣе¹⁾. Во время ревизіи я часто встрѣчалъ несоблюденіе всего этого преподающими. Потому-то я и считалъ своимъ долгомъ на немъ остановиться.

Умѣнье и способность усваивать разсказъ преподавателя мнѣ пришлось замѣтить не во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ,

1) Въ старшихъ классахъ, благодаря обширности курса, и времени не остается у преподавателя для повторенія его разсказа.

въ которыхъ я былъ, совершая ревизию. Но въ нѣкоторыхъ изъ нихъ я имѣлъ удовольствіе наблюдать ихъ развитыми до очень высокой степени. Въ другихъ, наоборотъ, привычка слѣдить за рассказомъ и умѣнье его усваивать развиты, сколько я могъ подмѣтить, недостаточно. Иногда, въ особенности если преподаватель въ своемъ рассказѣ близко придерживается учебника, старательные ученики, предвидя возможность вызова ихъ преподавателемъ для повторенія его рассказа, готовятъ впередъ слѣдующій урокъ по учебной книгѣ и, дѣйствительно вызванные, не столько повторяютъ рассказанное преподавателемъ, сколько отвѣчаютъ выученное ими по книгѣ *proprio motu*. Это очень хорошо и ясно открывается въ отдѣльныхъ случаяхъ: иногда мнѣ приходилось слышать въ повтореніи ученикомъ рассказа преподавателя подробности, опущенныя послѣднимъ, но имѣющіяся въ учебникѣ, а иногда искаженіе имени, усвоеннаго ученикомъ зрительною памятью, т. е. путемъ чтенія учебника, а не изъ рассказа преподавателя (напримѣръ: „Садалинъ“ вмѣсто „Саладинъ“).

Если преподаватель въ свой рассказъ задаваемого урока вноситъ то, чего нѣтъ въ учебникѣ, учащіеся стараются записывать его рассказы. Такія записи ведутся учениками и ученицами обыкновенно во время урока; иногда учащіеся стараются записать дословно весь рассказъ преподавателя, иногда же заносятъ въ свои тетради лишь имена, даты и главныя положенія этого рассказа. Нельзя не согласиться съ тѣми возраженіями, которыя дѣлаются противъ веденія учащимися въ средней школѣ записокъ. Дѣйствительно, класныя записи рассказа преподавателя обыкновенно не позволяютъ ведущему ихъ ученику спокойно слѣдить за этимъ рассказомъ: онъ не успѣваетъ писать вровень съ устною рѣчью и часто теряетъ ея нить черезъ нѣкоторое время послѣ начала записыванія. Кромѣ того, ученическія записи объясненій преподавателей, а особенно такихъ предметовъ, какъ исторія, обычно полны искаженій, ошибокъ и, благодаря не-

обходимости писать очень скоро, неряшливы съ внѣшней стороны. Все это совершенно вѣрно; но совсѣмъ изгнать изъ практики преподаванія классныя записи учащихся едва ли, однако, возможно. Уничтожить дополненія къ учебнику въ рассказѣ преподавателя, отнять отъ послѣдняго право перестраивать изложенное въ учебникѣ сообразно условіямъ его преподаванія и обратить преподаваніе исторіи въ простое заучиваніе учебной книги — да вѣдь это значитъ погубить преподаваніе исторіи и парализовать все ея воспитательное значеніе. Между тѣмъ, какъ я уже отмѣтилъ выше, учащіеся часто недостаточно приучены слушать рассказъ преподавателя; послѣдній, въ свою очередь, часто не принимаетъ со своей стороны никакихъ мѣръ, чтобы облегчить учащимся его усвоеніе. При такихъ условіяхъ становится неизбѣжной уступка въ пользу ученическихъ записей, но эта уступка должна быть сокращена до minimum'a. Если качества рассказа преподавателя высоки, если онъ принимаетъ всѣ соотвѣтствующія мѣры для облегченія учащимся его усвоенія, наконецъ, если учащіеся съ младшихъ классовъ систематически приучаются слѣдить за рассказомъ, — то, конечно, въ старшихъ и среднихъ классахъ, когда ученическія записи только и ведутся, учащіеся уже не нуждаются въ дословномъ записываніи рассказа преподавателя. Они уже сумѣютъ къ этому времени сразу выдѣлить въ рассказѣ главныя его положенія, а имена и даты, которыхъ нѣтъ въ учебникѣ, отмѣтитъ имъ самъ преподаватель. Такого рода записи мнѣ даже не представляются сколько-нибудь вредящими классной работѣ; наоборотъ, я готовъ ихъ признать очень полезными, такъ какъ главныя положенія рассказа преподавателя учащіеся лучше запоминаютъ, отмѣчая ихъ письменно, время же для этихъ записей можетъ давать резюмирование преподавателемъ главныхъ частей его рассказа по мѣрѣ его хода. Во время моей ревизіи я наблюдалъ не разъ веденіе учащимися записей рассказовъ преподавателей. По большей части учащіеся

старались записывать дословно, но иногда я съ большимъ удовольствіемъ замѣчалъ приближеніе, притомъ значительное, къ тому способу записыванія, который мнѣ представляется желательнымъ.

Нѣкоторые уроки, на которыхъ я присутствовалъ во время ревизіи, были посвящены повторенію. Такіе уроки мнѣ пришлось наблюдать въ VIII классѣ мужскихъ гимназій и въ младшихъ классахъ мужскихъ учебныхъ заведеній. Въ женскихъ гимназіяхъ я присутствовалъ на урокахъ, посвященныхъ повторенію, какъ въ старшихъ, такъ и въ младшихъ классахъ. При задаваніи преподающими повторенія отдѣловъ курса я не всегда замѣчалъ точное опредѣленіе задачи учащихся по такому уроку. Такъ, иногда предлагается классу „коротко повторить“ отдѣлъ курса или главу учебника. Имѣется ли въ виду при такомъ заданіи повтореніе лишь самаго существеннаго, уже выдѣленнаго въ свое время классною разработкою подлежащаго повторенію матеріала, или что-либо другое? — Постановка повторенія такимъ способомъ, т. е. съ выдѣленіемъ существеннаго, имѣетъ свое значеніе, равно какъ и повтореніе пройденнаго со всѣми подробностями. При спрашиваніи преподавателемъ заданнаго повторенія я не замѣчалъ чего-либо иного въ вопросахъ по сравненію съ вопросами на обычныхъ урокахъ. Между тѣмъ повторенный матеріаль нѣсколькихъ уроковъ или цѣлаго отдѣла курса позволяетъ ставить вопросы гораздо шире и глубже и вести классную работу совсѣмъ иначе, чѣмъ на обычныхъ урокахъ. Мѣшаетъ обыкновенно преподавателю использовать повторительные уроки должнымъ образомъ тотъ же перевѣсъ экзаменационнаго начала надъ чисто педагогическимъ, о которомъ мнѣ не разъ уже приходилось говорить выше.

Курсъ VIII класса мужскихъ гимназій состоитъ изъ повторенія весь. Но повторяемая въ немъ древняя исторія проходитъ съ существенными дополненіями по сравненію съ курсомъ IV класса. Это осложняетъ задачи преподаванія,

но и вносить значительное оживленіе въ классную работу. Что касается русской исторіи, то она повторяется безъ дополненій, и освѣженіе ея въ памяти учениковъ, на практикѣ — по крайней мѣрѣ, имѣеть цѣлью подготовку къ предстоящему экзамену. Говоря о курсѣ исторіи въ VІІІ классѣ мужскихъ гимназій, я не могу не высказать двухъ пожеланій, обращенныхъ къ г. г. преподавателямъ. Первое изъ нихъ состоитъ въ томъ, чтобы требованіе Учебныхъ Плановъ объ окончаніи всего курса исторіи въ VІІІ классѣ безусловно соблюдалось. Въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ оно не исполняется, и это очень затрудняетъ преподаваніе въ VІІІ классѣ и весьма тяжело отзывается на ученикахъ. Второе пожеланіе касается облегченія классу приготовленія задаваемого урока по повторенію хотя бы самымъ краткимъ указаніемъ его содержанія и обозначеніемъ его главнѣйшихъ частей. Это не всегда дѣлается всѣми преподавателями, хотя нѣкоторые изъ нихъ превосходно исполняютъ и данную задачу, а нѣкоторые даже — напрасно по моему мнѣнію — рассказываютъ классу почти цѣликомъ задаваемый по повторенію урокъ.

Возвращаясь отъ повторенія исторіи въ VІІІ классѣ мужскихъ гимназій къ повторенію ея въ остальныхъ классахъ гимназій и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ вообще, я долженъ отмѣтить стремленіе нѣкоторыхъ изъ преподающихъ пройти курсъ класса какъ только возможно быстрѣе, чтобы выгадать побольше времени для его повторенія. Нѣтъ сомнѣнія, что старое положеніе „repetitio est mater omnium studiorum“ и въ наши дни сохранило свою силу. Повтореніе пройденнаго крайне желательнo, но я ни въ какомъ случаѣ не могу согласиться со спѣшностью прохожденія курса ради того, чтобы выгадать для него возможно больше времени во второй половинѣ учебнаго года. Курсъ долженъ проходиться неспѣшно ¹⁾, съ постоянною классною разработкою его мате-

1) Я думаю, что лучше иногда и сокращать, гдѣ возможно, курсъ, чѣмъ спѣшить съ поверхностнымъ его прохожденіемъ.

ріала, съ обязательнымъ повтореніемъ его частей путемъ вопросовъ преподавателя по связи съ отдѣльными уроками ¹⁾ и съ класснымъ повтореніемъ въ остающееся на урокахъ время. Благо тому преподавателю, который, такъ проведя свой курсъ, выгадаетъ въ концѣ учебнаго года время для его повторенія, но жертвовать для послѣдняго качествомъ курса и продуктивностью классной работы, думаю, едва ли возможно. Да кромѣ того, при правильной постановкѣ преподаванія, пройденное учениками и не такъ забывается, ибо они постоянно къ нему обращаются, а сохраненіе ими въ памяти въ теченіе всего учебнаго года, хотя бы въ главномъ и существенномъ, конечно, много лучше, чѣмъ повтореніе во вторую половину учебнаго года совершенно уже забытаго ими курса.

Я уже сказалъ, что, задавая повтореніе на урокахъ въ VIII классѣ мужскихъ гимназій, преподаватель, по моему мнѣнію, обязанъ напомнить въ главныхъ чертахъ ученикамъ то, что они будутъ повторять. Въ другихъ классахъ это требуется не всегда, а въ тѣхъ только случаяхъ, когда по тѣмъ или другимъ причинамъ подлежащій повторенію матеріалъ основательно забытъ учащимися. Само собою разумѣется, что преподаватель можетъ найти нужнымъ, задавая урокъ по повторенію, иногда напомнить ученикамъ изъ него кое-что, если онъ затѣмъ имѣетъ въ виду разработать повторенный матеріалъ въ соотвѣтствующемъ по ходу преподаванія направленіи. Но, разумѣется, какъ всякій задаваемый урокъ, такъ и урокъ по повторенію долженъ быть исполнѣнъ усиленъ учащимся, и его матеріалъ долженъ быть соразмѣренъ съ ихъ силами и съ временемъ, которымъ они обладаютъ для его приготовленія.

Чтобы покончить съ моими замѣчаніями, касающимися второй части нормальнаго урока, т. е. заданія ученикамъ урока къ слѣдующему дню, я остановлюсь еще только на одной, по взгляду довольно значительнаго числа дѣятелей

1) См. выше, въ настоящей главѣ.

школы, мелочи, которая, по моему мнѣнію, какъ и все въ педагогическомъ дѣлѣ, имѣетъ свое значеніе. Я разумѣю внесеніе заданнаго урока преподавателемъ въ классный журналъ для записыванія уроковъ и учениками въ ихъ тетради того же назначенія. Ниже мнѣ еще придется остановиться на значеніи перваго ¹⁾. Что же касается записыванія заданнаго урока въ тетради учащихся, то оно необходимо: 1) для предупрежденія возможности приготовленія ими не того, что дѣйствительно задано къ тому или другому дню (это бываетъ не только въ младшихъ, но даже и въ старшихъ классахъ, особенно если часть уроковъ отдается преподавателемъ русской исторіи, а часть всеобщей, проходимымъ параллельно), 2) для свѣдѣнія родителей учащихся и лицъ, замѣняющихъ ихъ для послѣднихъ, 3) для выработки въ учащихся аккуратности въ веденіи ихъ тетрадей для записыванія уроковъ. Поэтому нужно, чтобы преподаватель такъ рассчитывалъ во время урока свое время, чтобы оставалось минуты двѣ для внесенія задаваемаго урока имъ въ классный журналъ, а учащимися въ ихъ тетради.

Послѣ того какъ приготовленный классомъ урокъ спрошенъ и разработанъ, а задаваемый къ слѣдующему дню разъясненъ, иногда у преподавателя остается еще время, которое не всегда, какъ мнѣ пришлось наблюдать во время ревизіи, употребляется съ пользою. Этимъ свободнымъ отъ очередной работы по прохожденію курса временемъ, думаю, надо очень дорожить преподавателю: оно даетъ ему возможность съ цѣлымъ классомъ повторять пройденное, читать отрывки изъ соотвѣтствующихъ книгъ, пополнять знанія учениковъ тѣмъ матеріаломъ по исторіи, который не былъ введенъ въ курсъ, производить съ классомъ работу по сопоставленію историческихъ явленій во всемъ пройденномъ и т. п. Между тѣмъ это столь дорогое для преподаванія время мнѣ пришлось наблюдать неисполь-

1) Глава IV.

зованнымъ правильно: преподающій въ оставшееся время или вновь обращался къ вызыванію учащихся и заставлялъ ихъ во второй, третій и даже четвертый разъ повторять своимъ отвѣтомъ то, что уже было отвѣчено раньше, или же безъ всякой системы ставилъ классу вопросы изъ пройденнаго. Въ этомъ неиспользованіи наиболѣе продуктивнымъ образомъ остающагося въ учебномъ часѣ времени нельзя не видѣть опять таки выраженія экзаменаціоннаго характера преподаванія, о которомъ я не разъ уже говорилъ выше. Въ самомъ дѣлѣ, если чисто педагогическая классная работа отстываетъ передъ постояннымъ экзаменомъ, то послѣднему неизбѣжно должно отдаваться и время, остающееся отъ спрашиванія и задаванія уроковъ.

Съ чтеніемъ преподавателемъ въ классѣ отрывковъ изъ соотвѣтствующихъ книгъ мнѣ пришлось встрѣтиться во время моей ревизіи. Иногда оно велось очень удачно: преподаватель читалъ отчетливо и выразительно, отрывокъ изъ историческаго труда былъ выбранъ умѣло, и чтеніе его время отъ времени прерывалось поясненіями преподавателя и его вопросами классу, въ связи съ читаемымъ. Встрѣчался я во время ревизіи и съ такими работами учащихся, которыя не входятъ въ простое усвоеніе ими учебнаго курса исторіи, какъ, напримѣръ, составленіе коллекцій историческихъ рисунковъ, черченіе историческихъ картъ и т. п. У меня нѣтъ никакихъ данныхъ для того, чтобы считать эти работы исполняемыми принудительно, а не по собственному влеченію учащихся, лишь должнымъ образомъ направляемому преподавателемъ или преподавательницею, а потому я могу ихъ только привѣтствовать. Что касается внѣкласснаго чтенія учащихся, то, къ сожалѣнію, я долженъ отмѣтить весьма незначительное его распространеніе. Читаютъ по исторіи учащіеся въ очень небольшомъ числѣ. Объяснить это печальное явленіе нетрудно: времени для домашняго чтенія въ средней школѣ вообще, а въ школѣ Прибалтійскаго края съ ея соста-

вомъ учащихся, въ большинствѣ не вполнѣ владѣющихъ русскимъ языкомъ, остается немного, и, конечно, это время должно быть использовано прежде всего для знакомства съ лучшими произведеніями русской художественной литературы. Преподавателю исторіи, какъ это ни тяжело, необходимо тутъ признать, что преподаватель русскаго языка имѣетъ больше правъ на то очень небольшое свободное время, которое имѣется у учащихся въ средней школѣ.

Чтобы закончить мои замѣчанія о веденіи урока преподающими исторію, я остановлюсь на одной особенноти системы преподаванія, которую мнѣ пришлось наблюдать въ видѣ мало распространеннаго исключенія. Эта особенность — постоянный переходъ отъ изучаемаго на данномъ урокѣ исторіи къ современности. Явленія прошлой жизни, будетъ ли это урокъ русской или всеобщей исторіи, неукоснительно привлекаются къ объясненію русской, а отчасти и западно-европейской дѣйствительности и къ сопоставленію съ нею. Противъ пользованія такимъ приѣмомъ въ отдѣльныхъ случаяхъ и частяхъ курса я не могу возразить ничего; наоборотъ, я ему могу только сочувствовать. Но обращеніе этого приѣма въ постоянную, неуклонно проводимую систему мнѣ рѣшительно представляется неправильнымъ. При такой системѣ утрачивается характеръ исторіи, какъ таковой. Вмѣстѣ съ тѣмъ исчезаетъ и соответствующій характеръ языка, теряющаго свою важность и спокойствіе. Кромѣ того, такъ сказать, разжижается и дѣлается легковѣснымъ вліяніе преподаванія исторіи на умственное и нравственное развитіе учащихся. Я позволю себѣ сравнить такую систему преподаванія съ замѣною на урокахъ литературы чтенія произведеній писателей выборкою изъ нихъ различныхъ сентенцій, типовъ и характеристикъ, которые могутъ быть привлечены къ бесѣдамъ на темы, выдвигаемыя современностью. Не постояннымъ сопоставленіемъ съ дѣйствительностью нашего времени выхваченныхъ изъ историческаго прошлаго фактовъ и явленій, а послѣдовательнымъ пра-

вильно построеннымъ прохожденіемъ всего курса исторіи, доведеннаго до ближайшаго къ намъ времени, подготовитъ преподаватель своихъ учениковъ къ пониманію современной дѣйствительности, притомъ пониманію сколько-нибудь правильному и безъ крайне нежелательнаго верхоглядства. Что касается нравственнаго вліянія учебнаго курса исторіи, то и оно не достигнется при такой системѣ, ибо оно достигается только развитіемъ благородства, наблюденіемъ проявленій его въ жизни историческихъ дѣятелей, сообщеніемъ чувству учащихся любви къ дорогому въ историческомъ прошломъ и къ его высокимъ завѣтамъ, выработкою въ учащихъ способности провѣрять господствующія въ современномъ обществѣ мнѣнія болѣе внимательнымъ изученіемъ исторіи, особенно новѣйшей, и, наконецъ, личностью преподавателя, его благородствомъ, благожелательностью, справедливостью, исполнительностью и вѣрностью долгу. Кромѣ того, система постояннаго сопоставленія историческаго прошлаго съ современностью требуетъ отъ преподавателя обладанія двумя необходимыми для нея качествами: 1) безусловно образцовымъ благородствомъ мысли и 2) громадными научными свѣдѣніями во всѣхъ почти областяхъ знанія. Безъ наличности этихъ двухъ качествъ въ преподавателѣ такая система никакой пользы учащимся принести не можетъ; наоборотъ, она можетъ причинить имъ прямой вредъ.

Преподающіе исторію въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ я былъ во время ревизіи, въ большинствѣ являются историками по спеціальности высшаго образования. Но довольно значительная часть преподающихъ исторію не обладаетъ научною подготовкою именно по исторіи: окончившіе курсъ наукъ по словесному отдѣленію историко-филологическаго факультета нерѣдко преподаютъ и исторію. Я не считаю вообще желательнымъ преподаваніе въ средней школѣ какого-либо предмета не специалистомъ по высшему образованию. Научная подготовка по той или другой спеціальности не только даетъ фактическія знанія и знакомство съ науч-

нымъ методомъ, но налагаетъ свой отпечатокъ на манеру мыслить и вырабатываетъ въ получившемъ эту подготовку соотвѣтствующій языкъ съ правильнымъ и привычнымъ употребленіемъ соотвѣтствующихъ выраженій и терминовъ. Едва ли нужно говорить, насколько важно обладать всѣмъ этимъ преподавателю исторіи, чтобы онъ могъ учить своихъ учениковъ именно этому учебному предмету, а не соединенію историческихъ фактовъ въ рассказы, которое можетъ быть признано лишь извѣстнымъ приближеніемъ къ исторіи, какъ таковой, въ значеніи предмета преподаванія. Но, въ виду мѣстныхъ особенностей школы Прибалтійскаго края, когда преподавателю исторіи въ двухъ младшихъ классахъ приходится имѣть дѣло съ учениками, часто очень плохо владеющими русскимъ языкомъ, я готовъ признать не только возможнымъ, но иногда и желательнымъ преподаваніе исторіи словесникомъ, одновременно преподающимъ въ нихъ же русскій языкъ. Только я считаю необходимымъ, чтобы такой преподаватель постарался выработать въ себѣ правильный языкъ историка для этихъ уроковъ.

Но соединеніе преподаванія исторіи было замѣчено мною во время ревизіи не только съ преподаваніемъ русскаго языка и не только въ младшихъ классахъ, но и съ преподаваніемъ другихъ предметовъ, притомъ и въ старшихъ классахъ. Такое соединеніе мнѣ представляется очень нежелательнымъ. Оно не позволяетъ преподавателю выработать изъ себя спеціалиста и сосредоточить всѣ свои научные интересы на одной научной области. Это отнимаетъ у него возможность идти впередъ въ своихъ научныхъ познаніяхъ и мало по малу убиваетъ въ немъ научные интересы, которые такъ важны и для успѣха его преподаванія, и для него въ его личной жизни, такъ какъ они поднимаютъ его личность, даютъ ему серьезные и весьма цѣнные интересы, а иногда и приводятъ къ работѣ ученаго спеціалиста. Кромѣ того, соединеніе преподаванія различныхъ предметовъ очень способ-

ствуеть рутинѣ преподаванія и потому, что оно обычно приводитъ къ примѣненію однихъ и тѣхъ же приемовъ преподаванія на урокахъ различныхъ предметовъ. Мотивы для соединенія преподаванія разныхъ учебныхъ предметовъ, сколько я могъ замѣтить, чисто внѣшніе, а именно — дать преподавателю возможность имѣть необходимое для штатнаго оклада число уроковъ, или предоставить ему возможно большее число уроковъ въ одномъ и томъ же учебномъ заведеніи, или, наконецъ, добавкою уроковъ исторіи, не требующихъ постоянного труда по исправленію письменныхъ работъ, облегчить преподавателя русскаго языка, обремененнаго этимъ трудомъ.

Я не могу согласиться съ этими мотивами, какъ съ основаніями для причиненія вреда и преподаванію исторіи и самимъ преподавателямъ, дорогою цѣною оплачивающимъ эти добавочные уроки и вознагражденіе за нихъ, цѣною значительнаго пониженія своихъ достоинствъ учителя. Не соединеніе въ однѣхъ и тѣхъ же рукахъ преподаванія различныхъ предметовъ въ одномъ и томъ же учебномъ заведеніи, а преподаваніе преподавателемъ одного и того же предмета въ нѣсколькихъ учебныхъ заведеніяхъ я считаю выходомъ изъ положенія, создаваемаго необходимостью доводить число даваемыхъ уроковъ до размѣровъ, дающихъ достаточный заработокъ. Для штатнаго же оклада необходимо имѣть лишь двѣнадцать недѣльныхъ уроковъ, которые не такъ трудно будетъ выдѣлить для каждаго преподавателя, если всѣ они будутъ преподавать только свою спеціальность. Преподаваніе одного и того же предмета не въ одномъ, а въ нѣсколькихъ учебныхъ заведеніяхъ я считаю крайне желательнымъ какъ для самихъ преподавателей, такъ и для успѣха средней школы вообще. Въ самомъ дѣлѣ, только въ такомъ случаѣ преподаватель вырабатывается настоящимъ образомъ, работая только надъ своею спеціальностью, преподавая ее по различнымъ учебнымъ планамъ, при различныхъ составахъ учащихся, въ различныхъ типахъ учебныхъ заведеній. Знакомство съ различ-

ными учебными заведениями только и может его подготовить къ административно-педагогической дѣятельности, которой придется отдать себя большому числу преподавателей. Безъ этой подготовки, зная только одно учебное заведеніе, онъ едва ли легко и сразу справится съ обязанностями инспектора и директора въ другомъ, въ которое онъ будетъ назначенъ на одну изъ этихъ должностей. А если ему придется быть предсѣдателемъ педагогическаго совѣта женской гимназіи безъ всякаго опыта преподаванія въ женскихъ учебныхъ заведенияхъ, то его положеніе будетъ еще труднѣе. Кромѣ того, соединеніе преподаванія въ нѣсколькихъ учебныхъ заведенияхъ даетъ преподавателю большую самостоятельность и независимость отъ директора, столь цѣнныя для успѣха преподаванія и средней школы вообще. Эти самостоятельность и независимость нужны преподавателю не для того, чтобы мѣшать директору пользоваться его правами и властью, предоставленными ему закономъ и уставами, но для того, чтобы онъ могъ быть педагогомъ, а не простымъ исполнителемъ приказаній директора. Нужны онѣ не только для полной продуктивности преподаванія, но и для общаго успѣха учебнаго заведенія, ибо преподаватели составляютъ его педагогическій совѣтъ, который тѣмъ лучше можетъ исполнять свое назначеніе, чѣмъ полнѣе и откровеннѣе высказываются его члены. Директоръ долженъ имѣть всю полноту власти, принадлежащую ему, какъ главѣ учебнаго заведенія, и ниже мнѣ не разъ придется говорить о необходимости постоянного выступления его въ его роли руководителя учебнаго заведенія. Но всетаки не на немъ, а на преподавателяхъ лежитъ самая большая часть общей педагогической работы въ учебномъ заведеніи. Это можно легко провѣрить наблюденіемъ надъ средними учебными заведениями, обладающими плохими директорами или плохимъ составомъ преподавателей: при наличности превосходнаго директора, но съ плохимъ составомъ преподающихъ учебное заведеніе всегда работаетъ плохо; на-

оборотъ, съ плохимъ директоромъ во главѣ, но съ отличнымъ составомъ преподавателей оно сплошь и рядомъ работаетъ въ общемъ удовлетворительно.

Дѣятельность преподавателя требуетъ къ себѣ уваженія, но это уваженіе налагаетъ и на него долгъ быть его достойнымъ и его сохранять. Святость дѣла учителя соединяется съ его отвѣтственностью предъ своею совѣстью, дѣтьми и юношами, ввѣренными ему ихъ семьями и государствомъ. Во время моей ревизіи мнѣ не разъ приходилось наблюдать въ преподающихъ сознаніе святости, отвѣтственности и трудности ихъ дѣла. Я буду считать себя счастливымъ, если изложенныя мною мои замѣчанія о преподаваніи встрѣтятъ признаніе со стороны г. г. преподавателей и г-жъ преподавательницъ, и если они принесутъ имъ хотя небольшую пользу въ ихъ работѣ надъ своимъ усовершенствованіемъ въ дѣлѣ преподаванія.

III.

Учащіеся.

Составъ учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, видѣнныхъ мною во время моей ревизіи, не можетъ быть признанъ такимъ, при которомъ было бы легко работать преподавателю и вообще педагогу. Въ этомъ составѣ совершенно нѣтъ единства — ни единства національнаго и религіознаго, ни единства общественной среды, къ которой принадлежатъ учащіеся. Съ полнымъ національно-религіознымъ единствомъ учащихся я встрѣтился только въ одномъ учебномъ заведеніи изъ числа тридцати, которыя я посѣтилъ, а именно въ Рижской женской гимназіи А. Ястржембской: ея ученицы принадлежатъ исключительно къ польской національности и исповѣдуютъ едва ли не всѣ католическую религію. Со значи-

тельнымъ приближеніемъ къ національному единству учащихся я также видѣлъ лишь одно учебное заведеніе, а именно Рижскую Городскую гимназію, въ составѣ учениковъ которой совершенно ясно замѣчается рѣшительное преобладаніе нѣмецкой національности. Всѣ остальные учебныя заведенія, видѣныя мною во время ревизіи, имѣютъ крайне смѣшанный въ національномъ отношеніи составъ учащихся, часто съ очень большимъ численнымъ преобладаніемъ одной національности, латышской или эстской, но безъ замѣтнаго отпечатка ея индивидуальности на общемъ характерѣ классовъ.

Составъ учащихся и въ общей массѣ среднихъ учебныхъ заведеній, подлежавшихъ моей ревизіи, и въ тѣхъ двухъ, которыя я изъ нея сейчасъ выдѣлилъ, представляетъ свои особыя трудности для преподаванія вообще и для преподаванія исторіи въ частности. Конечно, моею задачею будетъ нѣсколько остановиться лишь на послѣднихъ. Начну съ двухъ учебныхъ заведеній, которыя мною выдѣлены, и постараюсь на реальномъ примѣрѣ обозначить основную трудность въ преподаваніи въ нихъ исторіи. 21 января я присутствовалъ на урокѣ всеобщей исторіи въ VII классѣ гимназіи А. Ястржембской. Урокъ былъ посвященъ повторенію исторіи реформаціоннаго движенія. Разумѣется, я съ особымъ интересомъ наблюдалъ этотъ урокъ: въ учебномъ заведеніи съ католическимъ составомъ ученицъ онъ требовалъ очень большого такта отъ преподавательницы. Трудность ея положенія заключалась въ томъ, что она должна была выяснять съ точки зрѣнія происхожденія реформаціоннаго движенія какъ разъ тѣ факты и явленія, которыя тѣми же ученицами изучаются на урокахъ Закона Божія съ точки зрѣнія католической церкви. Урокъ исторіи, такимъ образомъ, долженъ былъ отчасти давать обличеніе именно того, о чемъ, быть можетъ, въ тотъ же день говорилось на урокѣ Закона Божія, какъ о неподлежащемъ сомнѣнію ученіи церкви, къ которой принадлежатъ учащіяся. Вліяніе уроковъ Закона Божія мною ясно было услышано въ отвѣтѣ одной ученицы,

которая, рассказывая объ индульгенціяхъ, даже замѣнила русское слово „сокровищница“ (сокровищница преизобилующихъ заслугъ — *thesaurus meritorum superabundantium*) польскимъ словомъ „skarbnica“: въ ея сознаниі, очевидно, много ярче стоитъ усвоенное ею на польскомъ языкѣ изъ Закона Божія, чѣмъ то, что она узнала на урокахъ исторіи, преподаваемой на русскомъ языкѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что преподаватель исторіи не можетъ и не долженъ пропускать въ своемъ преподаваніи историческіе факты и эпохи или измѣнять ихъ научную оцѣнку въ интересахъ религіи или національности большинства учащихся (если бы это было возможно, исторія въ преподаваніи перестала бы быть исторіей); но онъ обязанъ тщательно наблюдать полную корректность и безпристрастность въ соотвѣтствующихъ случаяхъ, воздерживаясь въ нихъ отъ большой красочности. Я долженъ былъ, въ виду этого, признать вполне правильнымъ упоминаніе преподавательницею, на урокѣ которой я присутствовалъ въ гимназіи А. Ястржембской, лишь въ общихъ чертахъ о содержаніи „Похвалы Глупости“ и „Писемъ темныхъ мужей“, болѣе обстоятельное ознакомленіе съ которыми вноситъ много оживленія и интереса при прохожденіи этой эпохи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ съ некаатолическимъ составомъ учащихся. Само собою разумѣется, что въ курсѣ исторіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ съ учащимися одной нерусской національности встрѣтятся довольно длинный рядъ вопросовъ, которые требуютъ большого такта отъ преподавателя. Думаю, что возможно рекомендовать ему въ этихъ случаяхъ только корректность и безпристрастность, о которыхъ я сейчасъ говорилъ.

Но, если требуютъ къ себѣ вниманія національность и религія большинства учащихся нерусскаго происхожденія въ данномъ классѣ, то отнюдь не меньшаго вниманія требуетъ и безусловная охрана достоинства національности и религіи народа русскаго. Въ VIII классѣ одной изъ мужскихъ гимназій я присутствовалъ на урокѣ русской исторіи, посвящен-

номъ времени образованія Московскаго царства. Урокъ давалъ преподаватель съ несомнѣнно отличными знаніями и очень любящій свое дѣло, притомъ человѣкъ съ чисто русскою складкою центральныхъ губерній Россіи, съ московскою манерою рѣчи. По ходу разсказа онъ подошелъ къ дѣлу о разводѣ великаго князя Василія III съ его первою женою Соломонією. Говоря о безплодіи великой княгини, преподаватель чрезвычайно картинно изложилъ обращенія ея къ чарамъ и къ „бабамъ-шептухамъ“, которыя должны были дать ей такъ страстно желаннаго ребенка. Бытовая картина получилась яркая, и самъ преподаватель, чувствуя ее какъ коренной русскій человѣкъ, не замѣчалъ того, что часть учениковъ слушала его разсказъ съ улыбкой, въ которой нѣсколько просвѣчивала извѣстная доля насмѣшки, быть можетъ, и не совсѣмъ добродушной. Объяснить такое отношеніе къ этой бытовой картинѣ очень нетрудно. Улыбавшіеся ученики смотрѣли на нее глазами посторонняго человѣка и, само собою разумѣется, видѣли въ ней только суевѣріе. Они едва ли могли чувствовать въ ней то, что чувствуетъ чисто русскій или даже совсѣмъ обрусѣлый человѣкъ, который не закроетъ глазъ на отрицательныя ея стороны, но который въ то же время съ доброю, а не насмѣшливою улыбкою подумаетъ: „да! а всетаки родное!“

Не думаю, чтобы было желательно оживлять и расцвѣчивать разсказъ преподавателя совершенно одинаково въ учебныхъ заведеніяхъ съ чисто русскимъ составомъ учащихся и ихъ составомъ, въ которомъ преобладаютъ учащіеся нерусскаго происхожденія. Историческій матеріалъ, могущій дать преподавателю краски для его преподаванія, — это цѣлое необъятное море, и изъ него всегда можно выбрать въ дополненіе къ учебнику то, что умѣстно по составу учащихся. Беречь же достоинство русскаго народа въ краѣ съ большинствомъ инородческаго населенія необходимо особенно тщательно. Ни въ какомъ случаѣ нельзя скрывать темнаго и въ исторіи

Россіи, разъ оно подлежить прохожденію въ курсѣ исторіи, но нельзя и его подчеркивать. Надо помнить, 1) что въ части семей Прибалтійскаго края учащіеся по различнымъ причинамъ встрѣчаютъ не совсѣмъ благожелательное отношеніе къ русскому, какъ таковому, и 2) что, еще не выработавъ въ себѣ способности понимать бытъ и нравы прежняго времени съ точки зрѣнія и настроенія историка, учащіеся могутъ относить подобныя подробности вообще къ характеру и индивидуальности русскаго народа. Одна изъ цѣлей, которыя должна преслѣдовать школа Прибалтійскаго края, — выработка въ учащихся уваженія къ Россіи и признанія ея достоинства. Если школа сумѣетъ вдохнуть мѣстнымъ учащимся любовь къ русскому историческому прошлому, — это будетъ ея великою заслугой; но воспитывать уваженіе къ Россіи и признаніе ея достоинства — это ея долгъ. Дѣло преподаванія исторіи въ учебныхъ заведеніяхъ Прибалтійскаго края представляется мнѣ требующимъ особенно большого такта и зоркаго наблюденія надъ собою со стороны преподавателя, и какъ разъ примѣръ, приведенный мною, показываетъ его особую трудность: серьезная любовь къ своему предмету и живое чувство историческаго прошлаго невольно увлекаютъ преподавателя, заставляя его забывать особенности той ученической среды, въ которой ему приходится работать.

Особенности національнаго состава учебныхъ заведеній, которыя я посѣтилъ во время ревизіи, являются индивидуальною чертою ихъ, какъ школы Прибалтійскаго края. Но, говоря о составѣ учащихся, я не могу обойти молчаніемъ и факторовъ, вносящихъ замѣтное раздѣленіе въ этотъ составъ и уже общихъ всѣмъ рѣшительно учебнымъ заведеніямъ, гдѣ-либо существующимъ, за очень немногими исключеніями, а именно: 1) различіе семьи и индивидуальности учащихся и 2) различіе возраста находящихся въ одномъ и томъ же классѣ учениковъ или ученицъ. Опять обращаюсь къ реальнымъ при-

мѣрамъ изъ отмѣченнаго мною въ моей записной книжкѣ во время ревизіи.

Когда при посѣщеніи одного изъ младшихъ классовъ одного изъ среднихъ учебныхъ заведеній я сѣлъ на послѣдней скамейкѣ, передо мною оказались сидящими два мальчика шаловливаго и даже разухабистаго вида. На скамьѣ передъ ними сидѣлъ блѣдненькій, худенькій, аккуратный и чистенькій мальчуганъ, съ яснымъ и кроткимъ взглядомъ дѣтскихъ глазъ, съ хорошими манерами и съ яркимъ отпечаткомъ семейной обстановки хорошей семьи. На спинѣ его курточки были проведены его сосѣдями сзади толстыя линіи мѣла, которыя испачкали его аккуратную одежду. Кромѣ мѣла, эта одежда была испачкана и ногами его сосѣдей. Волоса на затылкѣ имѣли ясные слѣды щелчковъ и щипковъ тѣхъ же его сосѣдей сзади. Я сталъ особенно внимательно присматриваться къ сидѣвшимъ передо мною дѣтямъ. Вотъ преподаватель задалъ урокъ. Завоевавшій уже мои симпатіи мальчуганъ сейчасъ же вынулъ свою тетрадь для записыванія уроковъ, записалъ что задано и аккуратно сложилъ тетрадку. Мальчики, сидѣвшіе сзади, и не подумали этого сдѣлать. Наоборотъ, я подмѣтилъ насмѣшку и нѣкоторое презрѣніе въ ихъ глазахъ, когда они смотрѣли на своего аккуратнаго товарища. Думая объ этихъ дѣтяхъ, я представилъ себѣ картину жизни маленькаго человѣчка, который попался мнѣ на глаза. Изъ теплой семейной обстановки онъ попалъ въ среду своихъ сосѣдей, смѣющихся надъ тѣмъ, къ чему приучала его семья, пинками и щелчками выбивающихъ изъ него ту дѣтскую чистоту, которою такъ дорожатъ его родители. Нелегко живется этому славному мальчугану, а, быть можетъ, еще тяжелѣе его матери, со страхомъ за него отпускающей его каждое утро въ школу и съ удвоенно горячей лаской встрѣчающей его послѣ школы, чтобы этой лаской вознаградить его за пережитое въ классѣ, да и самой вмѣстѣ съ тѣмъ излить въ ней тяжелое чувство, накопившееся за время пре-

быванія сына въ школѣ. Мнѣ хотѣлось послѣ урока приласкать этого мальчика и поддержать его въ его тяжелой классной жизни, и я не удержался отъ того, чтобы подойти къ нему, погладить его по головѣ и похвалить за его аккуратность. А его сосѣдей пристыдилъ за ихъ къ нему отношеніе.

А вотъ другія картинки. Также въ младшемъ классѣ мальчикъ съ довольно злыми глазами все время урока строить гримасы, смотря на преподавателя, или мѣшаетъ слушать сосѣдямъ, дѣлая это незамѣтно отъ учителя, не замѣчая въ то же время, что я наблюдаю его. Во второмъ классѣ одного изъ мужскихъ учебныхъ заведеній въ продолженіе цѣлаго урока одинъ мальчуганъ сосалъ свою руку, съ большимъ искусствомъ запикивая ее почти цѣликомъ въ свой ротъ. Иногда въ одномъ и томъ же классѣ часть учениковъ обладаетъ большою благовоспитанностью, въ то время какъ въ другой замѣчается почти полное ея отсутствіе. Наблюденія надъ классами даютъ яркія картины различія составляющихъ ихъ учениковъ и ученицъ по способностямъ, нравственнымъ качествамъ, умственному развитію, матеріальной обеспеченности и интеллигентности семей, къ которымъ они принадлежатъ. Чувствуется временами въ дѣтяхъ и юношахъ и счастливо или несчастливо сложившаяся семейная жизнь ихъ родителей и близкихъ, а также наличность или отсутствіе любви, тепла и ласки въ ихъ семьяхъ. Ясно, какъ много такта и вниманія требуется отъ преподавателей и руководителей средней школы къ разнообразію индивидуальности учащихся и къ различію ихъ жизненной обстановки.

Не меньшаго вниманія требуетъ и различіе учащихся по возрасту. Сплошь и рядомъ мнѣ приходилось наблюдать довольно отчетливое раздѣленіе учащихся въ среднихъ, а отчасти и въ старшихъ классахъ на двѣ части: болѣе юныхъ и болѣе возрастныхъ. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что такое раздѣленіе въ классахъ происходитъ на почвѣ различія интересовъ обѣихъ группъ учащихся, притомъ интере-

совъ не учебныхъ и чисто классовыхъ, а, наоборотъ, внѣклассныхъ и внѣучебныхъ. Еще находясь въ средней школѣ, учащіеся юноши начинаютъ смотрѣть на себя, какъ на взрослыхъ молодыхъ людей, иногда даже искусственно прививая себѣ ихъ интересы. И вотъ, когда одна часть класса остается еще вполнѣ дѣтьми и отроками, другая часть обращается въ „молодыхъ людей“. Интересы этихъ двухъ частей раздѣлились, и, думаю, желательно извѣстное наблюдение, наблюдение очень тактичное, чтобы интересы „молодыхъ людей“ не прививались преждевременно ихъ товарищамъ-дѣтямъ, если невозможно вполнѣ осуществить требованіе единства возраста для учащихся, составляющихъ каждый отдѣльный классъ.

Очень часто, если не въ большинствѣ случаевъ, дѣленіе классовъ на „большихъ“ и „маленькихъ“, по терминологіи учащихся, вызывается началомъ половой жизни у „большихъ“. Отъ классовыхъ наставниковъ, инспекторовъ и директоровъ среднихъ учебныхъ заведеній требуется безусловное и самое пристальное вниманіе къ этой сторонѣ дѣла, и они должны съ большимъ упорствомъ, но и съ полнымъ тактомъ бороться съ развитіемъ соотвѣтственно направленной фантазіи у „большихъ“ и зараженіемъ ею „маленькихъ“. Удачно принимаемая въ этой борьбѣ мѣра предупредить и преждевременное развитіе половой жизни, и появленіе соотвѣтствующихъ пороковъ и болѣзней у учениковъ; если же семья учащихся не идетъ въ этомъ отношеніи рука объ руку со школой, послѣдняя всетаки со своей стороны должна сдѣлать все, отъ нея зависящее, чтобы отсутствіемъ вниманія не причинить вреда своимъ питомцамъ. Я не могу, однако, признать, чтобы всѣ учебныя заведенія, въ которыхъ я былъ во время ревизіи, обращали должное вниманіе на эту свою обязанность. На ученическихъ партахъ я сплошь и рядомъ видѣлъ различные рисунки и надписи, сдѣланные карандашомъ и чернилами, или вырѣзанные ножомъ. Въ большинствѣ случаевъ это были или математическія формулы, даты и т. п., нанесенныя на

парту для того, чтобы справляться съ ними во время отвѣтовъ съ мѣста или письменныхъ работъ, а также имена друзей, предметовъ юношескаго увлеченія, иногда сердца, пронзенныя стрѣлою, и тому подобные рисунки, а иногда и стихи, говорящіе о тѣхъ невинныхъ увлеченіяхъ, которыя являются обычными спутниками юношескаго возраста. Но кое-гдѣ въ мужскихъ учебныхъ заведеніяхъ, на партахъ старшихъ классовъ мнѣ на глаза попадались или достаточно неприличная надпись, или какой-нибудь рисунокъ, изображающій обнаженную женщину, или что-либо въ этомъ родѣ, притомъ рисунокъ, сдѣланный съ очень большою тщательностью. Думаю, что подобные рисунки, дающіе извѣстное направленіе фантазіи учениковъ, не могутъ быть терпимы на ученическихъ партахъ. Осмотръ послѣднихъ, конечно, долженъ производиться очень часто, но, разумѣется, или въ отсутствіи учениковъ, или безъ обращенія на него ихъ вниманія, а рисунки и надписи полового направленія должны уничтожаться немедленно и безусловно незамѣтно для класса, чтобы не останавливать на нихъ его вниманія; лишь съ ученикомъ, на партѣ котораго подобный рисунокъ или подобная надпись оказались, должны серьезно, съ большимъ тактомъ поговорить классный наставникъ и директоръ наединѣ, а если окажется нужнымъ, то принять по отношенію къ нему и другія мѣры.

Выводъ изъ всего, что сказано мною выше, вытекаетъ самъ собою: необходимость самаго пристального и постояннаго вниманія къ индивидуальности учащихся, соединеннаго съ большимъ тактомъ преподавателей и руководителей отдѣльныхъ учебныхъ заведеній. Но рядомъ съ этимъ, такъ сказать, центробѣжнымъ началомъ школа должна не менѣе старательно проводить и начало центростремительное. Она должна вносить извѣстное единство въ ту разнообразную и въ значительной степени разноплеменную среду, которую собою представляетъ составъ классовъ учебныхъ заведеній, ви-

дѣльных мною во время ревизіи. Началу объединенія учащихъ служатъ прежде всего дисциплина и нравственное вліяніе школы, о которыхъ мнѣ еще придется говорить ниже ¹⁾. Затѣмъ, оно развивается на почвѣ сознанія себя учащимися отдѣльных классовъ и всего учебнаго заведенія не случайнымъ соединеніемъ лицъ, встрѣчающихся въ однѣхъ и тѣхъ же стѣнахъ, сидящихъ рядомъ на ученическихъ скамьяхъ и учащихъ одни и тѣ же уроки, но частью единого цѣлаго, которое называется классомъ и тѣмъ или другимъ учебнымъ заведеніемъ. Это сознаніе вырабатывается 1) чувствомъ товарищества, правильно направляемымъ и охраняемымъ преподавателями и руководителями школы, 2) настоящею классною работою, когда преподаваніе ведется не экзаменаціоннымъ, а истинно-педагогическимъ методомъ, 3) правильностью общей постановки школы и общаго уклада ея жизни, которая создаетъ въ учащихся къ ней любовь и уваженіе, 4) высокою репутаціею учебнаго заведенія и уваженіемъ къ нему общества, прививаемымъ учащимся ихъ семьями. Честь класса и честь учебнаго заведенія тогда бережно охраняется самими учениками и ученицами, и эта охрана чести класса и учебнаго заведенія присоединяетъ могучую силу къ остальному, создающему объединеніе учащихся.

Но, кромѣ того, школа должна давать учащимся сознаніе единства ихъ общаго отечества-Россіи, а также умѣло развивать и укрѣплять въ нихъ любовь къ нему. На преподаваніи отечественной исторіи особенно лежитъ обязанность служить этой цѣли. Выше ²⁾ я говорилъ уже о томъ, въ какомъ видѣ мнѣ представляется желательной постановка преподаванія исторіи Россіи въ средней школѣ. Преподаваемая такъ, какъ я старался представить выше, отечественная исторія будетъ служить дѣлу сплоченія учащихся разныхъ народностей Россіи въ одно цѣлое, не лишая ихъ ихъ національ-

1) Глава IV.

2) Глава I.

ности, но надѣляя ихъ знаніемъ Россіи и сознаниемъ того, что всѣ народности, въ ней живущія, имѣютъ свое мѣсто подъ солнцемъ, ей свѣтящимъ и ее согрѣвающимъ, имѣютъ это мѣсто не въ качествѣ лишь терпимаго придатка къ коренному русскому населенію, но окружая главный и основной народъ Россіи, народъ русскій, создавшій ее какъ общее отечество, ея государство и культуру, создавшій своими силами и великими жертвами, которыя тогда станутъ болѣе дорогими и для нихъ¹⁾. Что касается любви къ историческому прошлому Россіи, то она вырабатывается не скрываніемъ темныхъ сторонъ его (наоборотъ, это только вредитъ дѣлу), а болѣе детальнымъ и обстоятельнымъ изложеніемъ его свѣтлыхъ моментовъ, согрѣтымъ любовью къ нему преподавателя, притомъ не уклоняющагося въ сторону отъ той стези, которую долженъ ему показывать его тактъ. Необходимость послѣдняго въ преподаваніи вообще, а въ школахъ Прибалтійскаго края въ особенности, мнѣ такъ много разъ приходится подчеркивать на страницахъ моего Отчета.

Наконецъ, великою силою объединенія учащихся является и русскій языкъ средней школы. Но эта сила не должна ослабляться не совсѣмъ бережнымъ съ нею обращеніемъ. Порча государственнаго языка въ провинціяхъ — явленіе хорошо извѣстное всѣмъ великимъ имперіямъ стараго и новаго міра. Ее такъ же хорошо знала когда то Римская имперія, какъ знаетъ теперь имперія Англійская. Къ этой порчѣ, неизбежной въ тѣхъ частяхъ Россіи, которыя населены инородческимъ элементомъ, присоединяется различіе нарѣчій и говоровъ самого русскаго языка, приносимое русскими дѣятелями, уро-

1) Крайне нежелательно нѣсколько презрительное отношеніе къ народности и языку учащихся нерусскаго происхожденія, которое, къ сожалѣнію, мнѣ, хотя въ видѣ исключительнаго явленія, пришлось встрѣтить во время ревизіи. На урокъ древней исторіи въ VIII классѣ одной изъ мужскихъ гимназій отвѣчавшій урокъ ученикъ вмѣсто „*panem et circenses*“ произнесъ: „*banem et circenses*“. Преподаватель тогда сказалъ: „ну, „*banem*“ — это, словно, по-эстонски“. Реагируя на эти слова, одинъ изъ учениковъ, сидѣвшихъ на послѣдней скамейкѣ, голосомъ, въ которомъ чувствовалась обида, произнесъ: „слова „*banem*“ нѣтъ въ эстонскомъ языкѣ“.

женцами различных краевъ Великой Россійской имперіи. Вы не только уловите ухомъ различіе фонетики, но подмѣтите и особенности лексическаго состава, сообразно съ происхожденіемъ говорящаго лица, слушая рѣчь самихъ преподавателей. Родной языкъ учениковъ — нѣмцевъ, латышей и эстовъ — вноситъ сильную струю искаженія русскихъ словъ въ ихъ фонетикѣ и значеніи, а также несвойственные русскому языку обороты и построенія фразъ. Буквальный переводъ на русскій языкъ выраженій мѣстныхъ языковъ, среди которыхъ въ силу мѣстныхъ историческихъ условій языкъ нѣмецкій внесъ много своего въ латышскій и эстскій языки, — довольно обычное явленіе въ русскомъ языкѣ Прибалтійскаго края, и выраженія, вродѣ „пара годовъ“ (вмѣсто „два-три года“) или „выступилъ изъ гимназіи“ (вмѣсто „вышелъ“), очень часто неприятно поражаютъ ухо и въ языкѣ учащихся и въ языкѣ преподающихъ, невольно подчиняющихся вліянію мѣстной рѣчи. Поэтому я еще разъ считаю своимъ долгомъ повторить высказанное мною выше¹⁾ пожеланіе, чтобы гг. преподающіе очень серьезно наблюдали за литературностью своего языка и самымъ внимательнымъ образомъ исправляли погрѣшности языка учащихся. Русскій литературный языкъ въ наше время долженъ быть такою же, даже большею, силою, создающею объединеніе всѣхъ народностей Россіи, какою въ свое время былъ церковно-славянскій языкъ богослужебныхъ книгъ для всѣхъ славянскихъ племенъ Восточной Европы. Но стремленіе къ выработкѣ въ учащихся полной чистоты русскаго языка не должно сопровождаться чрезмѣрными, а потому и невыполнимыми требованіями: *ultra posse nemo obligatur* — гласитъ мудрое положеніе римскаго права. Въ школѣ должна имѣть мѣсто извѣстная терпимость къ второстепеннымъ ошибкамъ учащихся въ русскомъ языкѣ, обязательно, однако, исправляемымъ преподающими постоянно²⁾. Надо помнить то, что

1) Глава II.

2) Глава II.

1) современному поколѣнію учащихся, которыхъ отцы и матери часто совсѣмъ не говорятъ по-русски, очень нелегко учиться на этомъ языкѣ — слѣдующія поколѣнія будутъ уже много лучше знать русскій языкъ, ибо они будутъ дѣтьми тѣхъ, кто теперь учится въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ, 2) чрезмѣрное повышеніе репрессій за второстепенныя ошибки въ русскомъ языкѣ вызываетъ недовольство русскою школою, вредно отражающееся и на мѣстной жизни, и на успѣхѣ самой школы, 3) языкъ, на которомъ ведется преподаваніе въ средней школѣ, является для всѣхъ ея учебныхъ предметовъ (кромѣ предмета русскаго языка) лишь средствомъ передачи знаній, а не ими самими и, при всей необходимости самаго серьезнаго вниманія къ усвоенію государственнаго языка учащимися, нельзя забывать и великаго девиза, начертаннаго на знамени лучшихъ русскихъ педагоговъ: „духа не угашайте!“

IV.

Общій укладъ педагогической жизни учебныхъ заведеній.

Переходя къ общимъ условіямъ педагогической жизни среднихъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ я былъ, производя мою ревизію, я настаиваю на ихъ значеніи для успѣшности преподаванія каждаго учебнаго предмета, а, стало быть, и исторіи. Общій педагогическій укладъ школы можетъ увеличивать успѣшность преподаванія отдѣльныхъ предметовъ, но можетъ ее и уменьшать. Этого мало. Въ правильно поставленной школѣ каждый отдѣльный предметъ является лишь одною изъ частей единаго цѣлаго. Объединеніе всего, что окружаетъ учащагося въ школѣ, единою цѣлью обученія и воспита-

нія лишь одно можетъ быть залогомъ полной продуктивности дѣятельности учебнаго заведенія. Безъ наличности единства однѣ изъ силъ, создающихъ вліяніе на учащагося въ школѣ, окажутся иногда въ противорѣчій съ другими, иногда же будутъ ими парализованы, не давая того эффе́кта, который давать онѣ должны и могутъ. Въ школьной жизни нѣтъ мелочей, или, лучше сказать, въ ней мелочей слишкомъ много, но, какъ обстановка, въ которой происходитъ формирова́ніе дѣтей въ отроковъ и юношей, съ закладкою фундамента ихъ знаній, взглядовъ, убѣжденій и навыковъ для всей послѣдующей жизни, эти мелочи приобрѣтаютъ значеніе очень большого дѣла. Въ своемъ обзорѣ того, что мнѣ удалось въ этомъ отношеніи отмѣтить во время моей ревизіи, я остановлюсь главнымъ образомъ лишь на имѣющемъ прямое отношеніе къ преподаванію и имѣю возможность только вскользь и отчасти коснуться входящаго исключительно въ область воспитанія. Спѣшу, однако, оговориться: не такъ легко строго опредѣлить границу обѣихъ сферъ — онѣ слишкомъ близко соприкасаются и даже сливаются воедино. „Учить значитъ воспитывать“ — это положеніе давно уже выработано педагогикою. На немъ стоялъ и нашъ великій педагогъ Н. И. Пироговъ.

Я начну свои замѣчанія съ соразмѣрности и посильности для учащихся задаваемыхъ имъ для приготовленія уроковъ. Эта сторона, на мой взглядъ, требуетъ къ себѣ очень большого и постояннаго вниманія, но она, къ сожалѣнію, далеко не составляетъ серьезнаго предмета заботы въ большинствѣ учебныхъ заведеній, которыя я посѣтилъ, исполняя возложенное на меня порученіе по ревизіи. Размѣры задаваемаго по исторіи къ урокамъ или на урокахъ, на которыхъ я присутствовалъ, обыкновенно были вполне посильны для учащихся. Но за то я обычно отмѣчалъ отсутствіе мѣръ для урегулированія задаванія всѣхъ уроковъ и домашнихъ работъ къ отдѣльнымъ днямъ, т. е. соразмѣренія посильности приготовленія учащихся ко всѣмъ урокамъ даннаго дня. Необходи-

мость заботы объ этомъ, собственно говоря, стала уже общимъ мѣстомъ. Этого мало: ея требуетъ уставъ гимназій (§ 62). И все таки большое число среднихъ учебныхъ заведеній имъ не интересуется. Между тѣмъ едва ли возможно ожидать серьезной успѣшности при задаваніи учащимся на домъ болѣе трехъ уроковъ въ младшихъ классахъ и болѣе четырехъ въ среднихъ и старшихъ, притомъ уроковъ нормальнаго, отнюдь не увеличеннаго размѣра. При такомъ расчетѣ учащейся среднихъ способностей потратить на приготовленіе къ урокамъ даннаго дня отъ 2-хъ или 3-хъ до 4-хъ часовъ. Брать отъ него больше времени на домашнее приготовленіе къ урокамъ едва ли возможно: ему нужно оставить время для отдыха, прогулки и чтенія; кромѣ того, многіе учащіеся занимаются музыкой и другими искусствами. Въ школѣ съ большинствомъ учащихся инородческаго происхожденія, каковою является школа Прибалтійскаго края, соразмѣрность задаванія уроковъ требуетъ къ себѣ особеннаго вниманія. Для большинства учащихся русскій языкъ преподаванія не является языкомъ роднымъ. Они не только заучиваютъ къ уроку данныя, изложенныя въ учебникѣ или сообщенныя преподавателемъ, но и тратятъ много времени и труда на усвоеніе языка (словъ и оборотовъ), которымъ излагаетъ эти данныя учебникъ или преподаватель. Работа тѣмъ тяжелѣе, что семья, въ которой живетъ учащейся, говоритъ сплошь и рядомъ не по-русски, и онъ не только не имѣетъ отъ нея помощи въ своихъ учебныхъ занятіяхъ, но, наоборотъ, обстановка его жизни затрудняетъ ему усвоеніе русскаго языка, ибо онъ дома долженъ говорить на языкѣ семьи и не слышитъ языка, на которомъ учится въ школѣ. Въ виду всего этого, я считалъ бы крайне необходимымъ, чтобы число уроковъ, задаваемыхъ къ каждому отдѣльному дню, не превышало тѣхъ цифръ, которыя я указалъ выше. Достигнуть этого не такъ трудно. Уроки гимнастики, съ одной стороны, и правильно комбинируемыя класныя письменныя работы и курсорное

чтеніе авторовъ, съ другой, даютъ полную возможность добиться того, что къ каждому дню не будетъ задаваться слишкомъ большого числа уроковъ. Необходимъ для осуществленія этой цѣли лишь постоянный надзоръ за задаваніемъ уроковъ органовъ, объединяющихъ въ средней школѣ преподаваніе, т. е. классныхъ наставниковъ и директоровъ. Но, кромѣ надзора за числомъ задаваемыхъ уроковъ, необходимо соблюденіе требованія и согласованія съ силами учащихся размѣровъ задаваемыхъ имъ уроковъ. Отдѣльнымъ преподавателямъ не всегда возможно правильно опредѣлять эти размѣры, хотя отчасти и они могутъ это дѣлать, если классные журналы для записыванія уроковъ ведутся съ точностью и постоянствомъ записи задаваній. Но и за размѣрами задаваемыхъ уроковъ надзоръ долженъ объединяться опять таки бдительностью классныхъ наставниковъ и директоровъ. Мнѣ представляется положительно необходимымъ постоянный просмотръ журналовъ для записыванія уроковъ классными наставниками и директорами и соотвѣтственные переговоры ихъ съ преподавателями въ случаѣ обнаруженія несоразмѣрности задаваній: по одному предмету къ данному дню можетъ быть задано побольше, по другому поменьше, но къ слѣдующему дню наоборотъ — это въ какія-нибудь двѣ недѣли послѣ начала учебныхъ занятій выработается безъ большого труда, конечно, при убѣжденіи въ его необходимости и при желаніи.

Вниманія къ себѣ требуетъ и распредѣленіе письменныхъ работъ, какъ задаваемыхъ на домъ, такъ и предлагаемыхъ въ классѣ. Иногда мнѣ приходилось слышать о задаваніи ученикамъ на домъ десятка и болѣе задачъ по математикѣ. Пусть задачи эти даже предварительно разобраны въ классѣ, но вѣдь ихъ всетаки ученику нужно дома рѣшить вчернѣ, а затѣмъ и переписать набѣло. Если школа должна не только давать знанія, но и вырабатывать навыки и воспитывать добрыя привычки, то безусловно необходимо, чтобы, по крайней мѣрѣ, домашнія письменныя работы выполнялись

учащимися съ полною аккуратностью и съ внѣшней стороны. А сколько времени возьметъ такое выполненіе десяти или пятнадцати задачъ у ученика, особенно если у него не дасться вычисленіе, и сколько оно оставитъ времени для приготовления остальныхъ заданныхъ къ данному дню уроковъ? Я помню изъ своей практики преподавателя среднихъ учебныхъ заведеній, какъ мнѣ въ одномъ изъ нихъ постоянно приходилось считаться съ уроками географіи, ибо преподаватель этого предмета, страстный сторонникъ домашняго приготовления учащимися чертежей и черченія на память, отнималъ у моихъ ученицъ почти весь вечеръ наканунѣ своихъ уроковъ.

Кромѣ того, необходимо строгое соблюденіе требованія, чтобы въ одинъ и тотъ же день въ классѣ не было болѣе двухъ письменныхъ работъ, притомъ не подрядъ и не на послѣднихъ урокахъ. Учащіеся устаютъ отъ неравномѣрно назначаемыхъ письменныхъ работъ въ классѣ, и эта усталость отражается на ихъ классныхъ занятіяхъ и отвѣтахъ въ данный день, а также на ихъ приготовленіи къ слѣдующему дню, потому что они приходятъ изъ учебнаго заведенія домой крайне утомленными. Прибавлю, что вообще на послѣднихъ урокахъ весьма нежелательны письменныя работы: 1) онѣ не могутъ служить провѣркѣ знаній учащихся, уже утомленныхъ къ концу учебнаго дня, и 2) онѣ не имѣютъ и чисто педагогическаго значенія практики или упражненія, такъ какъ усталый ученикъ уже не можетъ вполне владѣть своими силами и знаніями.

Все, что мнѣ пришлось сейчасъ высказать, уже стало общепризнаннымъ и общеизвѣстнымъ, но я долженъ былъ его напомнить, ибо при исполненіи моей ревизіи мнѣ не разъ пришлось встрѣтиться съ его игнорированіемъ. Но мнѣ пришлось встрѣтиться во время моей ревизіи и съ дополнительными уроками, въ частности и по исторіи. Иногда дополнительные уроки должны быть признаваемы безусловно жела-

тельными. Я разумѣю время отъ времени назначаемые преподавателемъ дополнительные уроки, посвящаемые чтенію въ классѣ, показыванію картинъ волшебнаго фонаря, рефератамъ учениковъ, болѣе подробному объясненію, для котораго не хватаетъ у преподавателя времени въ обычные учебные часы, повторенію отдѣловъ курса съ классомъ и т. п. Но такіе уроки должны быть, по моему убѣжденію, 1) безъ требованія что-либо учить къ нимъ и 2) безъ обязательности посѣщенія ихъ всеми учениками класса — они должны предлагаться только желающимъ и по условіямъ своей домашней жизни имѣющимъ возможность на нихъ бывать. Первое является неизбѣжнымъ слѣдствіемъ требованія не переобременять учащихъ домашнимъ приготовленіемъ къ урокамъ. Что касается второго, то оно истекаетъ изъ индивидуальности интересовъ и особенностей условій жизни отдѣльныхъ учениковъ: одни изъ нихъ больше интересуются одними предметами преподаванія и желаютъ отдавать имъ излишекъ своего времени, другіе болѣе склонны расширять свои знанія въ области другихъ предметовъ (возможность это дѣлать свободно, сколько позволяетъ время, — лучший залогъ развитія спеціального интереса къ наукѣ среди учениковъ средней школы); одни ученики живутъ недалеко отъ учебнаго заведенія, другіе далеко и даже иногда внѣ города, въ которомъ оно находится; нѣкоторымъ ученикамъ бывать на дополнительныхъ урокахъ крайне неудобно по распорядку жизни ихъ семьи, или въ виду ихъ внѣшкольныхъ занятій. Но я рѣшительно долженъ высказаться противъ дополнительныхъ уроковъ, назначаемыхъ регулярно на цѣлые мѣсяцы, семестры или даже на весь учебный годъ. Самое назначеніе такихъ дополнительныхъ уроковъ, являясь ломкою дѣйствующей таблицы недѣльныхъ часовъ учебныхъ предметовъ, показываетъ, что съ преподаваніемъ даннаго предмета дѣло обстоитъ не совсѣмъ благополучно. Если требуются дополнительные уроки по какому-либо предмету, это значитъ, что или преподаватель за-

пустилъ преподаваніе въ предшествующее время, или же классъ составленъ изъ такихъ учениковъ, которые не могутъ усваивать нормальный курсъ, а, слѣдовательно, не должны были быть переведенными въ этотъ классъ изъ предыдущаго. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ въ средѣ учениковъ, переобременяемыхъ дополнительно работою, притомъ и классною и домашнею, долженъ рождаться вопросъ: „чѣмъ мы виноваты, что насъ заставляютъ выносить бѣольшую тяжесть, чѣмъ другихъ?“ И учебное заведеніе, чувствуя этотъ вопросъ, хотя и не слыша его, должно молчаливо соглашаться съ тѣмъ, что оно, а не ученики, виновато въ возложеніи на плечи учащихся непосильной, а потому и непродуктивной работы. Поставьте въ курсахъ учебныхъ предметовъ все на свое мѣсто и будьте внимательны къ оцѣнкѣ знаній учениковъ, тогда ни о какихъ дополнительныхъ урокахъ для поднятія элементарной успѣшности учащихся не нужно будетъ и думать.

Перехожу къ балловымъ класснымъ журналамъ, способамъ выставленія въ журналъ отмѣтокъ и ихъ выдачѣ учащимся. Обычнымъ видомъ балловаго журнала въ учебныхъ заведеніяхъ, которыя я посѣтилъ во время моей ревизіи, является классный журналъ съ отдѣльными частями его, отведенными для каждаго учебнаго предмета, т. е. нѣсколько страницъ для Закона Божія, нѣсколько страницъ для русскаго языка, нѣсколько страницъ для исторіи и т. д. При такой формѣ класснаго журнала каждый отдѣльный преподаватель имѣетъ во время урока предъ собою только страницы, отведенныя для его предмета, и эти страницы не даютъ ему ничего, кромѣ того, что онъ имѣетъ въ своей собственной записной книжкѣ (послѣдняя даже даетъ ему больше, такъ какъ въ нее онъ вноситъ свои замѣтки, часто не переносимыя въ классный журналъ). Если преподаватель хочетъ составить себѣ представленіе объ успѣхахъ ученика по другимъ предметамъ, онъ долженъ пересматривать весь журналъ, да и при

такомъ пересмотрѣ ему все таки будетъ очень затруднительно составить себѣ картину даннаго дня, данной недѣли или даннаго мѣсяца по разбросаннымъ на различныхъ страницахъ отмѣткамъ, а потребность въ этомъ должна чувствоваться нерѣдко. Кромѣ того, случаются такіе дни, когда одинъ и тотъ же ученикъ бываетъ вызываемъ отвѣчать сряду на нѣсколькихъ урокахъ. Естественно, что онъ оказывается утомленнымъ послѣ двухъ-трехъ продолжительныхъ отвѣтовъ, и это приходится преподавателю принимать во вниманіе при намѣреніи спросить его и на своемъ урокѣ. Бываютъ случаи, когда обнаруживается полное незнаніе заданнаго ученикомъ на одномъ изъ уроковъ; это требуетъ спроса его и на другихъ для того, чтобы провѣрить его общую работу накануне даннаго дня — быть можетъ онъ ничего не дѣлалъ ни по одному предмету, и, если это такъ, необходимо принять во время мѣры, чтобы онъ не относился столь легкомысленно къ своимъ обязанностямъ. Выдаются также дни, когда классъ утомленъ письменными работами, или когда совпали почти часовыя объясненія уроковъ нѣсколькими преподавателями, — это также необходимо принимать во вниманіе на урокѣ. Вообще въ жизни класса за тотъ или другой день можетъ быть цѣлый рядъ обстоятельствъ, которыя желательно, а часто и необходимо знать преподавателю, который съ этимъ классомъ занимается на своемъ урокѣ. Если классный журналъ не можетъ дать такого знанія вполнѣ, то онъ долженъ все таки возможно полнѣе освѣдомлять дающаго урокъ преподавателя, и выработанная практикою другая форма балловаго класснаго журнала, внѣ всякаго сомнѣнія, дѣлаетъ это. Я имѣю въ виду классный журналъ, котораго страницы разлинованы по днямъ и недѣлямъ, при чемъ каждая страница журнала отведена цѣлой недѣлѣ. Вотъ образецъ начала недѣльной страницы такого журнала :

Фамиліи учениковъ	Понедѣльникъ				Вторникъ				Среда						
	Законъ Божій	Русскій языкъ	Математика	Латинскій яз.	Исторія	Нѣмецкій яз.	Физика	Франц. языкъ	Математика	Латинскій яз.	Русскій языкъ	Исторія	Латинскій яз.	Франц. языкъ	Пропедевтика
1. Александровъ Иванъ	5								4		нб.	нб.	нб.	нб.	нб.
2. Асоръ Густавъ . . .	нб.	нб.	нб.	нб.	нб.	5			3				4		
3. Бергъ Карлъ . . .		5			5			4				отк.			5
4. Бертингъ Оскаръ . .		4			3					4				4	
5. Бѣлинскій Сергѣй .			3									4			
6. Вальтеръ Рудольфъ .						нб.	нб.	нб.	нб.	нб.					
7. Виноградовъ Николай	5				4				5				4		5
8. Гриммъ Германъ . .			3					5							
9. Дальбергъ Вольдемаръ		4				4				4				5	
10. Егоровъ Петръ . . .											4				
11. Захаровъ Семень . .			4					4							
и т. д.															

При такой формѣ балловаго журнала 1) преподаватель каждаго учебнаго предмета до извѣстной степени имѣеть передъ собою картину класса за предшествующіе его уроку часы даннаго дня, а также за все предшествующее время даннаго учебнаго года; 2) классный наставникъ и директоръ всегда имѣють возможность слѣдить за успѣхами учащихся и принимать со своей стороны своевременно, а не съ большимъ опозданіемъ, часто вредно отзывающимся на дѣлѣ, мѣры для поднятія успѣшности класса, т. е. или воздѣйствіе на учениковъ или бесѣду съ преподавателями; 3) при аккуратности веденія журнала всѣми преподавателями открывается возможность для цѣлаго ряда очень цѣнныхъ замѣчаній, на примѣръ часто обнаруживается пропускъ учениками именно тѣхъ дней, на которые падаютъ классныя письменныя работы или уроки опредѣленнаго учебнаго предмета, и т. п.; 4) если давалась

въ классѣ письменная работа, она отмѣчается въ графѣ урока, напоминая преподавателямъ, уроки которыхъ слѣдуютъ за нею, о томъ, что классъ уже писалъ цѣлый часъ; 5) полное отсутствіе отмѣтокъ въ графѣ урока можетъ указывать на то, что весь этотъ урокъ былъ посвященъ разсказу преподавателя или классному чтенію. Такую форму класснаго балловаго журнала я встрѣтилъ только въ одномъ изъ среднихъ учебныхъ заведеній, видѣнныхъ мною во время производства моей ревизіи¹⁾.

Отъ формы балловаго класснаго журнала переходя къ самымъ отмѣткамъ, считаю своимъ долгомъ подчеркнуть необходимость очень большого и серьезнаго вниманія къ нимъ, къ сожалѣнію, наблюдаемаго не во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ педагогической литературѣ и въ обществѣ часто встрѣчаются требованія уничтоженія системы отмѣтокъ. Нельзя не признать серьезныхъ основаній въ пользу осуществленія этихъ требованій, и имѣются даже примѣры учебныхъ заведеній, не примѣняющихъ системы отмѣтокъ. Но для уничтоженія системы отмѣтокъ необходима наличность слѣдующихъ условій: 1) школа должна брать на себя цѣликомъ все дѣло обученія, не прибѣгая къ помощи семьи и гарантируя послѣдней полную успѣшность обученія учащихся силами одной школы; 2) школа и каждый ея дѣятель должны быть увѣрены въ безусловномъ къ нимъ довѣрїи учащихся и ихъ семей; 3) каждый преподаватель долженъ быть вполнѣ увѣреннымъ въ своемъ полномъ знаніи всѣхъ своихъ учениковъ и въ своей способности никогда не забыть каждаго ихъ отвѣта. Едва ли можно думать, что хотя бы одно изъ учебныхъ заведеній, видѣнныхъ мною при исполненіи возложенной на меня ревизіи, согласится себя признать обладающимъ всѣми этими условіями. Кромѣ того, система отмѣтокъ принята дѣй-

1) Въ Либавской Николаевской мужской гимназїи. Въ Рижскомъ реальномъ училищѣ Императора Петра I балловый классный журналъ ведется по недѣлямъ (всѣ предметы на двухъ страницахъ врьдъ).

ствующими уставами и правилами, съ точнымъ опредѣленіемъ значенія каждаго балла, и съ этимъ значеніемъ приходится считаться всѣмъ учащимся не только при переходѣ изъ одного учебнаго заведенія въ другое, но и при переходѣ изъ класса въ классъ, а также при полученіи тѣхъ или другихъ правъ во время пребыванія въ каждомъ изъ нихъ. Оставаясь въ предѣлахъ чисто реального наблюденія той группы учебныхъ заведеній, которая подлежала ему во время моей ревизіи, я обязанъ къ тому же говорить не о преимуществахъ или недостаткахъ самой системы отмѣтокъ, а лишь о томъ, какъ она примѣняется.

Отмѣтки въ настоящее время должны разсматриваться съ точки зрѣнія значенія ихъ 1) для учащихся, 2) для преподавателей, 3) для классныхъ наставниковъ и директоровъ и 4) для родителей учащихся или замѣняющихъ ихъ лицъ. И для ученика, и для преподавателя каждая отмѣтка имѣетъ двоякое значеніе: съ одной стороны, она является оцѣнкою или отдѣльнаго отвѣта, или успѣшности занятій въ теченіе четверти или цѣлаго учебнаго года, а съ другой — каждая отмѣтка имѣетъ прямое воспитательное значеніе. Что касается классныхъ наставниковъ, директоровъ, родителей и замѣняющихъ ихъ лицъ, то отмѣтки, выставляемыя учащимся, даютъ имъ возможность слѣдить за ихъ успѣхами и на основаніи этихъ отмѣтокъ со своей стороны вліять на нихъ такъ или иначе: поощрять или заботиться о поднятіи успѣшности и т. д.

Чтобы служить всѣмъ этимъ цѣлямъ, каждая отмѣтка ¹⁾ должна быть 1) глубоко справедлива и правильна, 2) выставляется въ балловый журналъ, къ свѣдѣнію классныхъ наставниковъ и директоровъ и 3) не рѣже, чѣмъ разъ въ недѣлю, выдается учащимся для сообщенія родителямъ. Не считая нужнымъ говорить о первомъ, ибо справедливость

1) Говоря „каждая отмѣтка“, я далеко отъ мысли, чтобы преподаватель былъ обязанъ выставлять въ журналъ безусловно каждую отмѣтку, вносимую имъ въ свою записную книжку. Иногда онъ не можетъ этого сдѣлать, какъ, напримѣръ, при случайно плохомъ отвѣтѣ хорошаго ученика — такое пристрастіе простить ему и классъ.

должна быть основнымъ требованіемъ для педагога, я останавлиюсь лишь на второмъ и третьемъ. Тутъ я долженъ признать, что мнѣ пришлось встрѣтиться съ рядомъ серьезныхъ упущеній, конечно, если согласиться съ правильностью высказаннаго сейчасъ мною о значеніи отмѣтокъ. Иногда отмѣтки выставляются въ классный журналъ только черезъ двѣ-три недѣли послѣ отвѣта ученика, т. е. тогда, когда послѣдній уже позабылъ его подробности и можетъ легко считать отмѣтку пристрастной, забывъ недостатки и преувеличивая достоинства своего отвѣта. „Свѣдѣнія“ съ отмѣтками объ успѣхахъ учащихся сплошь и рядомъ выдаются не каждую недѣлю, а черезъ нѣсколько недѣль. Это 1) лишаетъ родителей и ихъ замѣстителей возможности своевременно принимать мѣры въ случаѣ неуспѣшности учащихся, а часто, упустивъ двѣ-три недѣли, бываетъ уже нелегко и принять ихъ съ успѣхомъ; кромѣ того, по отношенію къ склонному къ обману ученику родителямъ необходимо знать его отмѣтки и для борьбы съ начавшеюся нравственною порчею ихъ ребенка; а 2) лишаетъ самихъ преподавателей возможности отвѣчать на вопросы, которые по поводу выставленныхъ ими отмѣтокъ имъ могутъ предложить родители учащихся, классные наставники и директоръ, — отвѣтъ ученика уже ими обыкновенно забыть въ его подробностяхъ. Если невыдача каждую недѣлю учащимся отмѣтокъ для сообщенія родителямъ не даетъ послѣднимъ возможности принимать съ ихъ стороны воспитательныя мѣры и мѣры для поднятія успѣшности, то невыставленіе отмѣтокъ сразу въ классный журналъ лишаетъ классныхъ наставниковъ и директоровъ возможности исполнять ихъ долгъ по отношенію къ учащимся, состоящій въ постоянномъ и пристальномъ надзорѣ за ходомъ учебнаго дѣла. При просмотрѣ классныхъ и четвертныхъ журналовъ во время моей ревизіи мнѣ приходилось иногда отмѣчать весьма серьезные недостатки въ дѣлѣ выставленія отмѣтокъ. Такъ, въ одномъ учебномъ заведеніи, въ которомъ отмѣтки въ классный журналъ

выставлялись разъ въ двѣ недѣли, одинъ ученикъ имѣлъ по исторіи отмѣтку „три“ за время съ 9 по 22 сентября; больше отмѣтокъ онъ не имѣлъ вплоть до времени 1—14 ноября (отмѣтка „отказался“), т. е. до наступленія уже второй четверти учебнаго года, а между тѣмъ за первую четверть ему была выставлена въ четвертномъ журналѣ отмѣтка „два“. Естественно спросить: да какъ же изъ тройки, т. е. удовлетворительнаго балла, образовалась двойка, т. е. отмѣтка неудовлетворительная? Очевидно, что ни классный наставникъ, ни директоръ не заглянули въ свое время въ журналъ, не считая нужнымъ исполнять эту свою обязанность. Не слѣдуетъ, однако, забывать, что правильность и справедливость отмѣтокъ, помимо всего остального, оказываютъ и то вліяніе на повышеніе или пониженіе успѣшности преподаванія, что онѣ увеличиваютъ охоту ученика работать надъ даннымъ учебнымъ предметомъ, или же, наоборотъ, ее парализуютъ.

Выше¹⁾ я уже говорилъ о необходимости борьбы средней школы съ дурными задатками и дурными привычками учащихся. Эта борьба, по моему убѣжденію, не должна вестись не только исключительно, но даже и преимущественно, системою наказаній. Я думаю, что цѣль воспитанія достигается не наказаніями, хотя и безъ нихъ часто обойтись нельзя, но во-первыхъ — предупреденіемъ возможности проступковъ, во-вторыхъ — общею дисциплиною учебнаго заведенія и въ-третьихъ — примѣромъ и характеромъ обращенія преподавателей и воспитателей съ ихъ питомцами. Для дѣятелей школы, конечно, предупреждать возможность проступковъ учащихся много труднѣе, чѣмъ ихъ карать. Но именно предупрежденіе проступковъ, а не наказаніе за нихъ, наиболѣе полно достигаетъ цѣли воспитанія, ибо, закрывая возможность совершать проступки и провинности для учащихся, педагогъ вырабатываетъ въ нихъ привычку всегда поступать хорошо

1) Глава III.

и должнымъ образомъ, а привычка — вторая натура, по опредѣленію народной мудрости. Грѣхъ создается искушеніемъ, котораго не можетъ преодолѣть слабая воля, или даже и воля сильная, если человекъ недостаточно окрѣпъ въ нравственномъ отношеніи. И тотъ, и другой случаи въ учащихся наблюдаются постоянно. Отнять отъ учащихся возможность искушенія въ школѣ, искушенія обмануть, сказать дерзость, не послушаться, сдѣлать зло товарищу, лѣниться и т. д. — одна изъ главныхъ воспитательныхъ задачъ школы. Ее нелегко осуществлять, и это осуществленіе требуетъ большихъ труда, вниманія и интереса къ учащимся, но ими должны обладать дѣятели школы. Окрѣпнувъ въ такой обстановкѣ, ученики и ученицы уже легче будутъ потомъ итти по привычной нравственно-правильной дорогѣ и съ бѣльшимъ успѣхомъ будутъ за нее бороться противъ разныхъ вліяній, искушеній и соблазновъ, а также и своихъ дурныхъ желаній.

Школьная дисциплина является средствомъ предупрежденія проступковъ и въ то же время громадною воспитательною силою. Она сдерживаетъ учащагося, иногда уже почти готоваго совершить проступокъ; она создаетъ атмосферу привычнаго и глубоко укореняющагося повиновенія закону и законной власти, объединяющую, рядомъ съ совмѣстнымъ обученіемъ, бесѣдами и играми, учащихся въ нѣчто единое. Но для того, чтобы достигать своей цѣли, школьная дисциплина должна устранить всякій произволъ и случайность настроеній изъ дѣятельности лицъ, учащихся учениковъ и ученицъ и ими руководящихъ. Обязательныхъ для учащихся правилъ и требованій должно быть возможно меньше, но они 1) должны быть цѣлесообразны, 2) понятны учащимся въ ихъ цѣляхъ и 3) безусловно строжайшимъ образомъ исполняться. Только при этихъ условіяхъ въ основу школьной дисциплины ляжетъ повиновеніе не за страхъ, а за совѣсть, не съ ненавистью и насмѣшкою, а съ чувствомъ признанія своего долга.

Что касается обращенія съ учащимися, то оно должно

направляться благожелательностью, тактомъ и чувствомъ мѣры, а также сознаниемъ того, что дѣятельность преподавателя, инспектора и директора для учащихся является примѣромъ вѣрности долгу. Талантъ педагога, обширность знаній и искренняя любовь къ дѣтямъ — удѣлъ не всѣхъ. Поэтому ихъ нельзя и требовать ото всѣхъ преподавателей, директоровъ и инспекторовъ. Но вѣрность долгу, трудъ для школы и благожелательность къ учащимся отъ нихъ требовать необходимо, и это требованіе, думается, для всѣхъ ихъ обязательно. Я подчеркиваю слово благожелательность. Не вымученная изъ себя и, такъ сказать, казенная любовь и отнюдь не вредный сентиментализмъ, а именно благожелательность должна быть постоянно на-лицо въ отношеніяхъ къ учащимся. Основное правило для того, чтобы приносить людямъ всю пользу, которую принести можешь, заключено въ словахъ Божественнаго Учителя: „вся убо, елика аще хотите, да творятъ вамъ чловѣцы, тако и вы творите имъ“. Въ соблюденіи этого правила главный залогъ успѣха дѣятельности и педагога. Тогда педагогъ въ школѣ будетъ жить одною жизнью со своими питомцами, руководя ими съ чувствомъ, близкимъ къ тому, съ которымъ отецъ относится къ своимъ дѣтямъ; тогда онъ мысленно, а иногда и физически, пойдетъ за своимъ ученикомъ въ его домашнюю обстановку; тогда исчезнетъ и раздѣленіе на два лагеря, враждующихъ одинъ съ другимъ, — лагерь учащихся и лагерь преподающихъ съ директоромъ и инспекторомъ; лагерь ускользающихъ отъ надзора, а иногда и дѣлающихъ непріятности надзирающимъ и лагерь лоящихъ; тогда постоянный экзамень обратится въ истинное преподаваніе; тогда школа обратится въ ту casa giocosa, о которой мечтали педагоги-гуманисты; тогда преподаватель, директоръ и инспекторъ станутъ учителями и воспитателями въ высокомъ значеніи этихъ словъ, и подъ ихъ руководствомъ учащіеся дѣти, отроки и юноши выростутъ въ знающихъ, доброжелательныхъ и вѣрныхъ своему долгу взрослыхъ людей, на счастье себѣ, на радость ихъ

семьямъ и на великую пользу для общества и государства. Я считалъ своимъ долгомъ высказать все это на настоящихъ страницахъ потому, что во время моей ревизіи мнѣ не разъ приходилось встрѣчаться съ иными взглядами, господствующими среди преподавателей и руководителей отдѣльныхъ среднихъ учебныхъ заведеній и направляющими ихъ дѣятельность.

Свои замѣчанія объ общемъ укладѣ педагогической жизни учебныхъ заведеній я закончу замѣчаніями, относящимися къ производству экзаменовъ, на которыхъ я присутствовалъ. Я не стану говорить о постановкѣ вопросовъ и вообще объ относящемся къ экзаменамъ по исторіи, какъ къ моменту ея преподаванія, такъ какъ о преподаваніи этого учебнаго предмета я уже говорилъ выше. Но я не могу не сдѣлать нѣсколькихъ замѣчаній по отношенію къ производству этого завершающаго годовыя учебныя занятія акта въ его общей постановкѣ, какъ важнаго и серьезнаго момента въ жизни учащихся. Для послѣднихъ экзаменъ — провѣрка ихъ знаній, усвоенныхъ за учебный годъ, съ яркими впечатлѣніями, часто не забываемыми во всю послѣдующую жизнь, иногда съ радостью успѣха, а иногда съ дѣтскимъ и юношескимъ горемъ, какъ для оставляемыхъ на повторительный курсъ, подвергаемыхъ переэкзаменовкамъ и даже удаляемыхъ изъ учебнаго заведенія, такъ и для неудовлетворенныхъ своими отвѣтами послѣ годичныхъ успѣховъ. Это значеніе экзаменовъ въ школьной жизни и заставляеть меня высказать хотя бы часть того, что, присутствуя на нихъ во время ревизіи, я отмѣчалъ какъ черты общаго педагогическаго уклада въ томъ или другомъ учебномъ заведеніи.

Во-первыхъ, я долженъ сказать, что я не всегда видѣлъ передъ экзаменаторами классные балловые журналы; ихъ обычно замѣняли одни журналы четвертные. Между тѣмъ значеніе экзаменной отмѣтки, при нерѣдкихъ колебаніяхъ въ ея постановкѣ, часто требуетъ отъ комиссіи экзаменаторовъ справокъ не только съ годовыми и четвертными отмѣтками,

но и съ тѣмъ, изъ какихъ балловъ послѣднія образовались.

Затѣмъ я долженъ отмѣтить не совсѣмъ правильный способъ производства экзамена, который мнѣ пришлось наблюдать. Экзаменъ¹⁾ производился такимъ образомъ, что и преподаватель, и ассистентъ экзаменовали одновременно (въ одно и то же время производилось испытаніе для двухъ параллельныхъ отдѣленій одного и того же класса, изъ которыхъ въ одномъ преподавателемъ былъ одинъ изъ экзаменаторовъ, а въ другомъ другой), такъ что въ дѣйствительности каждый изъ экзаменаторовъ производилъ экзаменъ своему классу безъ ассистента и безъ предсѣдателя испытательной комиссіи, которая такимъ образомъ и не существовала вовсе. Такой порядокъ не могу признать правильнымъ, такъ какъ онъ упраздняетъ требованіе производства испытаній въ комиссіяхъ, имѣющихъ въ своемъ составѣ не только преподавателя-экзаменатора, знающаго экзаменующихся учениковъ по ихъ годовымъ занятіямъ, но и ассистента и предсѣдателя, слушающихъ отвѣты экзаменующихся и оцѣнивающихъ ихъ независимо отъ впечатлѣній, которыя остались отъ этихъ занятій у преподавателя. При выставленіи экзаменной отмѣтки, а также и для разрѣшенія различныхъ вопросовъ формальнаго и дисциплинарнаго характера, думается, испытательной комиссіи безусловно необходимъ и предсѣдатель. Одновременное производство экзамена для двухъ классовъ имѣетъ и другія неудобства. Отмѣчу нежелательность помѣщенія 60—80 учащихся въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ въ классной комнатѣ, рассчитанной на 30—40 человекъ. Укажу и на то, что одновременные отвѣты двухъ учениковъ способны мѣшать каждому изъ экзаменаторовъ и экзаменующихся, нарушая ихъ вниманіе, а отвѣтъ на экзаменѣ имѣетъ слишкомъ крупное значеніе для учащихся, и нельзя упускать этого изъ виду. Кромѣ того, гулъ отъ одновременныхъ отвѣтовъ нару-

1) Не въ выпускномъ классѣ.

шаетъ порядокъ въ классѣ, привычка къ которому должна неуклонно воспитываться въ учащихся.

Программы испытаній, на которыхъ мнѣ пришлось присутствовать, были почти всегда составлены ясно и опредѣленно. Жаль только, что иногда формулировка вопросовъ отзывалась фразой. По своему содержанию экзаменныя программы или повторяли оффиціальную программу, напечатанную въ Учебныхъ Планахъ, или дополняли ее вопросами, ее уясняющими или пополняющими изъ введеннаго преподавателемъ въ свой курсъ. Въ этихъ то дополненіяхъ мнѣ и встрѣчался тотъ недостатокъ въ формулировкѣ вопросовъ, который я сейчасъ отмѣтилъ. Пришлось мнѣ встрѣтиться и съ программами, спеціально напечатанными для даннаго экзамена. По поводу бывшихъ у меня въ рукахъ экземпляровъ такихъ печатныхъ программъ долженъ, къ сожалѣнію, отмѣтить недостаточное вниманіе къ ихъ изготовленію. Нѣкоторыя изъ замѣченныхъ мною опечатокъ, какъ напримѣръ „столкновеніе двухъ мировъ: греческаго и персидскаго“, „Екатериненскіе орлы“ и т. п. ¹⁾, весьма неудобны при не всегда хорошемъ знаніи учащимися русскаго языка и правописанія — подобныя опечатки могутъ способствовать закрѣпленію безграмотности, ибо, не будучи всегда въ силахъ самостоятельно замѣтить опечатку, учащіеся могутъ видѣть въ ней подтвержденіе правильности своего невѣрнаго правописанія, притомъ подтвержденіе авторитетомъ преподавателя. Кромѣ того, программа, какъ и все, что дается школою въ руки учащихся для изученія и руководства, должна быть изготовлена съ полными тщательностью и вниманіемъ. Въ противномъ случаѣ передъ учащимися всегда будетъ вставать вопросъ: „почему отъ насъ требуется тщательность исполненія нашихъ письменныхъ работъ, если выдаваемое намъ на руки не только написанное преподавателемъ, но даже имъ

1) Опечатки встрѣчаются въ программахъ и при воспроизведеніи въ печати словъ иностранныхъ языковъ, напримѣръ: „L'etat c'est moi“.

напечатанное имѣеть ошибки и исполнено недостаточно внимательно?“

Наконецъ, по поводу производства экзаменовъ я имѣю еще отмѣтить способъ сообщенія классу отмѣтокъ послѣ окончанія экзамена. Въ двухъ изъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ я присутствовалъ на испытаніяхъ, послѣ окончанія отвѣтовъ всѣхъ экзаменующихся и выставленія имъ отмѣтокъ, послѣднія сейчасъ же прочитывались классу. Но въ третьемъ учебномъ заведеніи послѣ окончанія отвѣтовъ ученики должны были расходиться по домамъ, не зная результатовъ экзамена. Такое несообщеніе экзаменныхъ отмѣтокъ классу мнѣ представляется жестокимъ и неоправдываемымъ никакими педагогическими соображеніями: сообщить учащимся отмѣтки рано или поздно всетаки придется; зачѣмъ же ихъ напрасно томить неизвѣстностью? Каждый изъ насъ отлично помнитъ, съ какимъ волненіемъ онъ ожидалъ результата экзаменовъ въ бытность гимназистомъ и даже студентомъ, и то же волненіе, конечно, испытываютъ и тѣ, кто учится въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ теперь.

Спѣшу закончить мои замѣчанія объ общихъ педагогическихъ условіяхъ жизни среднихъ учебныхъ заведеній, отражающихся на успѣшности преподаванія всѣхъ учебныхъ предметовъ, а въ числѣ ихъ и исторіи. Я коснулся лишь тѣхъ сторонъ, которыя наиболѣе бросались мнѣ въ глаза, когда я сводилъ въ одно цѣлое свои наблюденія, сдѣланныя во время ревизіи. Еслибы я стремился разработать эти вопросы всесторонне и *à fond*, то, конечно, мнѣ пришлось бы написать еще много, ибо я настаиваю на выдвинутомъ мною выше положеніи, что въ школѣ все связано одно съ другимъ, и что успѣшность преподаванія въ значительной степени зависитъ отъ общаго уклада педагогической жизни учебнаго заведенія.

Мой Отчетъ разросся въ своихъ размѣрахъ, какъ я ни старался себя сдерживать и сокращать его, такъ часто отказываясь отъ изложенія ряда мыслей и замѣчаній, которыя настойчиво тѣснились къ моему перу. Когда я сидѣлъ въ томъ или другомъ классѣ, производя ревизію, я не могъ не думать о томъ, что 30—40 человѣкъ здѣсь получаютъ тѣ впечатлѣнія, которыя ложатся въ основаніе ихъ взгляда на жизнь и на людей; что эти 30—40 человѣкъ имѣютъ нужду не только въ знаніи, но и въ ласкѣ, и что переживаемое ими въ стѣнахъ учебнаго заведенія идетъ въ ихъ семьи, которыя волнуются ихъ заботами и чувствами и которыя выносятъ черезъ этихъ дѣтей, юношей и дѣвушекъ то или другое отношеніе къ государству, дающему имъ эту школу. Какъ сейчасъ помню то, что мнѣ рассказывалъ о своихъ гимназическихкихъ годахъ одинъ, теперь уже немолодой человѣкъ. Изъ окна класса, въ которомъ онъ сидѣлъ, видна была высокая колокольня церкви, рядомъ съ которой находился домъ, гдѣ жили его родители. „Господи! скорѣе бы туда изъ этой тяжелой обстановки“ — мечталъ онъ, сидя въ классѣ. Но я вспоминаю и слезы ученицъ, которыя мнѣ приходилось видѣть при разставаніи ихъ съ гимназіей послѣ окончанія ея курса. Вспоминаю и тѣ сердечныя отношенія къ родной гимназіи, которыя онѣ сохраняли въ послѣдующую свою жизнь. Не могу не подчеркнуть и того, что хорошая школа въ наши дни является однимъ изъ крѣпкихъ звеньевъ, которыми привязывается къ себѣ и заставляеть себя любить государство.

Да послужить же оправданіемъ размѣровъ моего Отчета мое искреннее и горячее желаніе принести моею ревизіею возможно больше пользы дѣлу процвѣтанія средней школы Рижскаго Учебнаго Округа — вотъ почему я не могъ удержаться отъ изложенія на настоящихъ страницахъ хотя части моихъ мыслей, вызванныхъ впечатлѣніями реви-

зи, которыя ложились на основу стараго опыта преподавателя, не безъ труда, но съ неослабъвавшею любовью къ средней школѣ накопленнаго мною за годы преподаванія въ ней и близости къ ней.

Юрьевъ Лифляндскій.
22 января 1912 года.

И. Лаппо.

